

ISSN: 2619-0648

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научный рецензируемый журнал

№ 3

2026

Ex jure

Scientific Peer-reviewed Journal

No. 3

2026

PERM STATE UNIVERSITY

Ex jure

Учредитель и издатель:

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Издается с 2018 г.

Выход 4 раза в год

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор -

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, г. Москва (Российская Федерация); Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

050101. Теоретико-исторические правовые науки
050102. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
050103. Частно-правовые (цивилистические) науки
050104. Уголовно-правовые науки

Сайт журнала
<http://ex-jure.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140.
Подписной индекс 83987

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Бакулина Лилия Талгатовна – д. ю. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Российская Федерация);

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, Институт государства и права РАН, г. Москва (Российская Федерация);

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург (Российская Федерация);

Гонгало Бронислав Мичиславович – д. ю. н., профессор, Уральский государственный юридический университет г. Екатеринбург (Российская Федерация);

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, г. Москва (Российская Федерация);

Виноградова Елена Валерьевна – д. ю. н., профессор, Институт государства и права РАН, г. Москва (Российская Федерация);

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, г. Москва (Российская Федерация);

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва (Российская Федерация);

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, Заслуженный юрист РФ, Институт государства и права РАН, г. Москва (Российская Федерация);

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск (Российская Федерация);

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Российская Федерация);

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, Нижегородская академия МВД РФ, г. Нижний Новгород (Российская Федерация).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Килина Ирина Владимировна (заместитель гл. редактора) — к. ю. н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Аристов Евгений Вячеславович — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Безруков Сергей Сергеевич — д. ю. н., доцент, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ, г. Москва (Российская Федерация);

Валеев Дамир Хамитович — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация); Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Российская Федерация);

Васильева Юлия Валерьевна — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Каплунов Андрей Иванович — д. ю. н., профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация);

Комиссарова Елена Генриховна — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Липинский Дмитрий Анатольевич — д. ю. н., профессор, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти (Российская Федерация);

Лопашенко Наталья Александровна — д. ю. н., профессор, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов (Российская Федерация);

Матвеев Антон Геннадьевич — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Незнамова Зинаида Александровна — д. ю. н., профессор, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург (Российская Федерация);

Пастухов Павел Сысоевич — д. ю. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь (Российская Федерация);

Поляков Сергей Борисович — д. ю. н., профессор, г. Пермь (Российская Федерация);

Романовский Георгий Борисович — д. ю. н., профессор, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск (Российская Федерация);

Стахов Александр Иванович — д. ю. н., профессор, Российский государственный университет правосудия, г. Москва (Российская Федерация);

Федорова Марина Юрьевна — д. ю. н., профессор, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург (Российская Федерация).

Адрес учредителя и издателя:
614068, Россия, Пермский край
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:
614068, Россия, Пермский край
г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7 (342) 239-62-75
e-mail: ex-jure@mail.ru

Редактор *Т. И. Ускова*
Компьютерная вёрстка: *С. А. Овчинникова*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, +7 (342) 239-65-47
Подписано в печать 16.07.2026
Дата выхода в свет 20.07.2026. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 13,41. Тираж 150 экз. Первый завод 25. Заказ 97

Ex jure

Founder and publisher:
Perm State University

Published since 2018

Published 4 times a year

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief –

Olga A. Kuznetsova, Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow (Russian Federation); Perm State University, Perm (Russian Federation)

journal's scope includes the following fields:

theoretical and historical law sciences,
public law (state law) sciences,
private law (civil law) sciences,
criminal law sciences.

Website

<http://ex-jure.psu.ru>

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), Registration Certificate PI No. FS 77-73154, issued on June 22, 2018.

Valery G. Golubtsov (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Lilia T. Bakulina – Doctor of Juridical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russian Federation);

Andrey V. Gabov – Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russian Federation);

Svetlana Yu. Golovina – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Yekaterinburg (Russian Federation);

Bronislav M. Gongalo – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Yekaterinburg (Russian Federation);

Yevgeniy V. Vavilin – Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow (Russian Federation);

Elena V. Vinogradova – Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russian Federation);

Inna V. Yershova – Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow (Russian Federation);

Vladimir V. Zaitsev – Doctor of Juridical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russian Federation);

Sergey V. Zapolskyi – Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russian Federation);

Sergei V. Zuev – Doctor of Juridical Sciences, South Ural State University, Chelyabinsk;

Vladimir A. Kochev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Ildar A. Tarkhanov – Doctor of Juridical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russian Federation);

Vladimir A. Tolstik – Doctor of Juridical Sciences, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod (Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Irina V. Kilina (Deputy Editor-in-Chief) – Candidate of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Evgeny V. Aristov – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Sergey S. Bezrukov – Doctor of Juridical Sciences, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow (Russian Federation);

Damir K. Valeev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation); Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russian Federation);

Yuliya V. Vasileva – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Andrei I. Kaplunov – Doctor of Juridical Sciences, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg (Russian Federation);

Elena G. Komissarova – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Dmitriy A. Lipinsky – Doctor of Juridical Sciences, Togliatti State University, Togliatti (Russian Federation);

Natalya A. Lopashenko – Doctor of Juridical Sciences, Saratov State Law Academy, Saratov (Russian Federation);

Anton G. Matveev – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Zinaida A. Neznamova – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Yekaterinburg (Russian Federation);

Pavel S. Pastukhov – Doctor of Juridical Sciences, Perm State University, Perm (Russian Federation);

Sergei B. Polyakov – Doctor of Juridical Sciences, Perm (Russian Federation);

Georgiy B. Romanovskiy – Doctor of Juridical Sciences, the Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saransk (Russian Federation);

Aleksandr I. Stakhov – Doctor of Juridical Sciences, Russian State University of Justice, Moscow (Russian Federation);

Marina Yu. Fedorova – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University Named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg (Russian Federation)

Address of the Founder:

15, Bukireva st., Perm, Perm Krai, 614068, Russia

Address of the Editorial Office:

15, Bukireva st., Perm, Perm Krai, 614068, Russia
Phone number: +7 (342) 239-62-75
e-mail: ex-jure@mail.ru

Editor: *Tatiana I. Uskova*

Computer layout: *Sofya A. Ovchinnikova*

Cover design: *Tatiana A. Basova*

Printed by the Perm State University Printing House

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Phone number: +7 (342) 239 65 47

Signed in print: 16 July 2026

Published on 20 July 2026. Printed format: 70x100/16

Conventional printed sheet: 13,41. Circulation: 150

copies. First printing: 25 copies. Order 97

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кузнецова О. А., Антонян А. К.

Двенадцать первых: профессор Пермского университета

Леонид Васильевич Успенский..... 8

Кузнецова О. А., Трапезников А. И.

Двенадцать первых: профессор Пермского университета

Михаил Васильевич Птуха 27

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Валеева Г. А.

К вопросу о понятии института процессуальной ответственности 43

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Курченко О. С.

Актуальные вопросы пенсионного обеспечения граждан, прибывших на постоянное жительство в Российскую Федерацию из государств – участников Евразийского экономического союза..... 53

Гарцева Ю. Ю., Николаев В. Б.

Денатурализация в российском праве: теоретико-правовые основания и имплементация в контексте защиты конституционного строя 66

Эйриян Г. Н.

Использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд правообладателями земельных участков 76

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Васькевич В. П., Демиева А. Г., Экзекова Л. М.

Генезис частноправового регулирования страхования имущества в России и Германии: проблемы диверсификации и систематизации страхового законодательства 89

Захаркина А. В.

Триединство философских проекций, детерминирующих концептуализацию исполнения гражданско-правовых обязательств 106

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ефремова М. А., Нагорный А. А.

Проблемы квалификации преступлений в сфере манипулирования рынком цифровых активов 115

Моругина Н. А.

Профессиональный ответ на вызовы киберпреступности: формирование кадрового потенциала для современного уголовного судопроизводства..... 129

Поликарпова О. С.

О некоторых сложностях формирования в уголовном судопроизводстве доказательств при использовании IT-технологий для совершения преступлений..... 141

Соловьева Е. А.

Имплицитные признаки состава преступления 150

Правила направления и опубликования научных статей в EX JURE 164

CONTENTS

TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE LAW FACULTY AT PERM UNIVERSITY

Kuznetsova O. A., Antonyan A. K.

The First Twelve: Leonid Vasilyevich Uspensky, Professor at Perm University 8

Kuznetsova O. A., Trapeznikov A. I.

The First Twelve: Professor at Perm University Mikhail Vasilyevich Ptukha 27

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Valeeva G. A.

On the Concept of Procedural Liability 43

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Kurchenko O. S.

Current Issues of Pension Provision for Citizens Who Have Arrived
for Permanent Residence in the Russian Federation From the Eurasian Economic
Union Member States..... 53

Gartseva Yu. Yu., Nikolaev V. B.

Denationalization in Russian Law: Theoretical and Legal Foundations and
Implementation in the Context of Protecting the Constitutional System 66

Eyrian G. N.

Use of Common Minerals and Groundwater for Own Needs
by Land Plot Rightholders..... 76

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Vaskevich V. P., Demieva A. G., Ekzekova L. M.

The Genesis of Private Law Regulation of Property Insurance in Russia
and Germany: Problems of Diversification and Systematization
of Insurance Legislation..... 89

Zakharkina A. V.

The Trinity of Philosophical Projections That Determine the Conceptualization
of the Fulfillment of Civil Obligations..... 106

CRIMINAL LAW SCIENCES

Efremova M. A., Nagorny A. A.

Problems of Qualifying Crimes in the Field of Digital Asset Market Manipulation 115

Morugina N. A.

Professional Response to Cybercrime Challenges: Building Human Resources
for Modern Criminal Proceedings 129

Polikarpova O. S.

On Some Difficulties in Forming Evidence in Criminal Proceedings When IT
Technologies Are Used to Commit Crimes 141

Soloveva E. A.

Implicit Elements of a Crime 150

Rules of Submission and Publication of Scientific Articles in EX JURE 165

К 110-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 378.4(470.53).096:34
DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-8-26
<https://elibrary.ru/aeakdd>

EDN AEAKDD

Двенадцать первых:
профессор Пермского университета
Леонид Васильевич Успенский

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

© Кузнецова О. А., Антонян А. К., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

А. К. АНТОНЯН

Ассистент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполняется 110 лет. У истоков юридического образования и правоведческой науки в Перми стояли двенадцать профессоров: И. А. Антропов, А. М. Горовцев, В. Ф. Глушков, В. Н. Дурденевский, С. Ф. Кечекьян, А. Н. Круглевский, В. Ф. Матвеев, М. В. Птуха, Л. В. Успенский, Н. В. Устрялов, Н. Н. Фиолетов, А. С. Яценко. В очередном выпуске журнала мы продолжаем цикл публикаций, посвященных тем, кто создал факультет и заложил основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Настоящая статья посвящена профессору Леониду Васильевичу Успенскому (1888–1937), его биографии, географии жизненного пути (Москва, Пермь, Ташкент, Москва) и краткому анализу научных работ. Л. В. Успенский являлся профессором Пермского университета с 14 (1) октября 1916 года по 1 декабря 1918-го.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа, первые пермские профессора-юристы, профессор Леонид Васильевич Успенский, философия права, энциклопедия права

Благодарности: авторы выражают благодарность за ценные материалы и советы ведущему специалисту Музея юридического факультета МГУ Г. Н. Рыженко и доктору юридических наук, профессору кафедры гражданского права Ташкентского государственного университета Л. М. Бурхановой.

The First Twelve:
Leonid Vasilyevich Uspensky,
Professor at Perm University

O. A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

A. K. Antonyan

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Abstract: *the Faculty of Law of Perm University will celebrate its 110th anniversary in 2026. Twelve professors were the pioneers of legal education and legal science in Perm: I. A. Antropov, V. F. Glushkov, A. M. Gorovtsev, V. N. Durdenevsky, S. F. Kechekyan, A. N. Kruglevsky, V. F. Matveev, M. V. Ptukha, L. V. Uspensky, N. V. Ustryalov, N. N. Fioletov, A. S. Yashchenko. This article continues a series of articles dedicated to these professors who created the faculty and laid a foundation for its scientific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil war (1916–1920). The article is devoted to Professor Leonid Vasilyevich Uspensky (1888–1937), to his biography and life geography (Moscow, Perm, Tashkent, Moscow) and a brief analysis of his scientific papers. L. V. Uspensky held a professorship at the Perm University from October 14 (1), 1916 to December 1, 1918.*

Keywords: *Perm Scientific Law School, the first Perm law professors, Professor Leonid Vasilyevich Uspensky, Philosophy of Law, Encyclopedia of Law*

Acknowledgments: *the authors express their gratitude for the valuable rare materials and advice to G. N. Ryzhenko, a leading specialist at the Museum of the Law Faculty of Moscow State University, as well as to L. M. Burkhanova, Doctor of Law and Professor at the Department of Civil Law at Tashkent State University.*

С первых дней открытия Пермского отделения Петроградского университета на должности приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права начал работать **Леонид Васильевич Успенский** (29 ноября 1888 г. – 19 января 1937 г.), выпускник и приват-доцент юридического факультета Московского университета, ученик философа-правоведа князя Е. Н. Трубецкого.

Леонид Васильевич родился в Москве в семье титулярного советника, помощника секретаря Московского столичного съезда мировых судей Василия Ивановича Успенского и Елизаветы Петровны Успенской (в девичестве Клакотинской)¹. Василий Иванович был из духовного звания, воспитывался в Тульской духовной семинарии. 15 февраля 1896 года ему была пожалована серебряная медаль «В память коронации Императора Николая II» для ношения в петлице на андреевской ленте.

Леонид Васильевич учился в 3-й Московской гимназии. В 1907 году окончил Московское Императорское коммерческое училище, со свидетельством которого и званием кандидата коммерции, сдав дополнительный экзамен по латинскому языку, в том же году поступил вольнослушателем на юридический факультет Московского государственного университета.

Заметим еще, что в студенческие годы Л. В. Успенский был участником кружка «Новь», за что политически «пострадал», о чем сообщил московский градоначальник

¹ Брак родителей Л. В. Успенского был заключен 18 октября 1887 г.

директору Московского коммерческого института, в который Л. В. Успенский поступал на работу в качестве сверхштатного ассистента в 1914 году: «Сын титулярного советника Леонид Васильевич Успенский, будучи студентом Московского Университета, 18 сентября 1908 в числе других лиц был задержан на квартире князя Долгорукова на неразрешенном собрании студенческого кружка “Новь”, каковое собрание, по имеющимся негласным сведениям, представляло собою заседание представителей всех существующих в Университете политических организаций, за что, согласно предложения Московского генерал-губернатора от 24 сентября 1908 года за № 3078, Успенский подлежал аресту при полиции на десять дней, каковой был ему заменен денежным штрафом в 50 рублей»².

23 мая 1911 года он выдержал экзаменационные испытания и по окончании юридического факультета Императорского Московского университета получил диплом первой степени (диплом № 42687 от 27 ноября 1911 г.)³. 28 сентября 1912 года был оставлен на два года без содержания на кафедре энциклопедии права и истории философии права для приготовления к профессорскому званию⁴. Рекомендацию ему дал в то время исправляющий должность экстраординарного профессора Московского университета Александр Львович Байков, специалист по теории и философии права и по международному праву. Для оставления на кафедре Л. В. Успенский представил сочинение «Значение политического учения Фихте для современного правосознания». Позже срок оставления на кафедре был продлен до 28 сентября 1915 года по ходатайству профессоров Б. П. Вышеславцева и А. Л. Байкова.

Леонид Васильевич Успенский владел французским и немецким языками.

С 16 октября 1913 года его и Степана Федоровича Кечекияна утвердили сверхштатными ассистентами Московского коммерческого института сроком на два года⁵.

28 октября 1915 года по результатам сданных экзаменов ему присвоили степень магистра государственного права. В том же году, 27 ноября, он прочитал на публичном заседании юридического факультета Московского университета две пробные лекции: одну по назначению факультета – «Право и принуждение», вторую по своему выбору – «Идея прогресса у бл. Августина»⁶ (последнюю в дальнейшем опубликовали⁷), и с 9 декабря был принят на должность приват-доцента Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права, где ему поручили

² Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 266. Л. 30.

³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 469. Д. 486. Л. 9.

⁴ История юридического факультета Московского университета (1755–2010) / [В. А. Томсинов, П. Л. Полянский, Г. Н. Рыженко и др.]; отв. ред. В. А. Томсинов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Городец, 2011. С. 421. Одновременно с ним были оставлены на этой же кафедре С. Ф. Кечекиян (и в 1913 году Н. В. Устрялов), а по кафедре полицейского права – В. Н. Дурденевский, также в будущем профессора Пермского университета.

⁵ ЦГАМ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 266. Л. 1.

⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 415. Л. 75.

⁷ Успенский Л. Идея прогресса в философии бл. Августина // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132–133 (II–III). С. 105–124.

вести в первом полугодии 1916 года семинарии по истории античной философии (Этика Платона) по два часа в неделю⁸.

Вероятно, на момент отъезда в Пермь Л. В. Успенский работал только на экономическом отделении Московского коммерческого института, в котором 16 февраля 1916 года, по истечении двухлетнего срока со дня назначения, был переизбран на должность сверхштатного ассистента, но, в отличие от С. Ф. Кечекьяна, у него в документах о переизбрании нет записи о сохранении его в звании приват-доцента Московского университета⁹. Кроме того, в Пермь Леонид Васильевич Успенский был командирован на один год для преподавания энциклопедии и философии права с разрешения министра торговли и промышленности, в чьем ведении находился Московский коммерческий институт¹⁰.

16 октября 1916 года ему был присвоен чин коллежского секретаря.

В 1915–1916 годах Л. В. Успенский активно писал обзоры и рецензии на философские и правоведческие работы¹¹.

О внеуниверситетской московской жизни Л. В. Успенского мы можем узнать из воспоминаний Надежды Юрьевны Фиолетовой, супруги другого выпускника и тоже молодого приват-доцента Московского университета и будущего профессора Пермского университета Николая Николаевича Фиолетова. В частности, Леонид Васильевич был активным участником заседаний Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, проходивших в доме русской благотворительницы, одной из ключевых фигур московской культурной жизни начала прошлого века М. К. Морозовой. Н. Ю. Фиолетова, посещавшая эти заседания, так описала «молодого талантливого философа»: «Небольшого роста, приземистый, сильно сутулый (настоящий “конек-горбунок”), с большим лбом, который казался еще больше от лысины, и прекрасными синими глазами, выступал всегда очень живо, захлебываясь, плюясь, но ярко и эмоционально»¹². Она также упоминала об адвокатской работе Успенского: «По окончании университета <Фиолетов> Николай Николаевич вступил в коллегию присяжных поверенных, но практически адвокатурой никогда не занимался, в противоположность Л. В. Успенскому, специализировавшемуся на крестьянских делах и имевшему большую клиентуру среди крестьян»¹³.

⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 415. Л. 56.

⁹ ЦГАМ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 266. Л. 35.

¹⁰ Там же. Л. 21.

¹¹ Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1915. Кн. XI (III). С. 183–184. Рец. на кн.: Герье В. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915; Он же. [Рецензия] // Юридический вестник. 1915. Кн. XII (IV). С. 165–167. Рец. на кн.: Вышеславцев Б. Этика Фихте (Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914; Он же. [Рецензия] // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 175–176. Рец. на кн.: Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (Основы Законоведения. Общедоступные очерки И. А. Ильина, В. М. Устинова, И. Б. Новицкого и М. Н. Гернета). М., 1915; Он же. [Рецензия] // Юридический вестник. 1916. Кн. XVI (IV). С. 189–191. Рец. на кн.: Ефимов Е. Н. Курс законоведения. Ч. 1: Элементарные понятия о государстве и праве. М., 1916.

¹² Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // Минувшее: ист. альм. Вып. 9. М.: Феникс, 1992. С. 16.

¹³ Там же.

Свои воспоминания об Успенском периода членства в религиозно-философском обществе оставил и Николай Васильевич Устрялов, также в будущем ставший профессором Пермского университета:

«Вспоминаю наш незабвенный семинарий, философское гнездо Е. Н. Трубецкого. Как-то удачно образовалось ядро, обеспечившее успех. Семинарий не захирел, как это часто бывало с аналогичными начинаниями, а, напротив, развился, возмужал и процвел.

Кто же был в этом рабочем ядре, в этой ведущей ячейке?

Первое место по праву принадлежало в нем Леониду Васильевичу Успенскому. Это был, несомненно, одаренный философски юноша, при всей своей смешноватой осанке и неуклюжей манере себя держать. Впервые увидел я его на собрании кадетской студенческой фракции. Небольшого роста, сутулый, с небрежной бородкой и густыми большими усами, он охотно вмешивался в прения, говорил быстро, глухим голосом, заикаясь и часто брызжа слюной. На сходках на этом основании университетские остряки называли его “товарищ Плевака” и “кадетский водопровод”.

Он был талантлив, но небрежен. Небрежен не только внешне, физически, но и в работе. “Прорабатывать” тему не любил, зато “продумывал” ее превосходно. Ум его был быстрый, напористый. Написать реферат представлялось для него задачей почти непосильной, но произнести отличную философскую речь – на это был он мастер первоклассный. По первости производил он смешное впечатление, и трудно бывало его слушать без улыбки. Но потом, когда мы к нему привыкли, внешняя комичность всех... его суетливых жестов, заиканий и брызг стиралась, и внимание фиксировалось на содержании его выступлений, всегда интересном.

Научную работу он соединял с юридической практикой у известного в Москве “подпольного аблаката”, человека с наружностью профессора и душой паука¹⁴. В его конторе составлялись прошения, давались консультации всевозможному мелкому люду, нещадно этими советниками обиравшемуся. По окончании университета, по приглашению Л.В., я зашел в эту контору где-то далеко в Замоскворечьи, присмотрелся – и от работы в ней уклонился, по неспособности и чувству брезгливости. И убедился, что в нашем Леониде Васильевиче – как бы “две души”.

Кандидатскую работу писал он о Фихте, и был оставлен при университете. Был кантианцем, развиваясь от Канта и Когена к новейшим утонченным философским концепциям нашего тогдашнего “александризма”: Флоренский, Франк, традиции Плотина и Кузанца.

Через два года держал магистрантские экзамены. По основному предмету выдержал отлично, но по международному праву срезался – редкий скандал! Проявил парадоксальное незнание с историческими фактами [запомнил Парижский мир после Крымской войны!], и по предложению Елистратова объявили экзамен “несостоявшимся”. Сдал его, подучившись, через полгода.

Потом уехал профессором в Пермь, откуда, опять через Москву, перекочевал в Ташкент – уже после 18-го года. Где он сейчас – не знаю¹⁵.

¹⁴ С 22 июня 1911 года до отъезда в Пермь Л. В. Успенский работал помощником у присяжного поверенного округа Московской Судебной Палаты и присяжного стряпчего Московского Коммерческого Суда Василия Николаевича Сергеева.

¹⁵ Устрялов Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. URL: [https://corpus.prozhito.org/notes?date="1935-01-01"&diaries=%5B66%5D](https://corpus.prozhito.org/notes?date=).

Другой член общества Вл. Соловьева, будущий профессор, юрист-международник Александр Михайлович Ладыженский оставил такое описание: «Леонид Васильевич Успенский, живший у матери, небогатой чиновницы. Он увлекался марбургской школой неокантианства и с горячностью о ней говорил, с таким азартом, что иногда брызгал слюной, плевался (его кличкой было Плевако)»¹⁶.

Сергей Николаевич Булгаков, активно отстаивавший монархические позиции, писал о несовпадении их политических взглядов: «Л. В. Успенский, любимый из моих учеников и молодых товарищей, которому я мог открывать... душу, спорил со мною как политическим утопистом. А я, повторяю, чувствовал себя единственным трезвым среди пьяных, единственным реалистом среди всяких иллюзионистов, и мой реализм было православие, моя трезвость – любовь к Государю. Я видел совершенно ясно, знал шестым чувством, что Царь не шофер, которого можно переменить, но скала, на которой утверждаются копыта повиснувшего в воздухе русского коня»¹⁷.

С 16 сентября 1916 года Л. В. Успенский был отчислен из Московского университета в связи с поступлением на работу в Пермь. В Пермском университете с октября 1916 года Леонид Васильевич работал на должности приват-доцента кафедры энциклопедии права и истории философии права, а с 1 июля 1917-го был избран исполняющим должность экстраординарного профессора по этой же кафедре, заведовал кабинетом государственных наук¹⁸. 6 июня 1918 года его командировали в Москву для приобретения книг в кабинет государственных наук, однако вернуться из этой поездки он не смог по причине активного развертывания на Урале Гражданской войны. Впрочем, нужно заметить, что и возвращаться ему не хотелось: в октябре он обратился к ректору Пермского университета с просьбой продлить «отпуск по болезни» в Москве до 1 декабря 1918 года¹⁹, хотя уже с 1 октября числился профессором Московского коммерческого института²⁰. Интересная деталь: 24 октября 1918 года Правление Пермского университета обратилось к «господину и.о. экзекутора» с просьбой перевести библиотеку и книгохранилище профессора Л. В. Успенского в кабинет государственного права для научных нужд факультета, что и было исполнено 16 ноября того же года²¹.

Известно несколько научных работ ученого, опубликованных им как до приезда в Пермь – в Москве, так и после того, как он покинул Пермь, – в Ташкенте²².

¹⁶ *Ладыженский А. М.* Мемуары профессора права. Глава V. Москва и Московский университет (1910–1917 гг.). URL: https://zakon.ru/blog/2024/9/3/ladyzhenskij_am_-_memuary_glava_v_moskva_i_moskovskij_universitet_19101917_gg.

¹⁷ *Булгаков С. Н.* Тихие думы: сб. / [сост., подгот. текста и коммент. В. В. Сапова; послесл. К. М. Долгова]. М.: Республика, 1996. С. 335.

¹⁸ Личный состав Пермского Государственного Университета 1917–1918 гг. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. С. 9. URL: <https://lib.permkrai.ru/node/2932?fragment=page-11>; Приказ по Министерству народного просвещения от 14 авг. 1917 г. № 127 // Вестник Временного Правительства. 1917. 23 авг. № 137/183.

¹⁹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 371. Л. 4.

²⁰ ЦГАМ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 266. Л. 49.

²¹ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 371. Л. 33.

²² *Успенский Л. В.* О дружбе как добродетели политической: (К вопросу о социальной солидарности) // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 5–13; *Он же.* Эмиль Ласк, [профессор философии Гейдельбергского университета]: [некролог]. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915; *Он же.*

За годы работы в Пермском университете Л. В. Успенский опубликовал работу «Философия и наука», где писал, что «ни наука, ни философия не могут существовать в отрыве друг от друга. Философия превращается в бесплодную диалектическую ухищренность ума, а наука в однобокое и наивное мировоззрение специалиста» и ратовал за скорейшее соединение философии и науки в одну «стройную философскую систему»²³. В другой «пермской» статье «О компромиссе в морали» ученый полемизирует с И. Кантом и аргументирует, что единственной моральной заповедью является осуществление высшего блага: «Действуй так, чтобы во всех твоих поступках проявлялось это благо, чтобы все они служили последней цели». И делает вывод о невозможности компромисса в морали при выборе цели и средства ее достижения²⁴. В этой же статье содержится глубокое исследование соотношения права и морали и, возможно, одно из лучших в отечественной юриспруденции объяснение понятия юридической конструкции: юридические нормы, в отличие от моральных, при оценке поступков «считаются не со всем составом сложного жизненного отношения, но выделяют из него лишь некоторые условно значимые моменты, юридические факты... Этот момент в праве мы можем назвать юридической конструкцией. <...> Пытаться приблизить право к жизни, отрешиться от этой произвольной и условной конструкции, освободиться от юриспруденции понятий, значит отказаться от... природы права. Право мыслимо только как условная мораль, и в этом смысле условно конструктивный элемент в нем необходим»²⁵.

В начале 1917 года в «Юридическом вестнике» вышла статья Л. В. Успенского «Юридические нормы как предмет знания»²⁶, в которой объясняется, что предметом науки о праве являются юридические нормы, они есть теоретический предмет науки, нечто объективно данное, что следует раскрыть. Обращается внимание на то, что надо различать действие права и его правовую значимость для субъекта. Право должно изучать прежде всего значимость правовых норм, их справедливость: норма может действовать, но не быть справедливой, а может быть справедливой, но не действовать. Обосновывается понятие *правости* юридической нормы, независимой от фактической воплощенности в социальной действительности. Наука о праве и должна разъяснять эту «правость», раскрывая «самобытное, самоценное и своеобразное реального объективного права»²⁷.

После Февральской революции Л. В. Успенский включился в политическую деятельность: членствовал в постоянном комитете Пермского отдела кадетской партии,

Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927; *Он же*. О задачах марксистского метода в юриспруденции // Вестник юстиции Узбекистана. 1925. № 1. С. 20–45; *Он же*. Право и социализм. Ташкент, 1925.

²³ Успенский Л. Философия и наука. Речь при открытии Общества исторических, философских и социальных наук // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 3.

²⁴ Успенский Л. О компромиссе в морали // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 109.

²⁵ Там же. С. 115.

²⁶ Успенский Л. Юридические нормы как предмет знания // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII. С. 30–35.

²⁷ Там же. С. 35.

входил в учредительный совет пермской газеты «Народная свобода», был пропагандистом социально-экономической и политической платформы кадетов. Он публиковал в пермских газетах статьи на политико-правовые темы²⁸ и принимал активное участие в культурной жизни города: входил в состав организационной комиссии по разработке проекта Народного университета в Мотовилихе и Дома народного просвещения, участвовал в подготовке программы курсов для учителей народных школ, был членом лекционной комиссии при Пермском научно-промышленном музее, где 18 декабря 1917 года им была прочитана публичная лекция «Ценность любви»²⁹.

По замечанию В. М. Сырых, Л. В. Успенский был одним из первых советских авторов, кто предпринял «попытку раскрыть особенности предмета и метода марксистской правовой науки»³⁰ и кто особо подчеркивал, что марксистская теория права может быть только социологией права, так как ее предмет – это не единичные действия отдельных людей, а поведение человеческих групп, социальных совокупностей. У марксистской науки права, по мнению ученого, есть два метода – социологический и догматический, при этом ведущим является социологический.

С января 1920 года Леонид Васильевич Успенский находился в Ташкенте. Полагаем, он оказался там в числе научно-педагогических сотрудников, направленных из Москвы для работы во вновь созданном в марте 1918 года Туркестанском народном университете, на базе которого в июле 1920-го был открыт Туркестанский государственный университет, переименованный в 1923-м в Среднеазиатский. В течение 1920 года в Туркестан из Москвы прибыли четыре «научных поезда» с профессорами, преподавателями, членами их семей, библиотекой, научным инвентарем³¹. Известно, что «в течение 1920 года в Туркестан прибыли из России 43 профессора и 43 преподавателя, в подавляющем большинстве своем специалисты высокой научной и педагогической квалификации»³². Косвенные подтверждения этому мы находим и в обращении вдовы ученого Анны Александровны Успенской в Государственный исторический архив Московской области в 1950 году, в котором она указывает, что ее супруг «по поручению ЦИКа РСФСР» переехал в Ташкент преподавать для организуемого там юридического факультета³³.

С момента образования Туркестанского народного университета в его составе был социально-экономический факультет, в 1922 году уже в Туркестанском государственном университете преобразованный в факультет общественных наук (ФОН), имевший два института (отделения) – экономический и юридический. В 1925-м ФОН

²⁸ Успенский Л. Борьба классов и социальная солидарность // Народная свобода. 1917. 29 авг. (№ 38). С. 1–2; Он же. Право и принуждение // Народная свобода. 1917. 4 окт. (№ 63). С. 2–3.

²⁹ Объявление о лекции было размещено в газете «Народная свобода», в выпуске от 15 декабря 1917 года.

³⁰ Правовая наука и юридическая идеология России: энцикл. слов. биографий / ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2011. Т. 2 (1917–1964). С. 785.

³¹ См.: Черданцев Г. Н. К истории первых лет Туркестанского университета (1918–1922) // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 105–106.

³² Якупов О. Ташкентскому государственному университету имени В. И. Ленина – 100 лет. URL: <http://www.olegyakupov.com/blog/tag/ташгу-им-в-и-ленина/>.

³³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 90. Д. 415. Л. 105.

преобразовался в факультет местного хозяйства и права уже Среднеазиатского государственного университета, который готовил и юристов, и экономистов.

С 1921 года Л. В. Успенский также работал в Туркестанском восточном институте (ТВИ). Достоверных данных о преподаваемых им в институте предметах в этот период нет, но известно, что в 1920–1922 годах из юридических курсов студентам читались энциклопедия права и мусульманское право³⁴. С учетом того, что Успенский и в Московском, и в Пермском университетах работал при кафедрах энциклопедии права и истории философии права, а мусульманским правом никогда не занимался, логично предположить, что в ТВИ он читал энциклопедию права. В 1922/23 учебном году в ТВИ работало пять профессоров, в том числе один – на единственной правовой кафедре – государственного права³⁵. Вероятнее всего, Леонид Васильевич преподавал на этой кафедре, однако с его научными интересами и преподавательскими навыками он мог работать и по кафедре философии, которая также числилась как занятая профессором. В этом учебном году в ТВИ на всех факультетах преподавались правоведческие курсы – мусульманского права и Советской конституции, а на вновь созданном практическом факультете – введение в изучение права, гражданское право, гражданский процесс, международное право, консульское право, уголовное право, торговое право.

Туркестанский восточный институт осенью 1924-го был присоединен к Среднеазиатскому государственному университету (САГУ) в качестве отдельного факультета, слившись с педагогическим³⁶; в 1930 году его преобразовали в педагогический факультет, а в 1931-м факультет закрыли³⁷. 11 мая 1929 года Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР постановил в 1929/30 учебном году реорганизовать восточный факультет САГУ путем выделения из него двух отделений – этнографии, языков и литературы народов Средней Азии Советских Социалистических республик и языков, литературы, истории и экономики сопредельных стран³⁸.

О преподаваемых Леонидом Васильевичем Успенским дисциплинах в Среднеазиатском государственном университете на начало 1926/27 учебного года мы можем узнать из ответов на запрос Среднеазиатского бюро Центрального комитета ВКП(б) от 12 сентября 1926 года в ташкентские учебные заведения о «предоставлении в двухдневный срок списков преподавательского состава с указанием какой

³⁴ См.: *Лунин Б. В.* Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // *Очерки по истории русского востоковедения*. Сб. VI. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. С. 330.

³⁵ См.: *Шмидт А. Э.* Туркестанский восточный институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // *Наука и просвещение*. 1922. № 2. С. 118.

³⁶ О переименовании педагогического факультета Средне-Азиатского государственного университета в восточный факультет: Декрет Совета Народных Комиссаров от 24 сент. 1924 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358357#mode/grid/page/1/zoom/5>.

³⁷ Ташкентский государственный институт востоковедения (ТГИВ). URL: https://gigal.uz/objects/dir/tashkent/obuchenie_i_vospitanie/tashkentkiy_gosudarstvenniy_institut_vostokovedeniya_tgiv.html.

³⁸ Выписка из протокола № 17 заседания Президиума Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР от 11 мая 1929 г. // *Дело № У-3507/1 о реорганизации восточного факультета Среднеазиатского государственного университета*. URL: <https://www.prilib.ru/item/1889916>.

предмет каждый из них преподает»³⁹. Так, профессор преподавал земельное право на факультете местного хозяйства и права и на сельхозфаке (эти данные подкреплены и его публикациями, посвященными в этот период земельно-правовым вопросам⁴⁰), а на восточном факультете – историю мировоззрений и логику.

О жизни Леонида Васильевича Успенского в Ташкенте немного известно из воспоминаний Н. Ю. Фиолетовой. Супруги Фиолетовы впервые приехали в Ташкент в январе 1925 года и с поезда направились по адресу, которым располагали: «Но вот и дом, где живет Л. В. Успенский – университетское общежитие, в котором он занимает отдельную квартирку, состоявшую из кухни и большой комнаты, кабинета-спальни самого Л.В. Звоним. Двери открывает нам худенькая, маленького роста старушка – мать Леонида Васильевича, Елизавета Петровна, а из соседней комнаты раздается грозный собачий лай, и на нас выскакивает огромный, дымчатого цвета дог, любимец Успенского, охранявший его покой»⁴¹.

В квартире Л. В. Успенского проходили неформальные встречи близких по духу и интеллектуальным интересам людей, волею судеб оказавшихся в то время в Ташкенте. Среди прочих здесь бывали и математик В. М. Комаревский, и профессор уголовного права В. А. Краснокутский, и востоковед А. А. Семенов.

Н. Ю. Фиолетова оставила свои воспоминания о внешности и некоторых мировоззренческих идеях Л. В. Успенского его «ташкентского периода»: «Леонид Васильевич был в то время лет 35-ти, плотный, сутулый, с небольшой бородкой и крупным лбом; очень хороши были у него ярко-синие глаза под густыми бровями, умные, слегка насмешливые глаза. <...> “Жрец всех религий”, как он себя называл, он интересовался одновременно антропософией и мусульманским сектантством, гностицизмом и сатанизмом. Церковь, христианство были, с его точки зрения, чем-то “сереньким” – “мелкобуржуазной идеологией”, как он говорил, подсмеиваясь над нами, самого же себя он называл идеологом “крупной буржуазии” (конечно, в шутку то и другое). Его любимая философская идея заключалась в утверждении многоплановости бытия, построенного иерархически... Первым этажом в этом здании была материя – физический мир, над которым возвышалось все мироздание. Следующим этажом был мир психического бытия, на него опиралось общественное бытие, далее шел мир идеальных сущностей, мир логики, математики, философских идей. Все здание увенчивалось идеей Абсолютного, которое стояло вне этих планов, и в то же время каждый из них имел тяготение к нему, как к своему средоточию, не сливаясь с ним, но и не отделяясь от него. Л.В. полагал, что его концепция удачно разрешает

³⁹ Копия документа из Национального архива Республики Узбекистан любезно сделана и предоставлена доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского права ТашГУ Л. М. Бурхановой.

⁴⁰ *Успенский Л. В.* К вопросу о юридической природе землеустройства и водоустройства // Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 8–9; *Он же.* Предисловие // Законоположения по сельскому, лесному и водному хозяйству Туркеспублики: (сборник узаконений, распоряжений, циркуляров, приказов и пр. по НКЗ ТССР по 1-е октября 1924 г.) / сост. юрисконсульт Наркомзема Туркеспублики Л. И. Дембо; под ред. зам. наркома зем. Т.С.С.Р. А. Ф. Мор. Ташкент: Туркнаркомзем, 1924.

⁴¹ *Фиолетова Н. Ю.* Указ. соч. С. 52.

противоречие между материализмом и идеализмом, отводя каждому свое место в системе мироздания и не отрицая ни за одним значения подлинной реальности: идеальное (душа человека, общественное бытие и его сознание – мир культуры, царство идей – “ноуменов” и Абсолютное) является бытием несравненно более богатым по содержанию, чем его низшая ступень – материальное, физический мир»⁴².

К концу 1920-х годов оба факультета САГУ, на которых работал профессор Л. В. Успенский, были фактически разгромлены в результате противостояния преподавателей-марксистов и «буржуазной» профессуры. Все та же Надежда Юрьевна Фиолетова вспоминала: «На этом [восточном] факультете была провалена партийная кандидатура троцкиста, высланного за левацкий уклон из Ленинграда (шли слухи, что он развалил факультет в Ленинградском университете), реакцией на это был в конечном счете разгром двух наиболее крамольных факультетов – факультета востоковедения и факультета хозяйства и права. Оба факультета были закрыты, профессорско-преподавательский состав уволен за ненадобностью, и Николай Николаевич [Фиолетов] в числе других остался без работы. ...По прошествии некоторого времени было приступлено к созданию на обломках разгромленных факультетов новых, которые были укомплектованы уже национальными кадрами, а из прежнего состава людьми менее приметными...»⁴³ Известно, что Н. Н. Фиолетов, близкий товарищ и коллега Л. В. Успенского по САГУ, из этого университета был уволен, переехал в Душанбе, а впоследствии стал обвиняемым по делу «11 профессоров и преподавателей восточного факультета САГУ», осужден и в начале 1932-го отправлен в ссылку в Новосибирск на три года. Л. В. Успенский по этому делу не привлекался, в материалах дела не фигурировал.

Н. Ю. Фиолетова так описала обстановку последних лет работы своего мужа и Л. В. Успенского в Ташкенте: «Процесс советизации Узбекистана, превращение его в “национальный по форме, советский по содержанию” продолжался с конца 1924 года по тридцатые годы и закончился подавлением басмачества, как наиболее яркой формы проявления народного недовольства, полным подчинением его населения единому для всего Союза режиму. Эта же эволюция произошла и с университетом. Первые два-три года нажим ощущался не столь остро. Начиная с 1927–1928 гг. он становился все более и более ощутимым, пока не разразился катастрофой – чисткой преподавательских кадров университета и закрытием факультета общественных наук и востоковедения. <...> Потерпела тяжелый крах и концепция Успенского о “легальной оппозиции”, сыгравшая в конечном счете вредную роль: попавшиеся на ее удочку университетские преподаватели обнаружили свое “я” и, не сумев вовремя переключиться, как это умел делать Леонид Васильевич, выходявший сухим из воды в любых положениях, попали в “неблагонадежные”. <...> Благополучие первых лет пребывания в Ташкенте длилось недолго»⁴⁴.

⁴² Фиолетова Н. Ю. Указ. соч. С. 52–53.

⁴³ Там же. С. 77.

⁴⁴ Там же. С. 59–60. Об этом времени в Ташкенте см. также: Насибуллин Р. А. Профессор Иван Иванович Крыльцов (штрихи и факты к портрету ученого и его времени) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / глав. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. Вып. 13. С. 16–19.

В Ташкенте в 1927 году была издана наиболее значимая правоведческая работа Л. В. Успенского «Очерки по юридической технике», которая в советской печати вызвала весьма негативную оценку, и прежде всего за применение «формального анализа права», без опоры на революционно-диалектический метод исследования⁴⁵. Так, А. Стальгевич, критикующий Л. В. Успенского за его формально-логические установки и утверждение, что соотношение социальных (классовых) сил «ничего общего ни с конституционным законом, ни вообще с правом не имеет», заключает: «Приведенные строки говорят сами о себе... Выходит, что марксистская неграмотность и теоретическое убожество еще находят простор для своего развития в... научных творениях современных советских “юристов”»⁴⁶. Далее этот же автор пишет, что Л. В. Успенский «саму революционную законность» пытается «подвести под норму», а при таком подходе закон «становится чем-то господствующим, всевышним, озаренным ореолом “надклассовой” справедливости, общего блага и “превосходнейшего”». Такая законность, сведенная к “всевластной” норме, по их мнению, ограничивает не только волю отдельных лиц, но и самого законодателя, органы власти и все государство. Над государством, таким образом, возвышается закон, велениям которого не может противоречить государство, его издававшее. А это... не что иное, как давно известная буржуазная теория правового государства»⁴⁷.

К сожалению, о последних годах жизни Л. В. Успенского известно очень мало. И хотя в ряде источников указывается, что он умер в Ташкенте, это не так. Леонид Васильевич вернулся из Ташкента в Москву. А. А. Успенская в упомянутом обращении в архив сообщала, что последнее место работы ее мужа в 1937 году – «Центральный юридический институт в Москве», однако такого вуза в Москве не было.

Из дневника Николая Васильевича Устрялова мы знаем, что Л. В. Успенский в осеннем семестре 1936/37 учебного года работал в Правовом институте, преобразованном в 1930 году из юридического факультета Московского университета⁴⁸. В этом же источнике (запись от 21 января 1937 года) содержится некоторая информация об обстоятельствах смерти ученого: «Вчера поздно вечером позвонил Коровин⁴⁹ и сообщил, что умер Л. В. Успенский, от воспаления легких, осложненного еще какой-то жестокой болезнью. Кажется, сегодня похороны; надо справиться в Правовом институте. Бедняга! Видел его за это время всего один раз; приходил он ко мне в прошлом году на Хохловский. Постарел как-то безобразно, пухло потолстел, но в субстанции остался все тем же Леонидом Васильевичем, смешным, нелепо талантливым, философom милостью Божией и в то же время житейским хитрецом из поповичей, – тем

⁴⁵ См., например: А.С. [Рецензия] // Революция права. 1928. № 2. С.147–149. Рец. на кн.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927.

⁴⁶ Стальгевич А. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 5. С. 41.

⁴⁷ Там же. С. 49–50.

⁴⁸ «Служить родине приходится костями...»: Дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. / публ. И. Кондаковой. URL: <https://vgulage.name/books/quot-quot-1935-1937/>.

⁴⁹ Коровин Евгений Александрович (1892–1964), выпускник юридического факультета Московского университета, ученый, юрист-международник.

же Успенским прежних трубецких лет. Рассказывал о Камчатке, откуда только что... вернулся с полным карманом червонцев, высматривал себе дачку под Москвой – и по-прежнему цитировал новейшие немецкие философские книжки. Помер. Первый из нашего университетского гнезда. Чей-то за ним черед? И так сказать: всему свое время»⁵⁰. «Черед» пришелся именно на Н. В. Устрялова, расстрелянного 14 сентября 1937 года.

Леонид Васильевич Успенский скончался 19 января 1937 года в Москве. Похоронен 21 января на Новодевичьем кладбище. На его могильной доске указано: «Профессор философии и гос. права», а рядом трогательная надпись, оставленная его вдовой: «Тому, кем я дышала»⁵¹.

В орбиту научных интересов Л. В. Успенского входил широкий круг вопросов: от фундаментальных проблем философии, политической теории и общей теории государства и права до отраслевых проблем земельного и водного законодательства. Работы ученого отличает высокая степень научной обоснованности; в его текстах мы обнаруживаем ссылки на труды выдающихся мыслителей Нового времени И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте, А. Шопенгауэра.

Уже в одном из первых философских сочинений Успенского «О дружбе как добродетели политической: (К вопросу о социальной солидарности)» прослеживается традиционная для него глубина теоретических построений. В этой работе ученый анализирует отдельные труды древнегреческих философов – софистов Калликла и Трасимаха, Платона и Аристотеля – в области этического обоснования государства. Он указывает, что в философии софистов господствовал индивидуализм, который в своем крайнем проявлении «приводил к полному отрицанию этической ценности государства», тогда как философские предпосылки Платона привели его к другой крайности – «полному отрицанию всякой самостоятельной ценности личности». Отсюда и «цель Платоновского государства – не благо отдельной личности, а гармония целого». Идея справедливости у Платона означает распределение людей по их иерархическому достоинству, степени участия в мире идей⁵². Л. В. Успенский критикует оба указанных взгляда на государство. Научную ценность он видит в политической теории Аристотеля, который обосновывает государство на двух идеях справедливости: уравнивающей, утверждающей множество равноправных членов единства, и распределяющей, которая каждому дает свое, ставит на свое место. Опираясь на политическую теорию Аристотеля, Л. В. Успенский, указывает, что только в дружбе (социальной солидарности) примиряются оба противоречия, только в понятии дружбы обе справедливости находят свое место и гармоничное сочетание. Особое внимание ученый

⁵⁰ «Служить родине приходится костями...»: Дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг.

⁵¹ Супруга Л. В. Успенского – Анна Александровна Успенская (1900–1950) – 13 сентября 1944 года была арестована за антисоветскую агитацию в военное время (написание писем антисоветского характера и отправка их в органы печати). Осуждена 4 октября 1944-го по статье 58-10 (ч. 2) УК РСФСР и направлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Реабилитирована Прокуратурой г. Москвы 10 апреля 2001 года. URL: https://ru.openlist.wiki/Успенская_Анна_Александровна.

⁵² Успенский Л. В. О дружбе как добродетели политической... С. 8–9.

уделяет тому, что государство не должно ограничивать свою деятельность только формальным правом, выражающим идею уравнивающей справедливости, на нем лежит другая высшая задача – общественно воспитывать людей, растить в них чувство солидарности⁵³.

В работе «Идея прогресса в философии бл. Августина» отражен оригинальный взгляд Л. В. Успенского на исторический процесс в контексте учения блаженного Августина о двух градах – земном и Божьем, о борьбе этих двух градов в мировой истории. «Два града – это два порядка: один – основанный на любви к Богу, на стремлении осуществить его высший закон и тем воплотить истинную справедливость; другой – основанный на злой самостной частной любви – похоти господствования. <...> ...В системе бл. Августина понятие истории ставится в тесную связь с понятием зла, история для него есть прежде всего история грехопадения. <...> Поэтому в самом процессе мировой истории следует отметить два великих течения – два прогресса: добра – растущую добродетель и зла – растущий порок»⁵⁴.

В обзоре учебника И. А. Ильина по общей теории права и государства Л. В. Успенский поддерживает автора в объединении субъекта правомочия и субъекта обязанности под общим понятием субъекта права, в принципиальном различении понятий естественного и положительного права, в изложении учения об источниках права через призму видов юридических норм. Вместе с тем он резонно полемизирует с ним относительно того, что юридический обычай существует с момента признания и формулирования его правоприменительными органами и что он подобен административному распоряжению в своей подзаконности. По справедливому утверждению Леонида Васильевича, обычай, несомненно, имеет юридическую силу до и независимо от признания его правоприменительными органами и не может признаваться подзаконным источником права⁵⁵. В цивилистической литературе разделяется точка зрения Л. В. Успенского. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что обычное право «имеет такую же силу, как и закон – “повальный обычай, что царский указ”»⁵⁶.

В работе «пермского периода» «Юридические нормы как предмет знания» Л. В. Успенский рассуждает о природе и сущности права, полемизируя с Питиримом Сорокиным, который природу права видел только в фактической воплощенности нормы в социальной действительности «как факт пространственно-временного бытия». Право, по мнению П. Сорокина, дано нам как часть сущего, как факт, изучение его должно сводиться к тому, чтобы устанавливать причинные связи правовых явлений. Не отрицая важности учета социального действия права в качестве фактора социальной жизни, сам Успенский определяет его как систему норм, существующих в объективной реальности⁵⁷. Приведенное определение объективного права как совокупности норм, регулирующих общественные отношения, до сих пор сохраняет свою актуальность в юридической науке.

⁵³ Успенский Л. В. О дружбе как добродетели политической... С. 10–13.

⁵⁴ Успенский Л. Идея прогресса в философии бл. Августина // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132–133 (II–III). С. 116, 121.

⁵⁵ Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 175–176. Рец. на кн.: Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве...

⁵⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: Бр. Башмаковы, 1902. С. 45.

⁵⁷ Успенский Л. Юридические нормы как предмет знания. С. 32, 35.

Особый интерес вызывает публикация Л. В. Успенского под названием «Право и принуждение», в которой соотношение права и принуждения рассматривается с точки зрения этического значения и содержания права. Автор убежден, что этический мир должного всегда будет расходиться с миром сущего, а право является «двойственным порождением двух противоположных миров»⁵⁸. С обозначенных позиций право представляет собой «проекцию нравственного закона в действительность», где оно приобретает реальную действующую силу благодаря власти и принуждению. Л. В. Успенский заключает, что связь между правом и принуждением есть связь этическая, нормативная, выражающаяся в понуждении к исполнению правовых норм в случае их неисполнения нарушителем⁵⁹.

В другой своей публикации 1917 года «Борьба классов и социальная солидарность» Л. В. Успенский затрагивает отдельные дискуссионные аспекты философии марксизма. Он пишет: «Нет сомнения, что антагонизм интересов различных классов составляет очевидный факт, что общественная жизнь представляет непрестанную борьбу самых разнообразных классов и групп»⁶⁰. Вместе с тем, по его утверждению, наряду с классовой борьбой существуют общие интересы – для всего общества как единого целого (констатация социальной солидарности). «Сами классы органически связаны друг с другом и в пределах капиталистического общества не могут существовать один и без другого», – настаивает он, оставляя, однако, открытым вопрос, к чему же сводятся эти общие для всех социальных групп интересы и что же объединяет различные борющиеся между собой классы⁶¹.

В статье «О компромиссе в морали» профессор Успенский подвергает критике высший моральный принцип И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли стала всеобщим законом». Ученый пишет, что «моральное суждение должно оценивать поступок человека во всей полноте его конкретного осуществления, что моральное действие неповторимо и что поэтому нельзя возвести субъективную максиму во всеобщий закон. Метод Канта и в этом оказывается неприменимым»⁶².

Современные научные формы философии основываются на конкретных фактах частных наук и общественно-исторической практике. Л. В. Успенский еще в 1918 году блестяще обосновывал данный тезис тем, что «философия – это всегда мышление до конца; ее высший принцип – это само абсолютное, чистое знание... имеющее свое обоснование только в себе самом». При этом частная наука «не есть мышление до конца, она всегда условна и фрагментарна, ее задачи – привести в систему не всю действительность, а лишь какую-либо часть ее»⁶³. В связи с чем философия должна освободиться от субъективизма, найти себе «твердую опору в толще научного опыта», а наука должна получить «непредвзятость, критичность и безусловность философского знания»⁶⁴.

⁵⁸ Успенский Л. Право и принуждение. С. 3.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Успенский Л. Борьба классов и социальная солидарность. С. 2.

⁶¹ Там же.

⁶² Успенский Л. О компромиссе в морали. С. 108.

⁶³ Успенский Л. Философия и наука. С. 2.

⁶⁴ Там же. С. 4.

Венцом научной работы Л. В. Успенского стала его монография «Очерки по юридической технике», где профессор проводит формальный анализ отдельных элементов правового регулирования. Его догматическое исследование охватывает основные понятия и конструкции теории права, такие как источники права, закон, действие и виды законов, обычное право и прецеденты, юридические факты, субъективное право и юридическая обязанность, учение о юридическом субъекте и объекте, система права и применение права. Рецензент «Очерков...» И. Д. Ильинский, признавая начитанность и трудолюбие Л. В. Успенского вместе с его способностью писать относительно легко и просто, отмечал «слабое влияние марксизма на построения автора»⁶⁵, что указывает на отсутствие в этой фундаментальной работе идеологических штампов. Все изложенное, бесспорно, свидетельствует об актуальности работ Леонида Васильевича Успенского.

Л. В. Успенский – профессор Пермского университета с 14 (1) октября 1916 г. по 1 декабря 1918 г.

Хронологический список научных работ и публикаций Леонида Васильевича Успенского

Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1915. Кн. XII (IV). С. 165–167. Рец. на кн.: *Вышеславцев Б.* Этика Фихте (Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии). М., 1914.

Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1915. Кн. XI (III). С. 183–184. Рец. на кн.: *Герье В.* Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

Успенский Л. Эмиль Ласк, [профессор философии Гейдельбергского университета]: [некролог]. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915.

Успенский Л. Идея прогресса в философии бл. Августина // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132–133 (II–III). Март – апрель, май – июнь. С. 105–124.

Успенский Л. В. О дружбе как добродетели политической: (К вопросу о социальной солидарности) // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 5–13.

Успенский Л. В. [Перевод] // *Фихте И. Г.* Избранные сочинения. Т. 1 / под ред. Кн. Е. Трубецкого. М.: Путь, 1916. (Л. В. Успенский перевел работу «О понятии наукоучения». Оба «Введения» и «Опыт нового изложения» переведены С. Ф. Кечекьяном. Третьим переводчиком издания был Б. В. Яковенко.)

Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 175–176. Рец. на кн.: *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве (Основы Законоведения. Общеизвестные очерки И. А. Ильина, В. М. Устинова, И. Б. Новицкого и М. Н. Гернета). М., 1915.

Успенский Л. [Рецензия] // Юридический вестник. 1916. Кн. XVI (IV). С. 189–191. Рец. на кн.: *Ефимов Е. Н.* Курс законоведения. Ч. 1: Элементарные понятия о государстве и праве. М., 1916.

Успенский Л. Борьба классов и социальная солидарность // Народная свобода. 1917. 29 авг. (№ 38). С. 1–2.

⁶⁵ *Ильинский И.* [Рецензия] // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 45. С. 1420. Рец. на кн.: *Успенский Л.* Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927.

Успенский Л. Право и принуждение // Народная свобода. 1917. 4 окт. (№ 63). С. 2–3.

Успенский Л. Юридические нормы как предмет знания // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I). С. 30–35.

Успенский Л. О компромиссе в морали // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 102–118.

Успенский Л. Философия и наука. Речь при открытии Общества исторических, философских и социальных наук // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г. В. Вернадского. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. Вып. 1. С. 1–4.

Успенский Л. Идея прерывности в современном марксизме: (Речь, произнес. на акте Туркест. Вост. ин-та 27 дек. 1922 г.). Ташкент: тип. № 2 Тургосиздата, 1923.

Успенский Л. Предисловие // Законоположения по сельскому, лесному и водному хозяйству Туркеспублики: (сборник узаконений, распоряжений, циркуляров, приказов и пр. по НКЗ ТССР по 1-е октября 1924 г.) / сост. юрисконсульт Наркомзема Туркеспублики Л. И. Дембо; под ред. зам. наркома зем. Т.С.С.Р. А. Ф. Мор. Ташкент: Туркнаркомзем, 1924.

Успенский Л. В. О задачах марксистского метода в юриспруденции // Вестник юстиции Узбекистана. 1925. № 1. С. 20–45.

Успенский Л. В. Право и социализм. Ташкент, 1925.

Успенский Л. В. Водный закон и низовые водные органы // Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 6–7.

Успенский Л. В. К вопросу о юридической природе землеустройства и водоустройства // Народное хозяйство Средней Азии. 1926. № 8–9.

Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927.

Библиографический список

А.С. [Рецензия] // Революция права. 1928. № 2. С. 147–149. Рец. на кн.: *Успенский Л.* Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927 г.

Булгаков С. Н. Тихие думы: сб. / [сост., подгот. текста и коммент. В. В. Сапова; послесл. К. М. Долгова]. М.: Республика, 1996.

Ильинский И. [Рецензия] // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 45. С. 1420. Рец. на кн.: *Успенский Л.* Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927.

История юридического факультета Московского университета (1755–2010) / [В. А. Томсинов, П. Л. Полянский, Г. Н. Рыженко и др.]; отв. ред. В. А. Томсинов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Городец, 2011.

Ладыженский А. М. Мемуары профессора права. Глава V. Москва и Московский университет (1910–1917 гг.). URL: https://zakon.ru/blog/2024/9/3/ladyzhenskij_am_-_memuary_glava_v_moskva_i_moskovskij_universitet_19101917_gg.

Лунин Б. В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. С. 302–346.

Насибуллин Р. А. Профессор Иван Иванович Крыльцов (штрихи и факты к портрету ученого и его времени) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / глав. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. Вып. 13. С. 5–146.

Правовая наука и юридическая идеология России: энцикл. слов. биографий / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2011. Т. 2: 1917–1964.

«Служить родине приходится костями...»: Дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. / публ. И. Кондаковой. URL: <https://vgulage.name/books/quot-quot-1935-1937/>.

Стальгевич А. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 4 (июль – август). С. 34–61; № 5 (сентябрь – октябрь). С. 32–53.

Устрялов Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?date='1935-01-01'&diaries=%5B66%5D>.

Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // Минувшее: ист. альм. Вып. 9. М.: Феникс, 1992. С. 7–105.

Черданцев Г. Н. К истории первых лет Туркестанского университета (1918–1922) // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 90–111.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: Бр. Башмаковы, 1902.

Шмидт А. Э. Туркестанский восточный институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. 1922. № 2. С. 112–125.

Якупов О. Ташкентскому государственному университету имени В. И. Ленина – 100 лет. URL: <http://www.olegyakupov.com/blog/tag/ташгу-им-в-и-ленина/>.

Информация для цитирования

Ex jure

Кузнецова О. А., Антонян А. К. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Леонид Васильевич Успенский // Ex jure. 2026. № 3. С. 8–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-8-26. EDN AEAKDD

Kuznetsova O. A., Antonyan A. K. The First Twelve: Leonid Vasilyevich Uspensky, Professor at Perm University. Ex jure. 2026. № 3. Pp. 8–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-8-26. EDN AEAKDD

Двенадцать первых: профессор Пермского университета Михаил Васильевич Птуха

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

А. И. Трапезников

Ассистент кафедры
конституционного и административного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: trapeznikovpsu@gmail.com

© Кузнецова О. А., Трапезников А. И., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: юридическому факультету Пермского университета в 2026 году исполняется 110 лет. У истоков юридического образования и правоведческой науки в Перми стояли двенадцать профессоров: И. А. Антропов, А. М. Горовцев, В. Ф. Глушков, В. Н. Дурденевский, С. Ф. Кечекьян, А. Н. Круглевский, В. Ф. Матвеев, М. В. Птуха, Л. В. Успенский, Н. В. Устрялов, Н. Н. Фиолетов, А. С. Яценко. В очередном выпуске журнала мы продолжаем цикл публикаций, посвященных тем, кто создал факультет и заложил основу его научной школы в суровые послереволюционные годы и годы Гражданской войны (1916–1920). Новая статья посвящена профессору Михаилу Васильевичу Птухе (1884–1961), ставшему вторым деканом юридического факультета Пермского университета (1917–1918), его биографии, географии жизненного пути (Остёр Черниговской губернии, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург (Петроград), Пермь, Москва, Киев) и краткому анализу научных работ. М. В. Птуха являлся профессором Пермского университета с 1 июля 1917 года по 1 июля 1919-го.

Ключевые слова: пермская научная юридическая школа, первые пермские профессора-юристы, профессор Михаил Васильевич Птуха, история демографии, история статистики

The First Twelve: Professor at Perm University Mikhail Vasilyevich Ptukha

O. A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123242, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

A. I. Trapeznikov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: trapeznikovpsu@gmail.com

Abstract: the Faculty of Law of Perm University celebrates its 110th anniversary in 2026. Twelve professors stood at the origins of legal education and legal science in Perm: I. A. Antropov, V. F. Glushkov, A. M. Gorovtsev, V. N. Durdenevsky, S. F. Kechekyan, A. N. Kruglevsky, V. F. Matveev, M. V. Ptukha, L. V. Uspensky, N. N. Fioletov, N. V. Ustryalov, A. S. Yashchenko. This article continues a series of articles dedicated to the first twelve professors who created the faculty and laid a foundation for its scien-

tific school in the harsh post-revolutionary years and the years of the Civil War (1916–1920). The article is devoted to Professor Mikhail Vasilyevich Ptukha (1884–1961), his biography, the geography of his life path (Ostra (Chernigov province), Rostov-on-Don, St. Petersburg (Petrograd), Perm, Moscow, Kiev), and a brief analysis of his scientific works. M. V. Ptukha was the second dean of the Law Faculty of Perm University (1917–1918). M. V. Ptukha was a professor at Perm University from July 1, 1917 to July 1, 1919.

Keywords: Perm scientific law school, the first Perm law professors, Professor Mikhail Vasilyevich Ptukha, history of demography, history of statistics

В 1916 году из Императорского Петроградского университета в Пермь был командирован **Михаил Васильевич Птуха** (1884–1961) – выпускник юридического факультета этого университета, магистр политической экономии и статистики.

Михаил Васильевич родился 7 ноября 1884 года в городе Остёре Черниговской губернии в многодетной семье земского служащего, деловода уездного земского управления. В 1898 году окончил Остёрское двухклассное городское училище, затем в течение трех лет работал народным учителем и статистиком-регистратором статистического отдела Черниговского губернского земства.

В 1902 году он поступил в Ростовское среднее механико-химико-техническое училище (школу), из которого в 1903-м был исключен за участие в нелегальной ученической организации. В 1904-м экстерном сдал экзамен на аттестат зрелости при Новороссийской гимназии, однако поступить в этом же году в университет не сумел.

В 1906 году М. В. Птуха был принят на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в 1910-м окончил его с дипломом первой степени. С 9 октября того же года внесен в перечень помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты (работал помощником присяжного поверенного М. А. Сиринова).

Уже в студенческие годы определились его научные интересы – демография и статистика. По окончании университета по предложению профессора И. И. Кауфмана был оставлен при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. Тогда же, как и многие магистранты того времени, направлен в научную командировку в Европу. Подготовка к экзаменам на звание магистра заняла два года (1910–1911) и проходила в Берлине под руководством профессора Берлинского университета В. И. Борткевича, специалиста по математической статистике.

В 1912 году, успешно сдав экзамены на степень магистра политической экономии и статистики, М. В. Птуха был утвержден приват-доцентом Императорского Санкт-Петербургского университета, где в 1913 году начал преподавательскую карьеру – вел семинар по статистике: «В Университете начались занятия вчера. Первое выступление мое в качестве руководителя практических занятий не оставило у меня на душе ничего дурного. Было человек 18, взято 7 тем, а остальные не решаются, боясь, что не справятся с докладами. Я буду вести занятия по теории и демографии...»¹

¹ Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу (публ. А. Л. Дмитриев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 4. С. 122.

Одновременно Михаил Васильевич преподавал в Санкт-Петербургском институте высших коммерческих знаний².

В 1914–1915 годах его вновь отправили за границу, в Лондон, для проведения магистерского диссертационного исследования на тему «Очерки по теории статистики населения и моральной» и занятий в научных библиотеках Британского музея, Королевского статистического общества, Института актуариев.

Осенью 1916 года М. В. Птуха командировается в Пермское отделение Петроградского университета на должность приват-доцента. Вот как сам он описывает обстоятельства своего направления в Пермь: «Летом 1916 г. я получил предложение выставить свою кандидатуру в Донской (б. Варшавский) университет (от А. А. Вилкова) и быть командированным и.о. профессора во вновь открываемое Пермское отделение Петрогр. ун-та. Я принял последнее предложение, ибо факультет дал мне понять, что в случае успешного для меня впечатления от диссертации и хорошего исполнения обязанностей меня через 1–2 года вернут на кафедру в Петрограде»³.

В 1916/17 учебном году Михаил Васильевич Птуха – приват-доцент Пермского отделения Петроградского университета, читает курс политической экономии, секретарь юридического факультета.

18 февраля 1917 года его направляют из Перми в Москву для защиты магистерской диссертации. Защита в Московском университете проходит успешно, и 21 марта ему присуждают степень магистра политической экономии и статистики⁴. После защиты диссертации молодой ученый предпринимал попытки занять кафедру в Петроградском университете, однако кафедра уже была замещена.

М. В. Птуха вернулся в Пермь и 5 мая 1917 года дал согласие занять должность и.о. ординарного профессора в Пермском университете⁵. С 1 июля он был утвержден исправляющим должность ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики⁶; кроме того, заведовал статистико-экономическим кабинетом⁷. 5 октября 1917 года на заседании юридического факультета М. В. Птуху единогласно избрали деканом факультета сроком на четыре года⁸. Он стал вторым деканом юридического факультета Пермского университета (1917–1918) после В. Ф. Матвеева.

Михаил Васильевич Птуха – один из основоположников демографической статистики. Еще будучи в Петрограде, он опубликовал диссертацию на тему «Очерки по

² Бимман А. Б. История банков: Историческое развитие банков в России и за границей с древнейших времен до наших дней / под ред. Мих. Птухи. СПб.: Круг самообразования, 1914. Именно в этом источнике М. В. Птуха указан в качестве преподавателя Санкт-Петербургского института высших коммерческих знаний.

³ Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу (1921–1928 гг.) (публ. А. Л. Дмитриев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2012. Вып. 1. С. 90.

⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.р. 180. Оп. 4. Д. 2498. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 10–11.

⁶ Приказ Министерства народного просвещения от 8 окт. 1917 г. № 195 // Вестник Временного правительства. 1917. № 183/229 (21 окт.). С. 2.

⁷ Личный состав Пермского Государственного Университета 1917–1918 гг. Пермь: 2-я гос. тип., 1918. С. 9. URL: <https://lib.permkrai.ru/node/2932?fragment=page-11>.

⁸ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 4. Д. 2498. Л. 20.

теории статистики населения и моральной»⁹, а в период работы в Перми им были изданы небольшие тезисы к этой работе¹⁰.

В Перми, помимо научной деятельности и преподавания, Михаил Васильевич занимался общественной работой. 16 февраля 1918 года он стал действительным членом Общества естествоиспытателей при Пермском университете¹¹; в июне того же года был избран одним из пяти делегатов от Пермского университета на Всероссийское совещание представителей вузов по реформе высшей школы при Народном комиссариате просвещения.

В мае 1918 года М. В. Птуха оформил командировку с научной целью с 1 июля 1918 года по 1 июля 1919-го¹². В его личном деле имеются сведения о выдаче университетом в августе пособия на предстоящую командировку. Летом 1918 года он покинул Пермь. 31 августа 1919 года ректор Пермского университета направил «профессору Пермского университета М. В. Птухе» письмо с просьбой «незамедлительно» прибыть к месту службы¹³, однако из указанной командировки ученый так и не вернулся.

Осенью 1918 года М. В. Птуха оказался в Киеве. Обстоятельства этого поворота судьбы он описал в одном из писем к своему учителю В. И. Борткевичу: «Летом 1918 г., получив право на годичную командировку, я выехал из Перми в Москву. За границу меня не пустили, но домой я отпросился все же. Семья моего покойного отца живет под Киевом, и я попытался устроиться там. По предложению покойного М. И. Туган-Барановского меня избрали директором Демографического института при Украинской академии наук, организованной в конце 1918 г., и проф. Украинского университета. Летом 1919 г. я был избран на кафедру статистики в Киевском коммерческом институте и сверхштатным проф. Ун-та св. Владимира»¹⁴.

Отметим также, что первое место работы М. В. Птухи в Киеве – Народный университет-политехникум (преподаватель статистики). С 1919 по 1921 год он возглавляет, а с 1919 по 1931 год является профессором Киевского кооперативного института. С января 1919 года – профессор Киевского университета. С 1919 по 1930 год – профессор Киевского института народного хозяйства и сверхштатный профессор Университета святого Владимира. В 1931–1934 годах – профессор кафедры статистики Киевского

⁹ Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной // Записки Юридического факультета Императорского Петроградского университета. 1916. Вып. X. М.В. Птуха был последним защитившим диссертацию в Санкт-Петербургском университете до отмены научных степеней в 1917 г. См.: Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной монографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 119. Обзор и оценку этой работы М. В. Птухи см.: Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917: ист.-крит. очерк. М.: ЦСУ, 1922. С. 148–153.

¹⁰ Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной (тезисы). Пг., 1916 (Пермское отделение Петроградского ун-та).

¹¹ Труды Общества Естествоиспытателей при Пермском университете. Протоколы заседаний за 1917–23 гг. / под ред. В. Н. Беклемишева. Пермь: 2-я тип. «Пермполиграф», 1924. Т. 1, вып. 1. С. 9.

¹² По Уставу Пермского университета профессорам, проработавшим два года, предоставлялось право на годовую научную командировку с разрешения Наркомпроса РСФСР.

¹³ ГАПК. Ф.р. 180. Оп. 2. Д. 2498. Л. 40.

¹⁴ Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу (1921–1928 гг.)... С. 90.

института обмена и распределения, Киевского института спиртовой промышленности и Киевского института текстильной промышленности; в 1935–1936 годах – заведующий кафедрой планирования в Киевском химико-технологическом институте пищевой промышленности; с 1936 по 1937 год – профессор статистики инженерно-экономического факультета Киевского института кожевенной промышленности. Профессорство в киевских вузах М. В. Птуха оставил лишь в 1937-м, продолжив работу только в Демографическом институте, который по праву считается его детищем и носит его имя.

7 декабря 1918 года было создано первое в СССР научно-исследовательское учреждение в области демографии – Демографический институт Украинской академии наук, и 25 января 1919 года на совместном собрании академии Михаил Васильевич был избран его директором с правом академика социально-экономического отделения¹⁵. Заметим, что в документах Украинской академии наук 1919 года он упоминается как ординарный профессор Пермского университета¹⁶. И действительно, Пермский университет продолжал числить М. В. Птуху в своем профессорском составе до самого окончания его научной командировки, то есть до 1 июля 1919 года.

5 апреля 1920 года М. В. Птуха был избран академиком Украинской академии наук, позднее, в 1943-м, – членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Демографический институт начал свою работу 1 марта 1919 года, когда приступили к исполнению своих обязанностей его первые сотрудники – директор, три штатных научных сотрудника и три внештатных, не получавшие заработной платы. Михаил Васильевич так описывал задачи, стоящие перед новым институтом: «Демографический институт при социальном отделе представляет собой первую попытку поставить изучение численности людей на должную высоту. Его задача – это, с одной стороны, способствовать развитию статистического метода, а с другой – принимать все меры для наиболее полного изучения всех народов, которые обитают в Украине. Для решения этих задач... институту нужны огромные статистические материалы, которые он и должен подвергать окончательной научной обработке. Численность и отдельные группы... изучать надо из различных точек взгляда: 1) физически-психических особенностей человека (антропология, статистика); 2) смертности; 3) заключения браков и семейности; 4) рождаемости; 5) наследственности; 6) миграции; 7) инвалидности; 8) профессий и занятий; 9) преступности»¹⁷.

Будучи директором Демографического института, М. В. Птуха одновременно работал на кафедре статистики и демографии Киевского института народного хозяйства, где готовил кадры для демографической деятельности.

¹⁵ 13 февраля 1934 года институт был переименован в Институт демографии и санитарной статистики АН УССР. См. об этом подробнее: *Пустоход П. И.* Институт демографии Академии наук УССР (1919–1938) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.) / отв. ред. Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1972. С. 52–71. В настоящее время – Институт демографии и социальных исследований. В 2009 году постановлением Президиума Национальной академии наук Украины институту присвоено имя М. В. Птухи.

¹⁶ Выписки из заседаний социально-экономического отделения Украинской академии наук от 2 и 16 января 1919 года. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/035/img/p_08_2.jpg.

¹⁷ *Черниченко В. В.* Институт демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины (исторический очерк). URL: <https://businessforecast.by/partners/institut-demografii-i-socialnyh-issledovanij-imeni-m-v-ptuhi-nan-ukrainy-istoricheskij-ocherk>.

Михаил Васильевич возглавлял институт до самого его закрытия в 1938 году и вспоминал об этом периоде так: «Создание Демографического института открыло новый этап в моей научной деятельности. Более 19 лет работа в нем была главным делом моей жизни. Организация систематического изучения населения Украины и всего СССР в прошлом и настоящем, создание кадров демографов, помощь государственным учреждениям и т.п. были предметом моих постоянных забот. В общем, многочисленные работы сотрудников Института, вместе с моими трудами по теоретической и прикладной демографии, составили новый этап в деле детального, углубленного изучения населения Украины»¹⁸.

Специалисты, занимающиеся историей статистики, высоко оценивают роль Михаила Васильевича Птухи и его института. По их мнению, это было «соединительное звено между дореволюционной и советской демографией и статистикой». Работы ученого, «содержащие анализ конкретных явлений и процессов, ценны не только тем, что являются страницей истории развития демографии, но и тем, что служат образцом глубокого и целенаправленного анализа, поднимающегося до уровня теоретических обобщений»¹⁹. «Девятнадцатилетняя деятельность Института демографии АН УССР оставила заметный след в истории советской демографии и статистики. Было опубликовано 14 томов «Трудов института», из них 11 (I–XI) – по вопросам демографической и три тома (XII–XIV) – по вопросам санитарной статистики; напечатано много научных работ и в других изданиях. Впервые население Украины, в частности его воспроизводство, было изучено с помощью научных методов демографической статистики с такой тщательностью и глубиной, как ни в одной другой союзной республике»²⁰.

Михаилу Васильевичу Птухе не удалось избежать политических репрессий. Неслучайно демографическая история СССР определяется зарубежными исследователями как «история катастроф и смертей»²¹, которые политическая власть хотела бы скрыть. Заниматься научными вопросами статистики и демографии в сталинское время было физически опасно. 21 февраля 1938 года профессор был арестован; 28 апреля 1939-го судим военным трибуналом Киевского особого военного округа и осужден на шесть лет исправительно-трудовых лагерей по статье 54-10 УК УССР (антисоветская пропаганда и агитация). Освобожден 19 января 1940 года в связи с безосновательностью обвинений²².

После прекращения деятельности Демографического института его функции и оставшиеся кадры были переданы Институту экономики Академии наук Украинской ССР. После освобождения М. В. Птуха заведовал отделом статистики этого института. Вместе с тем с 1944 года он руководил Отделением общественных наук АН

¹⁸ Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 5.

¹⁹ Сажин Ю. В., Бикеева М. В., Семенова О. А. История статистики: учеб.-метод. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 96.

²⁰ Пустоход П. И. Институт демографии Академии наук УССР (1919–1938)... С. 67.

²¹ Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР/ [пер. с фр. Э. Кустова, И. Троицкая]. М.: Новое изд-во, 2005. С. 9.

²² Склярченко Е. М. Ветеран украинского краеведения (М. В. Птуха) // Репрессированное краеведение. Киев: Родной край, 1991. С. 113–116.

УССР²³, был членом Президиума АН УССР²⁴. В том же 1944-м ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки УССР». В июле 1950 года по состоянию здоровья Михаил Васильевич вышел на пенсию, но заниматься научной работой не прекратил.

Большинство научных трудов М. В. Птухи посвящены истории и теории статистики населения²⁵. Им было опубликовано 11 монографий²⁶, более 70 статей, докладов, отчетов²⁷. Фундаментальная работа профессора «Очерки по истории статистики СССР» вышла в двух томах – соответственно в 1955 и 1959 годах²⁸ и считается классическим трудом по истории советской статистической мысли конца пятидесятих годов прошлого века²⁹. В 1971 году в серии «Выдающиеся ученые УССР» вышли в свет его «Избранные труды», подготовленные к изданию Отделом демографии и воспроизводства трудовых ресурсов Института экономики АН Украины.

М. В. Птуху справедливо называют классиком советско-российско-украинской демографии³⁰. Большое внимание в своих исследованиях ученый уделял вопросам

²³ Палладін О. В. Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки, 1919–1944. Київ: видавництво Академії наук УРСР, 1944. С. 40–41.

²⁴ Птуха Михайло Васильович // Українська радянська енциклопедія: [в 12 т.] / ред. М. П. Бажан. Т. 9: Попаяужне – Салуїн. Київ: Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1983. С. 188.

²⁵ Михаил Васильевич Птуха. 1884–1961: библиогр. указ. / сост. Е. С. Ровнер; вступ. ст. П. И. Пустохода. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1963.

²⁶ Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной. Пг., 1916; *Он же*. Индексы брачности. Эюд по теории статистики населения. Киев: [б.и.], 1922; *Он же*. Население Киевской губернии. Киев: [б.и.], 1925; *Он же*. Статистическая наука на Западе. Библиографические заметки о книгах по статистике, вышедших за границей за десятилетие 1914–1923 гг. Харьков: [б.и.], 1925; *Он же*. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928; *Он же*. Смертність у Росії й на Україні. Харків; Київ: ЦСУ УСРР, 1928.; *Он же*. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М.: Госполитиздат, 1945; *Он же*. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М.: Госстатиздат, 1951; *Он же*. Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1959. Т. 1: Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.); Т. 2: Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях, 1801–1863. Университетская статистика (государствоведение) в России, 1801–1845.; *Он же*. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, 1960.

²⁷ Библиография научных работ М. В. Птухи составлена Е. С. Ровнер: Михаил Васильевич Птуха. 1884–1961: библиогр. указ. С. 27–38.

²⁸ См.: Энциклопедия статистических публикаций X–XX вв.: Древняя Русь, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик, Российская Федерация / В. М. Симчера, В. А. Соколин, Е. А. Машихин, А. Ю. Шевяков; ред. В. М. Симчера, Н. П. Федоренко М.: Финансы и статистика, 2001. С. 23; *Скрыдлов А. Ю.* Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 463–464.

²⁹ Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.) / отв. ред. Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1970. С. 3.

³⁰ См.: Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. С. 49; *Жиров Н. А.* Демографическая история Орловской губернии в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. С. 16; *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* Взгляды академика АН УССР М. В. Птухи на предмет и метод демографии (к 100-летию со дня рождения) // Демографические исследования. 1984. Вып. 8. С. 3–14.

брачности и смертности населения³¹. Его работы относят к важнейшим трудам в области советской демографии³², статистики населения³³. Весомый вклад сделан им и в составление таблиц смертности и расчетов перспективной численности населения³⁴.

Одна из учениц М. В. Птухи, ученый-демограф В. С. Стешенко, так характеризует его научный стиль: «Все его исследования отличаются рациональностью, строгим логическим построением, лаконизмом изложения. Текст... работ очень экономен и насыщен идеями. Наиболее характерная особенность его исследовательского почерка – историзм в подходе к изучению демографических процессов и концепций, повышенное внимание к истории развития мировой демографической мысли. В его теоретических работах обобщен и развит не только отечественный опыт, но и опыт, накопленный за рубежом. Знание нескольких иностранных языков, длительная работа в богатейших книгохранилищах Европы, постоянные контакты с выдающимися демографами мира позволили ему во многих своих трудах подвести своеобразный итог разработанности изучаемых проблем, предложить свои оригинальные методы исследования демографических явлений и процессов»³⁵.

Другой ученик М. В. Птухи, известный ученый-демограф П. И. Пустоход, вспоминает: «Михаил Васильевич был глубоко принципиальным и в высшей степени требовательным к себе ученым. Работал он необыкновенно много и упорно, все, что им сделано в науке, – результат напряженного кропотливого труда... Основой основ его жизни была наука, ей отдавал он все свои помыслы и силы»³⁶. А в некрологе после смерти ученого он напишет: «Михаил Васильевич никогда не был кабинетным ученым. Он... принимал живое участие в деятельности органов государственной статистики СССР и УССР, органов здравоохранения, плановых комиссий. Оно выражалось не только в постоянных консультациях, в... участии в совещаниях и съездах. Он сам, а также сотрудники Института демографии под его непосредственным руководством выполнили немало специальных работ для ЦСУ СССР, для плановых органов»³⁷.

³¹ См. об этом подробнее: *Сифман Р. И.* Конкретные демографические исследования в СССР (1917–1967) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.): сб. ст. / отв. ред Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1972. С. 35–36, 47.

³² *Старовский В. Н.* Советская статистическая наука и практика // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Госстатиздат, 1960. С. 16; *Он же.* Развитие советской статистической науки и практики за 40 лет // Вестник статистики. 1958. № 1. С. 3–15.

³³ *Старовский В. Н.* Полвека советской статистической науки и практики // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Статистика, 1969. С. 10, 32.

³⁴ *Вострикова А. М., Подъячих П. Г.* Статистика населения // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1969. С. 377–378. См. также: *Вострикова А. М.* Статистика населения и здравоохранения // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Госстатиздат, 1960. С. 241; *Маркин М.* Статистика советской Украины // История советской государственной статистики: сб. ст. М.: Госстатиздат, 1960. С. 414.

³⁵ *Стешенко В. С.* Михаил Васильевич Птуха как демограф 1884–1961 // Демоскоп Weekly. 2001. № 35–36. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/035/nauka03.php>; *Она же.* Михаил Васильевич Птуха как демограф // Демографические исследования. 2002. Вып. 24. С. 324–332.

³⁶ *Пустоход П. И.* Жизнь и научная деятельность М. В. Птухи // Михаил Васильевич Птуха. 1884–1961. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1963. С. 23.

³⁷ *Пустоход П. И.* М. В. Птуха (некролог) // Вестник статистики. 1963. Т. VII. С. 324.

Интересно разработанное М. В. Птухой «условие успешной работы в науке» – «“не разбрасываться”, или соблюдение “теории скрипки”, которой он придерживался всю... жизнь. Чтобы стать хорошим скрипачом, говорил он, надо играть на скрипке, не занимаясь технологией ее изготовления, изучением производства ее составляющих и т.п. Успешный ученый не может быть ни заядлым театралом, ни отягощенным большой семьей, ни увлеченным дачником, то есть он должен пожертвовать всеми прочими интересами ради научных. Поэтому обычно у настоящего ученого жизнь не бывает богатой внешними событиями»³⁸. При этом сам М. В. Птуха был счастлив в браке с супругой Екатериной Константиновной, с которой они вырастили двух сыновей – Богдана (1924 г.р.) и ставшего впоследствии известным украинским врачом, кандидатом медицинских наук Романа (1926 г.р.)³⁹.

Михаил Васильевич Птуха – ученый с мировым именем. С 1929 по 1958 год он действительный член Международного статистического института в Гааге. Являлся также членом Американского экономического общества, Американского географического общества, Американской академии политических и общественных наук⁴⁰. Был полиглотом, знал несколько иностранных языков. Входил в состав правительственной делегации УССР на сессии Совета Управления ООН по оказанию чрезвычайной помощи и восстановлению (UNRRA) (Женева, 5 августа 1946 года); был советником правительственной делегации УССР на Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1949 года); неоднократно участвовал в сессиях Международного статистического комитета⁴¹.

Среди наград ученого – орден Трудового Червоного Прапора (1944), орден «Знак Почета» (1945), медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть» (1960). Последней награды он удостоился за активное участие в разработке программ Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года⁴². Единственный из первых профессоров юридического факультета Пермского университета, статья о котором включена в Большую советскую энциклопедию⁴³.

Михаил Васильевич Птуха скончался в Киеве от тяжелой и продолжительной болезни 3 октября 1961 года. Похоронен на Байковом кладбище⁴⁴. 15 сентября 2001 года на доме, где долгое время жил ученый, установлена мемориальная доска⁴⁵.

³⁸ Стешенко В. С. Михаил Васильевич Птуха как демограф 1884–1961. URL: <https://www.demoscore.ru/weekly/035/nauka03.php>.

³⁹ Работал в Украинском научно-исследовательском институте кардиологии им. Н. Д. Стражеско, изобретатель электрода и устройства для крепления электродов. URL: <https://patentdb.ru/author/1265452>.

⁴⁰ 220 лет Академии наук СССР: справ. книга / сост. В. С. Яблоков, Л. А. Плоткин. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. С. 113.

⁴¹ Михаил Васильевич Птуха [некролог] // Вопросы экономики. 1960. № 11. С. 160.

⁴² Михаил Васильевич Птуха [некролог] // Вопросы статистики. 1960. № 11. С. 91.

⁴³ Птуха Михаил Васильевич // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. М.: БСЭ, 1955. Т. 35: Прокат – Раковины. С. 272–273.

⁴⁴ См. также некролог в журнале Международного статистического института: Ryabushkin T. V. Mikhail Vassilievitch Ptukha. 1884–1961 // Review of the International Statistical Institute. 1961. Vol. 29, № 3. Pp. 111–112.

⁴⁵ Институт демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи Национальной академии наук Украины. URL: https://idss.org.ua/ptuha_rus.

М. В. Птуха был юристом по образованию, но на формирование научного интереса молодого ученого огромное влияние оказал ординарный профессор кафедры политической экономии и статистики юридического факультета Петербургского университета И. И. Кауфман. Учебные курсы по общей теории статистики, демографической статистике увлекли юного студента, впоследствии ставшего известнейшим советским демографом, статистиком и историком статистики, одним из основателей советской школы демографии и статистики.

В дореволюционные годы одной из первых научных работ М. В. Птухи стала статья «Беспризорные дети-подкидыши и наше земство» (опубликована на страницах газеты «Трудовая помощь» – № 7, 8, 9 за 1911 год), в которой ученый уже рекомендовал себя как блестящий эрудит: он основательно знал историю, философию, право, экономику, нормы морали и обычаи многих народов с древнейших времен. Исследуя судьбы многих беспризорников, он доказал, что именно незаконнорожденные дети становятся преимущественно беспризорными, а их общее количество в стране зависит от экономического состояния и этических взглядов населения, а также от законов конкретного государства. При этом ученый не ограничился отдельными выводами и, опираясь на огромный массив статистических материалов отдельных губерний и уездов Российской империи, предложил и научно обосновал организацию общественного призрения детей-подкидышей. Он был убежден в необходимости установления и реализации единых правил попечения по всей стране; в организации мер поддержки не только внебрачных детей и подкидышей, но и всех детей грудного возраста, матери которых по причине болезни и отсутствия у них средств нуждаются во временной отдаче ребенка, и детей, матери которых нуждаются в сохранении тайны материнства; в необходимости обязательного посещения такими детьми школ.

Главным итогом дореволюционной научной работы М. В. Птухи стала масштабная монография «Очерки по теории статистики населения и моральной». В ней ученый, развивая идеи родоначальника «моральной статистики» (то есть массовых явлений общественной жизни, зависящих от воли человека) социолога А. Кетле о «среднем человеке», разработал методологию изучения демографических явлений и массовых социальных процессов – преступности, брачности и разводов, суицидов. Эта работа заложила методологический фундамент отечественной демографической статистики, соединив юридически значимые общественные явления с их массовой статистической характеристикой («чистой» демографией). В этой работе М. В. Птуха впервые обосновал возможность использования вероятностных подходов к повсеместным социальным явлениям, разработал принципы построения статистических рядов, группировок, индексов.

Идеи, заложенные в дореволюционных трудах, ученый развивал и после революции в рамках работы в Институте демографии Академии наук Украинской ССР. Он разработал общую схему изучения демографических явлений и процессов – некоего статистического «портрета» – набора обобщенных характеристик, показывающих, как в среднем складывается жизнь человека в популяции. Результаты анализа огромного массива статистических данных, имевшихся к началу XX века, были изложены в нескольких монографиях.

В работе «Индексы брачности. Эюд по теории статистики населения» (1922) М. В. Птуха предложил оригинальный математико-юридический метод оценки брачного состояния общества, который до сих пор используется в прикладной социологии права и демографии. Доктринальные идеи ученого получили мировое признание и стали неотъемлемой частью современной демографической методологии. Таковы, например, метод расчета индексов, измеряющих склонность женихов и невест из одной социальной группы вступать в брак друг с другом; демографические показатели для измерения степени предпочтения брачных партнеров по определенным признакам (возраст, национальность, уровень образования, доход и т.д.). Более того, индексы брачности, разработанные М. В. Птухой, позволяют учесть влияние на степень предпочтения брачных партнеров только одного из признаков, тем самым обеспечивая большую методологическую точность анализа статистических данных, что стало важным вкладом в мировую статистику.

Продолжила серию исследований М. В. Птухи по региональной демографии Украины монография «Население Киевской губернии» (1925). Названный труд является образцом комплексного социально-экономического и демографического описания крупного региона на стыке эпох. Ранее разработанные ученым методики учета численности и динамики роста населения, половозрастной структуры общества, показателей рождаемости, брачности, смертности послужили основой для изучения статистических материалов и данных переписей населения Киевской губернии. Благодаря этому исследователем была дана полная и достоверная характеристика численности, возрастной и половой структуры населения региона.

Советская, в частности украинская, демография нуждалась также в изучении смертности с учетом социально-экономических условий жизни всех слоев населения. М. В. Птуха в своей монографии «Смертность в России и на Украине» (1928) – главном советском исследовании по этой теме – обобщил данные по Украине и создал полные и суммарные таблицы смертности. Для этого он разработал специальную методику, используя весь статистический материал Российской империи. Впервые были выявлены различия между городской и сельской смертностью посредством усовершенствования методов исследования: отслеживалась продолжительность жизни целых поколений благодаря построению общих таблиц смертности, был создан метод оценки вероятности смерти ребенка в первый год жизни.

В том же 1928 году М. В. Птуха опубликовал масштабное исследование «Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века», где одним из первых дифференцировал показатели смертности и продолжительности жизни по этническому признаку. Ученый считал, что народность (национальность) – тот внешний признак человека, который оказывает большее или меньшее влияние на демографические явления⁴⁶. В указанной работе исследователь обосновал концепцию единой таблицы, отражающей интенсивность и длительность всех ключевых вех в жизни поколения (от рождения и брака до прекращения дееспособности и смерти), выявив различия в смертности по территориям и народностям России и причины высокой смертности грудных детей.

⁴⁶ Птуха М. В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. С. 19.

В поздний период научной деятельности, уже будучи членом-корреспондентом Академии наук СССР, Михаил Васильевич сфокусировался на анализе истоков статистической и правовой мысли: подробно исследовал вклад ученых прошлых веков в развитие учета социальных процессов, зафиксировал эволюцию правовой и государственной статистики, опубликовав многотомные труды по истории отечественной и зарубежной статистики.

В первом труде по истории науки «Статистическая наука на Западе. Библиографические заметки о книгах по статистике, вышедших за границу за десятилетие 1914–1923 гг.» (1925) ученый в виде библиографических заметок о новейших статистических книгах сделал исторический обзор развития статистики в разных странах, показал, как самобытные условия и уклад каждой страны влияли на развитие «политической арифметики» – первоначальной формы статистики как науки.

Позднее профессор опубликовал фундаментальный научный труд по зарождению статистики в Европе и России раннего Нового времени⁴⁷. Опираясь на значительное число европейских научных исследований, автор продемонстрировал, как статистика выросла из простого описания социальных процессов и явлений и государственоведения, проследил переход от политической арифметики к более строгой количественной научной методологии исследования данных.

Отдельное изучение М. В. Птухой процесса зарождения и развития статистики в России нашло завершение в «Очерках по истории статистики в СССР» (1955–1959). В них представлена вся история развития статистики в России – от первых описательных форм учета до университетской «статистики государственоведения», а также отражена связь статистики с правом, финансами, госуправлением, что крайне важно для понимания историографии юридических и государственоведческих дисциплин.

Сам Михаил Васильевич, подводя общие итоги своих научных занятий, так описал свой творческий путь: «Примерно одна пятая часть времени (1906–1918) посвящена была всесторонней подготовке к научной деятельности, разработке теоретических и исторических проблем общей, главным же образом демографической, статистики. Более трети производительной жизни (1918–1938), возглавляя Демографический институт, я уделял преимущественное внимание статистике населения УССР и всего СССР и связанным с ней теоретическим вопросам; с 1933 г. наряду с ними разрабатывал историю всеобщей и отечественной статистики. С 1940 до 1956 г. я больше всего занимался сначала историей всеобщей, а впоследствии – отечественной статистики. В связи с переписью населения СССР в 1957–1958 гг. в центре моего внимания стояли вопросы переписи населения, а также ближайшее ознакомление с состоянием демографической и общей статистики за границей»⁴⁸.

Научное наследие М. В. Птухи общепризнано весомым вкладом в отечественную и мировую статистическую науку. Новаторский подход ученого и результаты его исследований и по сей день применяются на практике.

Михаил Васильевич Птуха – профессор Пермского университета с 1 июля 1917 г. по 1 июля 1919 г.

⁴⁷ Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М.: Госполитиздат, 1945.

⁴⁸ Птуха М. В. Очерки по статистике населения. С. 6.

Библиографический список

Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006.

Бимман А. Б. История банков: Историческое развитие банков в России и за границей с древнейших времен до наших дней / под ред. Мих. Птухи. СПб.: Круг самообразования, 1914.

Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое изд-во, 2005.

Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. М.: БСЭ, 1955. Т. 35: Прокат – Раковины. С. 272–273.

Вострикова А. М. Статистика населения и здравоохранения // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Госстатиздат, 1960. С. 240–258.

Вострикова А. М., Подъячих П. Г. Статистика населения // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1969. С. 360–380.

Жиров Н. А. Демографическая история Орловской губернии в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012.

Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917: ист.-крит. очерк. М.: ЦСУ, 1922.

Маркин М. Статистика советской Украины // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Госстатиздат, 1960. С. 410–430.

Михаил Васильевич Птуха [некролог] // Вопросы статистики. 1960. № 11. С. 91.

Михаил Васильевич Птуха [некролог] // Вопросы экономики. 1960. № 11. С. 160.

Михаил Васильевич Птуха. 1884–1961: библиогр. указ. / сост. Е. С. Ровнер; вступ. ст. П. И. Пустохода. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1963.

Пискунов В. П., Стешенко В. С. Взгляды академика АН УССР М. В. Птухи на предмет и метод демографии (к 100-летию со дня рождения) // Демографические исследования. 1984. Вып. 8. С. 3–14.

Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу (публ. А. Л. Дмитриев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 4. С. 113–128.

Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу (1921–1928 гг.) (публ. А. Л. Дмитриев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2012. Вып. 1. С. 88–107.

Птуха М. В. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М.: Госстатиздат, 1951.

Птуха М. В. Избранные труды. Киев: Наукова думка, 1971.

Птуха М. В. Индексы брачности. Эюд по теории статистики населения. Киев: [б.и.], 1922.

Птуха М. В. Население Киевской губернии. Киев: [б.и.], 1925.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков / ред. В. С. Немчинов. М.: Госполитиздат, 1945.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955–1959. Т. I: Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.); Т. II: Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях, 1801–1863. Университетская статистика (государствоведение) в России, 1801–1845.

Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960.

Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной (диссертация на соискание степени магистра политической экономии и статистики) // Записки Юридического факультета Императорского Петроградского университета. 1916. Вып. X.

Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной (тезисы). Пг., 1916 (Пермское отделение Петроградского ун-та).

Птуха М. В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев: ЦСУ Украины, 1928.

Птуха М. В. Статистическая наука на Западе. Библиографические заметки о книгах по статистике, вышедших за границей за десятилетие 1914–1923 гг. Харьков: [б.и.], 1925.

Птуха М. В. Смертність у Росії й на Україні. Харків; Київ: ЦСУ УСРР, 1928.

Пустоход П. И. Жизнь и научная деятельность М. В. Птухи // Михаил Васильевич Птуха. 1884–1961 / сост. Е. С. Ровнер. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1963. С. 3–23.

Пустоход П. И. Институт демографии Академии наук УССР (1919–1938) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1972. С. 52–71.

Пустоход П. И. Михаил Васильевич Птуха (некролог) // Вестник статистики. 1963. Т. VII. С. 321–333.

Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной монографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 112–127.

Сажин Ю. В., Бикеева М. В., Семенова О. А. История статистики: учеб.-метод. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005.

Сифман Р. И. Конкретные демографические исследования в СССР (1917–1967) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1972. С. 35–51.

Склярченко Е. М. Ветеран украинского краеведения (М. В. Птуха) // Репрессированное краеведение. Киев: Родной край, 1991. С. 113–116.

Скрыдлов А. Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 461–478. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478.

Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Рябушкин; науч. ред. Ф. Д. Лившиц. М.: Наука, 1970.

Старовский В. Н. Полвека советской статистической науки и практики // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1969. С. 5–36.

Старовский В. Н. Развитие советской статистической науки и практики за 40 лет // Вестник статистики. 1958. № 1. С. 3–15.

Старовский В. Н. Советская статистическая наука и практика // История советской государственной статистики: сб. ст. / глав. ред. А. И. Ежов. М.: Госстатиздат, 1960. С. 4–21.

Стешенко В. С. Михаил Васильевич Птуха как демограф // Демографические исследования. 2002. Вып. 24. С. 324–332.

Стешенко В. С. Михаил Васильевич Птуха как демограф 1884–1961 // Демоскоп Weekly. 2001. № 35–36. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/035/nauka03.php>.

Труды Общества Естествоиспытателей при Пермском университете. Протоколы заседаний за 1917–23 гг. / под ред. В. Н. Беклемишева. Пермь: 2-я тип. «Пермполиграф», 1924. Т. 1, вып. 1.

Черниченко В. В. Институт демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины (исторический очерк). URL: <https://businessforecast.by/partners/institut-demografii-i-socialnyh-issledovanij-imeni-m-v-ptuhi-nan-ukrainy-istoricheskij-ocherk>.

Эгермайер Ф. Развитие основных положений теории статистики в истории русской и советской статистики // Очерки по истории статистики СССР. М.: Госстатиздат, 1960. Вып. 3. С. 18–57.

Энциклопедия статистических публикаций X–XX вв.: Древняя Русь, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик, Российская Федерация / В. М. Симчера, В. А. Соколин, Е. А. Машихин, А. Ю. Шевяков; ред. В. М. Симчера, Н. П. Федоренко. М.: Финансы и статистика, 2001.

220 лет Академии наук СССР: справ. книга / сост. В. С. Яблоков, Л. А. Плоткин. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945.

Ryabushkin T. V. Mikhail Vassilievitch Ptukha. 1884–1961 // Review of the International Statistical Institute. 1961. Vol. 29, № 3. Pp. 111–112.

Палладін О. В. Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки, 1919–1944. Київ: видавництво Академії наук УРСР, 1944. С. 40–41.

Птуха Михайло Васильович // Українська радянська енциклопедія: [в 12 т.] / голов. ред. М. П. Бажан. Т. 9: Попаяужне – Салуїн. Київ: Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1983. С. 188.

Информация для цитирования

Кузнецова О. А., Трапезников А. И. Двенадцать первых: профессор Пермского университета Михаил Васильевич Птуха // *Ex jure*. 2026. № 3. С. 27–42. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-27-42. EDN EYJGOW

Kuznetsova O. A., Trapeznikov A. I. The First Twelve: Professor at Perm University Mikhail Vasilyevich Ptukha. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 27–42. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-27-42. EDN EYJGOW

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-43-52

<https://elibrary.ru/rqnbzt>

EDN RQNBZT

К вопросу о понятии института процессуальной ответственности

Г. А. Валеева

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, 12

E-mail: gavaleeva55@yandex.ru

Аннотация: автор исследует признаки института процессуальной ответственности как явления объективного права, исходя из узкого понимания процессуального права, которое включает только юрисдикционный процесс. В статье анализируется предмет правового регулирования процессуальной ответственности, ее функциональные и иные связи. Обосновывается межотраслевая природа процессуальной ответственности, ее сложный и предметный характер. Определена структура института процессуальной ответственности, состоящая из таких элементов, как субинституты и отдельные общности правовых норм, которые нельзя определять в качестве отдельных субинститутов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, процессуальная ответственность, виды процессуальной ответственности, структура процессуальной ответственности, субинституты процессуальной ответственности

© Валеева Г. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

On the Concept of Procedural Liability

G. A. Valeeva

Kazan (Volga Region) Federal University
12, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia

E-mail: gavaleeva55@yandex.ru

Abstract: *the article examines the characteristics of procedural liability as a phenomenon of objective law, based on a narrow understanding of procedural law that includes only jurisdictional processes. The article analyzes the subject matter of legal regulation of procedural liability, its functional and other relationships. The interdisciplinary nature of procedural liability, its complex and substantive nature, is substantiated. The article defines the structure of procedural liability, consisting of such elements as sub-institutions and separate communities of legal norms that cannot be defined as separate sub-institutions.*

Keywords: *legal liability, procedural liability, types of procedural liability, structure of procedural liability, sub-institutions of procedural responsibility*

Определение института процессуальной ответственности связано с проблемой уяснения материального и процессуального права. Поэтому наше исследование мы начнем именно с этого вопроса. Как известно, в юридической науке существует широкое и узкое понимание юридического процесса и процессуального права. Кроме того, у представителей широкого и узкого понимания процессуального права подходы к данной подсистеме права различны.

Суть первого подхода состоит в том, что под процессуальным правом понимается некая сумма отраслей права. «Процессуальное право – это совокупность отраслей права (и его подотраслей), основная задача которых – установление порядка защиты прав и обязанностей субъектов»¹, – считает Т. В. Кашанина. По мнению Е. Г. Лукьяновой, «система процессуального права состоит из отраслей, подотраслей в составе отраслей и отдельных правовых институтов»². Таким образом, можно констатировать, что упомянутые авторы используют механический подход, суммируя отрасли, которые в целом можно отнести к процессуальным.

Интересна позиция В. В. Кожевникова, отражающая иное представление о системе процессуального права. С точки зрения этого исследователя, процессуальное право есть «совокупность процессуальных норм, находящихся в отраслях процессуального и материального права, во-первых, регламентирующих процедуру применения норм материального права компетентными властными органами государства; во-вторых, определяющих правовой статус граждан, юридических лиц, других участ-

¹ Кашанина Т. В. Структура права. Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2 (24). С. 19.

² Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: Норма, 2004. С. 92.

ников соответствующих процессов»³. Иными словами, В. В. Кожевников утверждает наличие отдельных правовых институтов и правовых норм, регулирующих процессуальные отношения, и в материальной отрасли права в целом, и в процессуальных отраслях права. Такой подход избегает механического сложения отраслей и институтов, и это делает его, на наш взгляд, более обоснованным, поскольку в структуру отрасли права могут входить и отдельные процессуальные нормы, совокупности которых недостаточно для вывода о наличии в ее составе процессуального института.

Представители узкого понимания юридического процесса (и процессуального права как такового) включают в его состав только юрисдикционный процесс⁴. Одними из наиболее ярких сторонников противоположного понимания юридического процесса являются А. А. Павлушина и В. Н. Баландин, классифицирующие его на правоприменительный (юрисдикционный и неюрисдикционный) и правотворческий⁵. Сама А. А. Павлушина рассматривает процессуальное право очень широко, включая в него все юридические процедуры и полагая, что между материальным и процессуальным правом существуют некие переходные формы⁶. Наверное, стоит согласиться с основными критическими доводами, которые высказаны в литературе относительно данной позиции и сводятся к следующему: во-первых, происходит размывание границ между материальным правом и процессуальным; во-вторых, отождествляются процесс и процедура, хотя не любая процедура является процессом; в-третьих, ставится знак равенства между процессом и юридически значимой деятельностью, связанной с реализацией норм права «на основе стадий правоприменительной деятельности»⁷.

Мы не являемся сторонниками широкого понимания процессуального права, но одновременно выступаем и против его определения как суммы различных видов юрисдикционного процесса. На наш взгляд, можно и нужно согласиться с идеей А. А. Павлушиной о наличии процессуальных норм в отраслях, которые в целом относятся к материально-правовому блоку в системе права. При этом необходимо оговориться, что лично мы к таким нормам относим нормы охранительной направленности, обеспечивающие нормальное функционирование юрисдикционного процесса.

Указывая на возможное отсутствие четких границ между материальным и процессуальным правом и существование неких переходных правовых форм, А. А. Павлушина, однако, не называет конкретных правовых норм, которые характеризовались бы пограничным состоянием. В дальнейшем этот тезис мы возьмем за основу при определении границ процессуальной ответственности. Также обозначим в качестве

³ Кожевников В. В. О понятии процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 149.

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С. 237; Донцова К. Б. Предмет процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 15.

⁵ Баландин В. Н., Павлушина А. А. О видах юридического процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 31.

⁶ Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. С. 11.

⁷ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. С. 69.

проблемы вопрос о том, насколько четко соотносится институт процессуальной ответственности с процессуальным правом и возможен ли выход за ее границы.

Ученые, занимающиеся исследованием процессуальной ответственности и рассматривающие ее на общетеоретическом уровне, нередко ограничиваются сложением ее отраслевых видов в отдельное межотраслевое образование⁸. Такой взгляд во многом исходит из определения процессуального права посредством механического суммирования отраслей права.

Процессуальная ответственность не тождественна отраслевому делению юридической ответственности, ввиду того что является элементом не микро-, а макроуровня как системы права, так и системы юридической ответственности. В основе выделения процессуальной ответственности на макроуровне в виде межотраслевого института лежит такой критерий, как объект охраны и/или сфера правового регулирования. В самом общем виде объектом охраны будут выступать процессуальные отношения, если исходить из понимания процесса как юрисдикционного, а не охватывающего различные возможные позитивные юридические процедуры, не связанные с конфликтом или спором о праве. Разумеется, понятие «процессуальное отношение» очень объемное, однако и оно поддается конкретизации, а самую укрупненную классификацию можно провести на основе видов юрисдикционного процесса.

Д. Е. Петров считает, что системообразующим фактором «межотраслевого института... в большинстве случаев выступает определенная сфера государственного управления или направление деятельности государства»⁹. Думается, что приведенный им критерий не является универсальным для всех без исключения межотраслевых институтов. Межотраслевая природа как института юридической ответственности, так и института процессуальной не оспаривается в литературе. Если опираться на критерий, предложенный Д. Е. Петровым, то в основе выделения института процессуальной ответственности находится правоохранительная функция государства и сфера осуществления правосудия. Однако, пользуясь данным критерием, с таким же успехом можно выделить и межотраслевой институт мер защиты, и межотраслевой институт мер процессуальной безопасности, и многие другие. Поэтому как бы ни хотели мы избежать одного из критериев, на основе которого определяется отраслевое строение, а именно предмет правового регулирования, нам это не удастся. И здесь нет какой-либо методологической ошибки. Процессуальные нормы охраняют и регулируют процессуальные правоотношения, а также, как указывалось ранее, устанавливают правовой статус участников процесса. Известно, что одним из элементов правового статуса участников процесса выступает юридическая ответственность¹⁰.

⁸ См., например: Чуклова Е. В. Структура института процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 12. С. 30–38; Молев Г. И., Молева Г. В. Общетеоретические аспекты процессуальной ответственности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 28. С. 130.

⁹ Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 41.

¹⁰ См., например: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. С. 209; Бабенко С. В. Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 12.

Вполне обоснованно, что в правовой статус большинства участников юрисдикционного процесса входит и процессуальная ответственность.

Вернемся к вопросу о наиболее крупных структурных элементах процессуальной ответственности. Ученые полагают, что она включает уголовно-процессуальную, гражданско-процессуальную и арбитражно-процессуальную ответственность¹¹. В рамках дискуссии к названным правовым образованиям добавляют конституционно-процессуальную и административно-процессуальную ответственность¹². Следует отметить, что до принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹³ (КАС РФ) к административно-процессуальной ответственности относили только нормы, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁴ (КоАП РФ). В настоящее время административно-процессуальную ответственность подразделяют на два субинститута – предусмотренную КоАП РФ и КАС РФ.

Стоит обратить внимание на позицию М. Р. Загидуллина, который выделяет юридическую ответственность в «российском цивилистическом судебном процессе и альтернативных юридических процедурах»¹⁵. Причем к разновидности цивилистического процесса он относит и административное судопроизводство. С этим сложно согласиться, так как в административном судопроизводстве рассматриваются дела, вытекающие из публично-правовых споров, одной из сторон в которых, как правило, выступают государственные органы. Вместе с тем в воззрениях автора есть очень интересные моменты. Так, в рамках правовой общности (ответственности в цивилистическом процессе) он выделяет юридическую ответственность в гражданском и арбитражном судопроизводствах, в третейском разбирательстве, а также в медиации и иных примирительных процедурах¹⁶. Мы не вступаем в теоретический спор о соотношении понятий «гражданский процесс» и «цивилистический процесс», поскольку это не является предметом нашего исследования, и ограничимся употреблением понятия «гражданский процесс».

¹¹ См.: Чуклова Е. В. Понятие, основание и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 11.

¹² См., например: Мелихов В. А. Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 15; Липинский Д. А., Станкин А. Н. Является ли конституционно-процессуальная ответственность самостоятельным институтом юридической ответственности? // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 22–30.

¹³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 6 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 09.04.2026).

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 25.05.2026).

¹⁵ Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в российском судебном цивилистическом процессе и альтернативных процедурах урегулирования конфликтов: моногр. М.: Проспект, 2021. С. 214.

¹⁶ Там же.

Определяя то или иное институциональное образование в структуре процессуальной ответственности, нужно иметь в виду его объем. Например, Е. В. Чуклова относит к конституционно-процессуальной ответственности санкции за нарушение процесса, который не является юрисдикционным (законодательного процесса)¹⁷. По мнению Н. В. Витрука, «утрата юридической силы законом, признанным неконституционным по данному основанию, может рассматриваться как конституционно-процессуальная ответственность всех участников законодательного процесса»¹⁸. Еще раз отметим: процессуальную ответственность мы связываем с процессуальным правом, а последнее – только с юрисдикционным процессом (за исключением некоторых пограничных форм). Кроме того, многие из мер, которые определяют как санкции процессуальной ответственности, по своей юридической природе относятся к процессуальным мерам защиты.

Далее следует остановиться на «пограничных зонах» процессуальной ответственности. Причем эта пограничность имеет под собой вполне ясную теоретическую основу, разработанную С. В. Полениной. Исследователь указывает, что «межотраслевые комплексные правовые институты могут быть подразделены на межотраслевые функциональные и межотраслевые пограничные»¹⁹. Так, отрасли гражданско-процессуального, уголовно-процессуального и арбитражно-процессуального права являются однородными. Соответственно, предусмотренные ими институты процессуальной ответственности, по классификации С. В. Полениной, относятся к пограничным. Свои идеи автор высказала более полувека назад, учитывая общественные отношения и законодательство того периода. Между тем в настоящее время и общественные отношения, и законодательство существенно изменились. Так, в предложенную концепцию не укладывается административно-процессуальное право, являющееся подотраслью административного права. Само административное право в целом сложно отнести к однородным с процессуальными отраслями права, но вот его подотрасль – административно-процессуальное право – вполне с ними соотносится. Поэтому можно сделать вывод о том, что пограничные межотраслевые институты образуются на стыке не только однородных отраслей, но и подотраслей права.

Полагаем, что межотраслевой институт процессуальной ответственности, да и юридической ответственности в целом, обладает особой природой, так как складывается и на основе функциональных связей (но это уже характеристика другого правового образования). Последние образуются на основе охраны процессуальных отношений при помощи отраслей права, которые в целом не являются процессуальными. Так, Уголовным кодексом Российской Федерации²⁰ предусмотрена глава,

¹⁷ Чуклова Е. В. Процессуальная ответственность как средство защиты конституционного и законодательного процессов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 113–115.

¹⁸ Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 390.

¹⁹ Поленина С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 75.

²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 09.04.2026).

обеспечивающая нормальное функционирование правосудия, выделяемая прежде всего по признакам видового объекта. У таких преступлений права и свободы выступают в качестве дополнительного объекта. В КоАП РФ закреплены отдельные нормы, обеспечивающие административное правосудие. Таким образом, эти нормативные правовые акты, будучи по природе материально-правовыми, содержат нормы, обеспечивающие различные виды юрисдикционного процесса.

Мы выступаем против выделения так называемых комплексных отраслей права, но поддерживаем идею о существовании комплексных правовых институтов. Институт процессуальной ответственности является комплексным и не складывается только из норм, которые предусмотрены Гражданско-процессуальным²¹ и Уголовно-процессуальным²² кодексами Российской Федерации, а также другими процессуальными актами. Нормы процессуальной ответственности содержатся и в отраслях права, которые по своей природе являются материальными, но включают предписания, направленные на охрану процессуальных правоотношений, выполняя тем самым охранительную функцию именно различных видов процесса. Сказанное нами не означает отсутствия гражданско-процессуальной или уголовно-процессуальной ответственности как таковой и не отвергает отраслевого деления системы юридической ответственности. Суть в том, что юридическая ответственность – это полиструктурное образование, характеризующееся различными уровнями структур. Более того, признание отдельных норм, содержащихся в КоАП, в качестве норм административно-процессуальной ответственности не означает наличия соответствующего полноценного института в рамках данной отрасли права.

Исследуя структуру межотраслевого института процессуальной ответственности, мы приходим к выводу о наличии в ней нескольких видов правовых общностей. Прежде всего, это полноценные субинституты процессуальной ответственности, которые находятся уже на уровне отрасли права, то есть на ином уровне обобщения их можно рассматривать как отраслевые институты; кроме того, это некая совокупность правовых норм, которую еще нельзя по разным причинам назвать относительно самостоятельным субинститутом процессуальной ответственности. Среди таких причин, в частности, недостаточность нормативного материала и случайные, а не закономерные связи между самими нормами, входящими в соответствующую общность правовых норм. Вместе с тем у них может наблюдаться взаимосвязь с нормами других субинститутов процессуальной ответственности. Ко второй группе мы относим: нормы, закрепляющие различные составы административной ответственности за посягательства на осуществление административного правосудия; нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на различные формы осуществления правосудия; некоторые нормы, предусмотренные в Налоговом кодексе РФ.

²¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 09.04.2026).

²² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.04.2026).

Еще раз укажем, что в обобщенном виде их объектом выступают в том числе и некоторые разновидности процессуальных правоотношений.

В наш адрес возможны критические высказывания о том, что мы фактически отождествили процессуальную ответственность с суммой тех или иных отраслевых видов юридической ответственности. Однако к такому заключению можно прийти лишь при первом приближении к проблеме. Постараемся пояснить, чем обусловлен наш подход.

Во-первых, представляется, что существуют определенные связи между микро- и макроуровнем как системы права, так и системы юридической ответственности в целом и процессуальной в частности. Соотнося различные блоки нормативного материала, содержащегося в той или иной отрасли права, с критериями, позволяющими отграничивать частное от публичного, а материальное от процессуального, мы в итоге приходим к выводам об их связи с соответствующим блоком макроуровня системы, а также о соотношении частного и публичного в конкретной отрасли права. Во-вторых, наше деление не является механическим сложением отдельных институтов процессуальной ответственности, существующих в рамках той или иной отрасли права, поскольку нами учитываются еще и отдельные нормы, присутствующие в структуре отрасли права, которые имеют материальную или смешанную природу, но еще не оформились в отраслевой институт юридической ответственности. В-третьих, механический подход отсутствует и ввиду того, что между структурными образованиями, входящими в институт процессуальной ответственности, существуют различные виды функциональных связей, к тому же они объединены общим предметом и принципами правового регулирования.

Кроме общих характеристик, свойственных институту юридической ответственности в целом, институт процессуальной ответственности обладает следующими признаками:

- является сложным, функциональным, межотраслевым и пограничным;
- предметом его регулирования (охраны) выступают процессуальные отношения;
- включает в свою структуру как отдельные субинституты, так и общности правовых норм, не являющиеся таковыми;
- образующие его правовые нормы содержатся как в отраслях права в целом, относящихся к процессуальным, так и в отраслях, которые принято характеризовать как материальные отрасли права;
- устанавливает сложные (нелинейные) связи и с отраслями права, и с процессуальным правом.

Особую правовую природу процессуальной ответственности подчеркивают ее первичные «клеточки» – нормы процессуальной ответственности, характеризующие процесс с материально-правовым конфликтом, иначе говоря – юрисдикционный. Укажем еще раз, что данные нормы являются однотипными. Эта однотипность, на наш взгляд, проявляется в следующем. Во-первых, в санкциях таких норм должны быть сформулированы именно меры ответственности, а не защиты; во-вторых, они направлены на регулирование/охрану процессуальных отношений, функционирующих в рамках юрисдикционного процесса; в-третьих, нормы процессуальной ответственности реализуют, помимо иных функций, и карательное направление правового

воздействия, осуществляемое только в случае совершения процессуального правонарушения. Между тем кара для процессуальной ответственности не является самоцелью, она необходима для обеспечения частной превенции и восстановления общественных отношений.

В завершение статьи дадим определение института процессуальной ответственности: институт процессуальной ответственности – это сложный, межотраслевой, пограничный и функциональный правовой институт, включающий в свою структуру как отдельные субинституты, так и общности правовых норм, направленные на регулирование юрисдикционных процессуальных отношений.

Библиографический список

- Алексеев С. С.* Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.
- Бабенко С. В.* Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
- Баландин В. Н., Павлушина А. А.* О видах юридического процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 22–31.
- Витрук Н. В.* Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2010.
- Донцова К. Б.* Предмет процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 15–21.
- Загидуллин М. Р.* Юридическая ответственность в российском судебном цивилистическом процессе и альтернативных процедурах урегулирования конфликтов: моногр. М.: Проспект, 2021.
- Кашанина Т. В.* Структура права. Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2 (24). С. 7–29.
- Кожевников В. В.* О понятии процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 136–154. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.136.154.
- Липинский Д. А., Станкин А. Н.* Является ли конституционно-процессуальная ответственность самостоятельным институтом юридической ответственности? // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 22–30.
- Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М.: Норма, 2004.
- Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права: моногр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003.
- Мелихов В. А.* Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
- Молев Г. И., Молева Г. В.* Общетеоретические аспекты процессуальной ответственности // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 28. С. 128–133.
- Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005.
- Петров Д. Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
- Поленина С. В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.

Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991.

Чуклова Е. В. Понятие, основание и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.

Чуклова Е. В. Процессуальная ответственность как средство защиты конституционного и законодательного процессов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 113–115.

Чуклова Е. В. Структура института процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 12. С. 30–38. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.12.1981.

Ex jure

Информация для цитирования

Валеева Г. А. К вопросу о понятии института процессуальной ответственности // *Ex jure*. 2026. № 3. С. 43–52. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-43-52. EDN RQNBZT

Valeeva G. A. On the Concept of Procedural Liability. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 43–52. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-43-52. EDN RQNBZT

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 349.3

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-53-65

<https://elibrary.ru/bhuloz>

EDN BHULOZ

Актуальные вопросы пенсионного обеспечения граждан, прибывших на постоянное жительство в Российскую Федерацию из государств – участников Евразийского экономического союза

О. С. Курченко

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового и социального права

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а

E-mail: olegpost2001@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется практика применения норм Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза, а также связанных с ним иных международных договоров и норм российского законодательства при назначении страховых пенсий гражданам, прибывшим в Россию на постоянное жительство из государств, входящих в ЕАЭС. Автором рассматриваются особенности определения права таких граждан на страховую пенсию по старости в части требований к продолжительности страхового стажа и величине индивидуального пенсионного коэффициента, отдельные аспекты исчисления страховых пенсий, а также проблемы подтверждения периодов работы

© Курченко О. С., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в государствах – участниках ЕАЭС. Сделан вывод о том, что положения Соглашения ЕАЭС с учетом особенностей российского законодательства о страховых пенсиях не во всех случаях позволяют в полной мере обеспечить сохранение пенсионных прав граждан, приобретенных в государствах, входящих в состав ЕАЭС. Дефекты же информационного взаимодействия между компетентными органами государств – членов ЕАЭС при подтверждении стажа и заработка граждан не должны, по мнению автора, становиться препятствием в реализации их пенсионных прав.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, сохранение пенсионных прав, международные договоры о пенсионном обеспечении, страховой стаж, индивидуальный пенсионный коэффициент, страховая пенсия по старости, обмен формулярами*

Current Issues of Pension Provision for Citizens Who Have Arrived for Permanent Residence in the Russian Federation From the Eurasian Economic Union Member States

O. S. Kurchenko

Dostoevsky Omsk State University
55a, prospect Mira, Omsk, 644077, Russia

E-mail: olegpost2001@mail.ru

Abstract: *the article analyzes the practice of applying the norms of the Agreement on Pension Provision for Workers of the member States of the Eurasian Economic Union (EAEU), as well as related other international treaties and norms of Russian legislation when assigning insurance pensions to citizens who arrived in Russia for permanent residence from the EAEU member states. The author examines the specifics of determining the right of such citizens to an old-age insurance pension in terms of the requirements for the length of insurance experience and the value of the individual pension coefficient, certain aspects of insurance pensions' calculating, as well as the problems of confirming work periods that took place in the EAEU member states. It is concluded that the provisions of the EAEU Agreement, taking into account the specifics of Russian legislation on insurance pensions, do not in all cases fully ensure the maintenance of pension rights of citizens acquired in the EAEU member states. Defects in information interaction between the competent authorities of the EAEU member states when confirming the length of service and earnings of citizens should not, in the author's opinion, become an obstacle to the realization of their pension rights.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, maintenance of pension rights, international agreements on pension provision, insurance experience, individual pension coefficient, old-age pension insurance, exchange of forms*

Ежегодно в Российскую Федерацию приезжают на постоянное жительство десятки тысяч граждан¹, заметную часть среди которых составляют граждане, прибывшие из государств, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Для тех из них, кто до переселения в Россию реализовал право на труд в государстве прежнего места жительства, актуальным становится вопрос о сохранении пенсионных прав – как приобретенных, так и находящихся в процессе формирования. Проблема сохранения пенсионных прав в случае переселения гражданина из одного государства в другое, как правило, наиболее эффективно решается на наднациональном уровне – посредством заключения государствами международных договоров о пенсионном обеспечении, положения которых применяются во взаимосвязи с нормами национального законодательства.

В рамках Евразийского экономического союза пенсионное обеспечение трудящихся должно осуществляться на основании законодательства государства постоянно проживающего, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами (п. 3 ст. 98 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Таким международным договором является Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза (далее также Соглашение ЕАЭС), заключенное 20 декабря 2019 года и вступившее в силу с 1 января 2021 года. В Российской Федерации оно распространяется на те виды пенсионного обеспечения, которые предоставляются в системе обязательного пенсионного страхования². Разработчики Соглашения ЕАЭС должны были исходить в том числе из принципа сохранения «объема пенсионных прав», приобретенных на территориях государств – членов ЕАЭС³. Многочисленные судебные споры, рассматриваемые российскими судами, свидетельствуют, однако, о том, что реализация пенсионных прав гражданами, прибывшими на постоянное жительство в Россию из государств – участников ЕАЭС, зачастую сопряжена с трудностями. Анализ правовых проблем, возникающих в процессе применения взаимосвязанных норм Соглашения ЕАЭС, положений иных международных договоров о пенсионном обеспечении с участием государств – членов ЕАЭС, а также норм российского пенсионного законодательства и посвящена настоящая статья.

Как уже было отмечено, с 1 января 2021 года вступило в силу Соглашение ЕАЭС. С точки зрения используемой в нем модели сохранения пенсионных прав Соглашение ЕАЭС обоснованно квалифицируется специалистами как смешанное, сочетающее

¹ В определенной степени подтверждением этого тезиса могут служить статистические данные о количестве лиц, получающих российское гражданство, и количестве иностранных граждан, которым был выдан вид на жительство в России. По информации Министерства внутренних дел РФ, в 2025 году в российское гражданство было принято 152 400 человек, за этот же период 156 229 человек получили вид на жительство. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/81291187/>.

² В связи с этим пенсии по государственному пенсионному обеспечению остаются за рамками настоящей статьи.

³ См.: Концепция проекта международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения: одобрена Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 нояб. 2014 г. № 103. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/252/225/>.

пропорциональный и территориальный принципы⁴. В отношениях между Российской Федерацией и Республикой Беларусь сочетание пропорциональной и территориальной моделей сохранения пенсионных прав используется довольно давно: в соответствии с пунктом 1 статьи 23 Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 г. (далее – Договор 2006 года), применительно к периодам стажа, приобретенного до 13 марта 1992 года, используется территориальный принцип (пенсию назначает и выплачивает то государство, на территории которого гражданин постоянно проживает), для периодов стажа после указанной даты обязательства договаривающихся сторон по пенсионному обеспечению граждан распределяются пропорционально стажу, приобретенному на территориях каждой из них.

В Соглашении ЕАЭС в качестве даты, разделяющей прежнюю (территориальную, а в отношениях между Россией и Беларусью – смешанную) и новую (пропорциональную) основу сохранения пенсионных прав, выбрана дата вступления его в силу – 1 января 2021 года. Территориальный «компонент» легитимирован в статье 12 Соглашения ЕАЭС и предполагает применение к периодам стажа, имевшим место до 1 января 2021 года, Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. (далее – Соглашение СНГ). Как представляется, именно соотношение норм Соглашения ЕАЭС и Соглашения СНГ при кажущейся его простоте порождает наибольшее количество вопросов в процессе реализации Соглашения ЕАЭС⁵. В частности, нормам статьи 12 Соглашения ЕАЭС во взаимосвязи с иными его положениями придается разное значение в правоприменительной практике. С одной стороны, статья 12 справедливо воспринимается как содержащая переходные положения, на основе которых разграничивается «финансовая ответственность» за назначение и выплату пенсий за периоды стажа граждан, имевшие место как до, так и после 1 января 2021 года⁶. С другой стороны, как будет показано далее, при разрешении судами пенсионных споров, связанных с применением Соглашения ЕАЭС, положения приведенной статьи оказываются востребованными в том числе для определения права граждан на страховую пенсию по старости, решения вопроса об учете периодов работы в государствах – участниках ЕАЭС в составе стажа на соответствующих видах работ⁷, определения порядка подтверждения стажа и/или заработка за периоды до 1 января 2021 года.

⁴ См., например: *Левина М. М.* Международно-правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // *Право и управление*. XXI век. 2024. Т. 20, № 1 (170). С. 162; *Колотова Н. В.* Правовые механизмы сохранения пенсионных прав при переезде за рубеж // *Труды Института государства и права РАН*. 2023. Т. 18, № 5. С. 112.

⁵ Сложности в процессе правоприменения могут возникать и при определении соотношения норм Соглашения ЕАЭС и Договора 2006 года. Об отдельных аспектах такого соотношения см.: *Маматказин И. Р.* Проблемы назначения страховых пенсий трудящимся-мигрантам в государствах – членах ЕАЭС // *Законодательство*. 2023. № 8. С. 34–39.

⁶ См.: *Пенсия*. 2023. № 5. С. 40.

⁷ Проблематика реализации гражданами, прибывшими в Россию на постоянное место жительства из государств – членов ЕАЭС, права на досрочное назначение страховой пенсии по старости заслуживает специального обсуждения и не охватывается настоящей статьей.

Формирование единообразных представлений о системе правовых норм, регулирующих отношения по пенсионному обеспечению граждан государств – членов ЕАЭС, дополнительно осложняется выходом Российской Федерации с 1 января 2023 года из состава участников Соглашения СНГ⁸. Денонсация Россией Соглашения СНГ на первый взгляд должна означать прекращение вытекающих из него обязательств в отношениях между Россией и другими государствами-участниками названного Соглашения, в том числе государствами, входящими в ЕАЭС. Как следует из официального сообщения Министерства иностранных дел РФ, подготовленного и опубликованного в соответствии со статьей 40 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», с 1 января 2023 года прекращается действие Соглашения СНГ в отношении Российской Федерации с другими участниками Соглашения⁹. Никаких оговорок для государств, являющихся участниками ЕАЭС, официальное сообщение МИД России не содержит. Действительно, в отношениях между Российской Федерацией и государствами – участниками Соглашения СНГ, не входящими в ЕАЭС, с 1 января 2023 года должны применяться положения новых международных договоров о пенсионном обеспечении¹⁰, а в случае их отсутствия (как это имеет место в отношениях с Туркменистаном или Республикой Узбекистан) – нормы российского пенсионного законодательства¹¹.

Справедливо ли при этом утверждение, что с 1 января 2023 года Соглашение СНГ не может применяться и в отношениях между РФ и государствами – членами ЕАЭС? Как отмечается специалистами, денонсация Россией Соглашения СНГ стала основанием для отказа компетентных органов некоторых государств – участников ЕАЭС учитывать стаж, приобретенный гражданами на территории России (РСФСР), при назначении пенсии российским гражданам, постоянно проживающим в указанных государствах¹². Утверждение о том, что положения Соглашения СНГ не подлежат применению с 1 января 2023 года при «оценке пенсионных прав» граждан, прибывших в Российскую Федерацию из Республики Казахстан, можно встретить и в судебных актах российских судов¹³. Необходимо учитывать, что применение норм Соглашения

⁸ О денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения: Федер. закон от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 2022 г.: одобрен Советом Федерации 8 июня 2022 г.

⁹ Официальное сообщение МИД России <О прекращении действия Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения, подписанного в Москве 13 марта 1992 года, в отношениях Российской Федерации с другими участниками Соглашения>. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436260/.

¹⁰ См., в частности, Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15 сент. 2021 г.

¹¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2025 г. № 32-КГ25-1-К1.

¹² См.: *Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г.* Современное правовое регулирование пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9 (178). С. 141.

¹³ См., например: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2025 г. № 88-10985/2025; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 авг. 2025 г. № 88-18896/2025.

СНГ в отношении периодов стажа, приобретенного до 1 января 2021 года в государствах – членах ЕАЭС, «санкционировано» статьей 12 Соглашения ЕАЭС. В связи с этим видится обоснованным мнение о том, что денонсация Россией Соглашения СНГ не может служить основанием для ухудшения условий реализации пенсионных прав (в части правил исчисления стажа) граждан, переселяющихся на территорию России из государств – участников ЕАЭС¹⁴. В результате «ретроспективность применения» (ультраактивность, «переживание») норм Соглашения СНГ в отношениях России с государствами – членами ЕАЭС, на которую указывали исследователи еще до денонсации Россией Соглашения СНГ¹⁵, после выхода России из состава участников этого Соглашения проявляет себя еще более выразительно: в отношении периодов стажа, приобретенного до 1 января 2021 года, оно продолжает применяться, несмотря на прекращение его действия для Российской Федерации с 1 января 2023 года.

Заметное влияние на реализацию норм международных договоров в отношениях по пенсионному обеспечению граждан, переезжающих на постоянное жительство в Россию из государств – членов ЕАЭС, оказывает практика их применения как территориальными органами Фонда пенсионного и социального страхования РФ (СФР), так и судами. Надо учитывать при этом, что, во-первых, предлагаемые страховщиком правовые позиции относительно толкования норм международных договоров в их взаимосвязи с положениями национального пенсионного законодательства не всегда находят поддержку у судов, а во-вторых, правоприменительная практика территориальных органов СФР по отдельным вопросам может меняться, а подходы судов к толкованию правовых норм – не отличаться единообразием.

Подтверждение сформулированным выше тезисам можно обнаружить при обращении к вопросам, которые связаны с назначением страховой пенсии по старости гражданам, переселившимся в Российскую Федерацию из государств – участников ЕАЭС. Согласно статье 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», для возникновения у гражданина права на страховую пенсию по старости, помимо достижения установленного возраста, необходимо также выполнение требований к продолжительности страхового стажа (с 1 января 2024 года – не менее 15 лет) и величине индивидуального пенсионного коэффициента (с 1 января 2025 года – не менее 30). В отношении страхового стажа пункт 2 статьи 7 Соглашения ЕАЭС предусматривает суммирование стажа работы, приобретенного по законодательству государств – членов ЕАЭС, со стажем, приобретенным на территории России, в случае недостаточности последнего для возникновения права на страховую пенсию. В связи с тем что по российскому законодательству правообразующее значение для назначения страховой пенсии с 1 января 2002 года имеет *страховой* стаж (предполагающий, по общему правилу, начисление или уплату страховых взносов за входящие в его состав периоды), в практике применения международных договоров

¹⁴ См. об этом подробнее: Полохов О. М. О последствиях денонсации Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года // Пенсия. 2022. № 7. С. 65.

¹⁵ См., например: Чирков С. А. О подписании Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // Пенсия. 2020. № 1. С. 55.

территориального типа, в том числе Соглашения СНГ, уже довольно давно сформировался подход, согласно которому периоды работы гражданина в государстве – участнике Соглашения СНГ после 1 января 2002 года включаются в страховой стаж при условии уплаты страховых взносов в соответствующие органы той страны, на территории которой осуществлялась трудовая деятельность¹⁶.

Определение величины индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) за периоды работы граждан на территориях государств – членов ЕАЭС оказывается более сложным. На первый взгляд избежать трудностей в этой части должна помочь норма, содержащаяся в абзаце 2 пункта 3 статьи 7 Соглашения ЕАЭС: в случае, если величины ИПК, определенной за периоды работы трудящегося на территории России и на территории бывшего СССР, недостаточно для определения права на страховую пенсию, величина ИПК за периоды работы на территориях государств – членов ЕАЭС признается равной 1 за один год такого стажа. При применении указанного правила важное значение приобретает ответ на вопрос о том, относится ли оно ко всем периодам работы в государствах – членах ЕАЭС или только к тем из них, которые имели место после вступления Соглашения ЕАЭС в силу, то есть после 1 января 2021 года.

В одной из первых публикаций¹⁷, появившихся вскоре после заключения Соглашения ЕАЭС и ориентированных на правоприменителей, в качестве иллюстрации обсуждаемого правила приводился пример, из которого следовало, что оно применяется по отношению к периодам работы гражданина в Армении, в том числе до 1 января 2021 года. В опубликованном позднее комментарии к Соглашению ЕАЭС был предложен иной вариант определения действия рассматриваемой правовой нормы во времени: с учетом положений статьи 12 Соглашения ЕАЭС, предусматривающих территориальный (в отношениях с Республикой Беларусь – территориально-пропорциональный) принцип сохранения пенсионных прав, приобретенных до вступления Соглашения в силу, определение величины ИПК из расчета один «пенсионный балл» за один год работы в государствах – членах ЕАЭС возможно только за периоды работы после 1 января 2021 года¹⁸.

Указанный подход в основном поддерживается и судами общей юрисдикции, полагающими, что в отношении периодов работы, имевших место до 1 января 2021 года, продолжительность страхового стажа и величина ИПК должны определяться Соглашением СНГ и нормами российского законодательства, в противном случае допускалась бы возможность при назначении страховой пенсии по старости применять разные международные договоры для определения продолжительности страхового стажа и величины ИПК¹⁹. Такой вариант толкования взаимосвязанных положений

¹⁶ См.: О некоторых вопросах осуществления пенсионного обеспечения лиц, прибывших на место жительства в Российскую Федерацию из государств – республик бывшего СССР: распоряжение Правления Пенсионного фонда РФ от 22 июня 2004 г. № 99р. Пункт 5.

¹⁷ Чирков С. А. Указ. соч. С. 53.

¹⁸ См.: Пархоменко С. В. Новое правовое регулирование в вопросах пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // Пенсия. 2021. № 3. С. 48.

¹⁹ См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 апр. 2025 г. № 88-4799/2025; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 дек. 2023 г.

Соглашения ЕАЭС, с одной стороны, может рассматриваться как в большей степени соответствующий внутренней логике статьи 12 указанного международного договора, с другой – в ряде случаев становится препятствием к назначению страховой пенсии по старости гражданам, работавшим в государствах ЕАЭС до 1 января 2021 года, по причине недостаточности имеющейся у них величины ИПК. Как подчеркивается в научно-практических публикациях, ни Соглашение СНГ, ни Договор 2006 года²⁰, ни российское законодательство не содержат положений о том, как должна рассчитываться величина ИПК за периоды иностранного стажа для целей определения права на страховую пенсию по старости²¹. В отсутствие специальных правовых норм величину ИПК за периоды стажа, имевшие место за границей до 1 января 2021 года, территориальные органы СФР определяют по общим правилам пенсионного законодательства. В силу особенностей формулы, используемой для расчета величины ИПК, в отношении периодов работы, которые имели место после 1 января 2002 года, указанная величина зависит от суммы начисленных или уплаченных за гражданина страховых взносов в Пенсионный фонд России (с 1 января 2023 года – Фонд пенсионного и социального страхования РФ). По понятным причинам в период работы лица за границей страховые взносы по нормам российского законодательства в его пользу начисляться и уплачиваться не могли²². Таким образом, величина ИПК за стаж, приобретенный в государствах – участниках Соглашения СНГ до 1 января 2021 года, в соответствии с национальным законодательством может быть определена только за периоды работы до 1 января 2002 года (путем конвертации пенсионных прав в расчетный пенсионный капитал), а также за отдельные нестраховые периоды в случае их наличия в жизни гражданина (например, за период ухода за ребенком до достижения им возраста полутора лет).

Неоднозначность понимания взаимосвязанных положений пунктов 1–3 статьи 7 (в том числе правила об определении величины ИПК) и статьи 12 Соглашения ЕАЭС потребовала их официального толкования Судом Евразийского экономического союза. По мнению Суда ЕАЭС, указанные нормы Соглашения ЕАЭС должны применяться в отношении стажа работы трудящихся, приобретенного как до (до 1 января 2021 года), так и после вступления Соглашения в силу (п. 17, 18.2 Консультативного заключения

№ 88-29226/2023; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18 мая 2023 г. по делу № 33-7040/2023.

²⁰ В отношении периодов стажа, приобретенного на территории Республики Беларусь, проблема с определением величины ИПК для назначения страховой пенсии по старости могла бы быть решена путем внесения необходимых изменений в указанный Договор, как это было сделано, например, применительно к Договору между Российской Федерацией и Республикой Болгарией о социальном обеспечении, заключенному 27 февраля 2009 года: Протоколом от 4 марта 2019 года в него были внесены изменения, предусматривающие в том числе правила определения величины ИПК за периоды страхового стажа, приобретенного на территории Республики Болгарии.

²¹ См., например: *Пархоменко С. В.* Указ. соч. С. 48.

²² Предусмотренная подпунктом 1 пункта 1 статьи 29 Федерального закона от 15 дек. 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» возможность добровольной уплаты лицом страховых взносов в бюджет СФР за периоды его работы за границей используется крайне редко и доступна только гражданам РФ.

Суда ЕАЭС от 9 апреля 2026 г.²³). При этом нормы Соглашения о возникновении права на пенсию применяются к гражданам государств – членов ЕАЭС, имеющим не менее 12 полных месяцев стажа, приобретенного на территориях этих государств после 1 января 2021 года (п. 18.1 Консультативного заключения). Толкование Судом ЕАЭС положений Соглашения ЕАЭС, несмотря на рекомендательный характер Консультативного заключения²⁴, должно будет способствовать устранению правовой неопределенности по вопросу о том, как для установления права на страховую пенсию по старости следует исчислять величину ИПК за периоды работы в государствах – членах ЕАЭС.

Проблемы, связанные с определением ИПК за периоды работы в государствах – членах ЕАЭС, приобретают особую остроту с учетом того, что от указанного параметра зависит не только право на страховую пенсию по старости, но и ее размер. Целью сохранения пенсионных прав, по мнению некоторых авторов, «является продолжение социального обеспечения, на которое лицо имело право в государстве своего проживания, без сокращения, изменения, приостановления... по причине переезда бенефициара»²⁵.

Применительно к размеру пенсионного обеспечения задача сохранения пенсионных прав решается по-разному в зависимости от типа международного договора о пенсионном обеспечении. Пропорциональный принцип, применяемый, в частности, к периодам работы в государствах – членах ЕАЭС после 1 января 2021 года, предполагает, что размер пенсии зависит от тех пенсионных прав, которые были приобретены на территории государства, назначающего пенсию. Соответственно, периоды работы гражданина в государстве – участнике Соглашения ЕАЭС начиная с 1 января 2021 года при исчислении страховой пенсии, назначаемой по российскому законодательству, приниматься во внимание не должны.

Территориальная модель сохранения пенсионных прав, которая используется в отношениях между Россией и государствами ЕАЭС применительно к периодам стажа, имевшим место до вступления Соглашения ЕАЭС в силу (в отношениях между Россией и Беларусью – до 13 марта 1992 года), подразумевает необходимость учета пенсионных прав, сформированных в иностранном государстве, в том числе при исчислении пенсии по законодательству государства места жительства. В связи с этим для граждан, переселяющихся в Россию из государств – членов ЕАЭС и имеющих стаж, приобретенный в указанных государствах до 1 января 2021 года, возникает проблема, обозначенная нами ранее: за периоды работы за границей с 2002 по 2020 год включительно ИПК, величина которого зависит от суммы страховых взносов, начисленных в бюджет Пенсионного фонда РФ, определен быть не может, а значит, указанные периоды на размер российской страховой пенсии не повлияют.

²³ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 9 апр. 2026 г. № Р-9/25 «О разъяснении положений Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_531492/.

²⁴ См. пункт 98 главы VII Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному 29 мая 2014 г.).

²⁵ Колотова Н. В. Указ. соч. С. 100.

Попытки граждан в судебном порядке добиться учета при определении размера страховой пенсии периодов работы в государствах – членах ЕАЭС после 1 января 2002 года предсказуемо остаются безуспешными²⁶. Проблема, на которую обращали внимание специалисты еще в период участия России в Соглашении СНГ²⁷, так и не была решена в Соглашении, заключенном уже в рамках ЕАЭС. Необходимо отметить при этом, что для граждан, работавших после 1 января 2002 года на территории Республики Казахстан, невозможность учета при исчислении российской страховой пенсии их заработка (или пенсионных взносов) за периоды работы, выполнявшейся после названной даты, в определенной степени компенсируется предоставлением им казахстанским законодателем права получить при выезде на постоянное жительство с территории Казахстана средства пенсионных накоплений, сформированные в том числе за указанные периоды²⁸. Граждане же, работавшие на территории Республики Беларусь после 13 марта 1992 года²⁹, в случае переезда в РФ вправе рассчитывать, что периоды такой работы будут учтены при определении размера пенсии, назначаемой по законодательству Республики Беларусь (п. 1 ст. 23 Договора 2006 г.).

Вступление в силу Соглашения ЕАЭС существенно повлияло и на порядок подтверждения юридически значимых обстоятельств, имевших место в государствах – участниках ЕАЭС, и в первую очередь периодов работы и заработка гражданина. По смыслу статьи 10 Соглашения ЕАЭС компетентные органы (органы пенсионного обеспечения) государств-членов предоставляют друг другу сведения, необходимые для применения Соглашения. Информационное взаимодействие между ними, в том числе при работе с заявлениями граждан о назначении пенсии, осуществляется на основе обмена формулярами в соответствии с Порядком, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии³⁰. В частности, в ответ на формуляр «Запрос»

²⁶ См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 окт. 2025 г. № 88-16070/2025; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2024 г. № 88-12302/2024.

²⁷ См., например: *Васильева Ю. В.* Проблемы интеграции правовой политики стран Европейско-Азиатского региона в области социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1 (21). С. 117.

²⁸ Подпункт 3 пункта 1 статьи 220 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апр. 2023 г. № 224-VII ЗРК. При этом право предоставлено только иностранным гражданам и лицам без гражданства.

²⁹ С учетом круга лиц, на которых распространяется действие Договора 2006 года, речь должна идти о гражданах Российской Федерации и Республики Беларусь.

³⁰ Порядок взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией по применению норм Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 года: утв. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 дек. 2020 г. № 122. Как справедливо отмечается исследователями, реализация Соглашения ЕАЭС предполагает обмен сведениями, необходимыми для пенсионного обеспечения граждан, между компетентными органами, в то время как создание общих информационных ресурсов государств – членов ЕАЭС в указанной сфере не предусмотрено. См.: *Anbrekht T. A.* Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union // *European and Asian Law Review*. 2022. № 5 (2). P. 12.

о подтверждении периодов работы компетентный орган государства – члена ЕАЭС, на территории которого работа выполнялась, должен направить формуляр «О стаже работы», содержащий сведения, которыми в отношении соответствующих периодов он располагает. В практике органов пенсионного обеспечения нередки случаи, когда описанный алгоритм не приносит ожидаемого результата: например, «ответный» формуляр не поступил или содержит информацию о том, что запрашиваемые сведения отсутствуют, либо «пометку» о том, что за достоверность представленных в нем сведений компетентный орган ответственности не несет. В подобных ситуациях территориальные органы СФР считают периоды стажа, в отношении которых был направлен запрос, не подтвержденными надлежащим образом³¹. Вполне закономерно, что отказ в учете не подтвержденных формуляром периодов работы, который зачастую влечет за собой и отказ в назначении страховой пенсии по старости, воспринимается гражданами как сугубо формальный, что неизбежно приводит к возникновению судебных споров.

Анализ судебных актов позволяет сделать вывод о том, что столь жесткий подход к подтверждению периодов работы в государствах – участниках ЕАЭС судами не разделяется. При наличии в материалах дела иных документов, подтверждающих спорные периоды работы, например трудовой книжки, содержащей надлежащим образом оформленные и не вызывающие сомнений записи о работе, справок, выданных компетентными органами (учреждениями) иностранных государств, непоступление формуляра от компетентного органа государства – члена ЕАЭС не рассматривается в судебной практике в качестве достаточного основания для отказа в признании периодов работы за границей для целей назначения страховой пенсии³². Более того, в мотивировочной части судебных актов можно встретить суждение о том, что подтверждение стажа посредством запроса формуляра должно применяться в отношении периодов работы, имевших место после вступления Соглашения ЕАЭС в силу, то есть после 1 января 2021 года³³. Приведенный тезис не вполне согласуется с пунктом 10 Порядка, предусматривающим направление формуляра «Запрос» в отношении стажа работы и/или заработной платы за период с 13 марта 1992 года. Вместе с тем придание формуляру, исходящему от компетентного органа иностранного государства, значения исключительного источника сведений о стаже и заработке за периоды после 13 марта 1992 года в условиях, когда информационное взаимодействие между компетентными органами нельзя назвать безупречным, становится препятствием в реализации пенсионных прав граждан, переезжающих на постоянное жительство

³¹ Примечательно, что в первое время после вступления Соглашения ЕАЭС в силу территориальным органам Пенсионного фонда РФ предлагался более гибкий подход: использование документов о стаже и заработке, выданных компетентными органами государств – членов ЕАЭС и представленных гражданином при обращении за назначением пенсии, считалось допустимым и без направления формуляра «Запрос». См.: Пенсия. 2022. № 1. С. 19.

³² См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 дек. 2024 г. № 88-27116/2024; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 нояб. 2024 г. № 88-20005/2024.

³³ См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 нояб. 2025 г. № 88-17776/2025; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 сент. 2024 г. № 88-22134/2024; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 дек. 2024 г. № 88-21956/2024.

в Россию. Сотрудничество компетентных органов государств – членов ЕАЭС при осуществлении пенсионного обеспечения должно быть направлено в первую очередь на упрощение для граждан процедуры реализации права на пенсию, а дефекты информационного обмена не должны служить источником дополнительных трудностей и судебных споров.

Предпринятый в настоящей статье анализ правоприменительной практики территориальных органов СФР и судебной практики по вопросам назначения страховых пенсий гражданам, прибывшим на постоянное жительство в Российскую Федерацию из государств – членов ЕАЭС, дает основание для следующих общих выводов:

1. Сочетание в Соглашении ЕАЭС территориального и пропорционального принципов сохранения пенсионных прав вкупе с особенностями российского законодательства о страховых пенсиях, предусматривающего использование индивидуального пенсионного коэффициента и в качестве одного из условий для возникновения права на страховую пенсию по старости, и как параметра, определяющего размер страховой пенсии, не во всех случаях позволяют в полной мере обеспечить сохранение гражданам пенсионных прав, приобретенных в государствах – участниках ЕАЭС, при назначении страховой пенсии в Российской Федерации. Указанная цель видится достижимой прежде всего в отношении периодов стажа, приобретенного гражданами после вступления Соглашения ЕАЭС в силу (в рамках пропорциональной модели). В отношении же периодов стажа, которые имели место в государствах – участниках ЕАЭС до 1 января 2021 года и которые еще долго будут составлять существенную часть стажа граждан, прибывающих на постоянное жительство в Российскую Федерацию, сохранение пенсионных прав нередко сопряжено со значительными сложностями.

2. На эффективность реализации Соглашения ЕАЭС заметное влияние оказывают различия в понимании его положений компетентными органами отдельных государств – членов ЕАЭС. К этому нередко добавляется несовпадение подходов к толкованию норм Соглашения ЕАЭС территориальными органами СФР и российскими судами общей юрисдикции. Формированию единообразной практики применения норм Соглашения ЕАЭС может способствовать более активное использование института консультативных заключений Суда ЕАЭС³⁴, а в рамках российской правовой системы – подготовка Верховным Судом РФ обзора практики применения судами международных договоров в области пенсионного обеспечения.

3. Важную роль в реализации Соглашения ЕАЭС играет обмен информацией между компетентными органами государств – членов ЕАЭС в целях подтверждения периодов работы и заработной платы трудящихся для определения их права на пенсию и исчисления ее размера. Такое взаимодействие в идеале должно, с одной стороны, обеспечивать компетентные органы государств – участников ЕАЭС достоверной информацией, необходимой для назначения пенсий, с другой – служить основой и гарантией беспрепятственной реализации гражданами пенсионных прав.

³⁴ См. об этом, например: *Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г.* Указ. соч. С. 142–143.

Библиографический список

Бекашев Д. К., Умрихина Е. Г. Современное правовое регулирование пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9 (178). С. 134–145. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.134-145.

Васильева Ю. В. Проблемы интеграции правовой политики стран Европейско-Азиатского региона в области социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1 (21). С. 115–120.

Колотова Н. В. Правовые механизмы сохранения пенсионных прав при переезде за рубеж // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 5. С. 98–120. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-5-kolotova.

Левина М. М. Международно-правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20, № 1 (70). С. 159–170. DOI: 10.24833/2073-8420-2024-1-70-159-170.

Маматказин И. Р. Проблемы назначения страховых пенсий трудящимся-мигрантам в государствах – членах ЕАЭС // Законодательство. 2023. № 8. С. 34–39. DOI: 10.58741/16818695_2023_8_34.

Пархоменко С. В. Новое правовое регулирование в вопросах пенсионного обеспечения трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // Пенсия. 2021. № 3. С. 36–58.

Полохов О. М. О последствиях денонсации Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года // Пенсия. 2022. № 7. С. 62–65.

Чирков С. А. О подписании Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза // Пенсия. 2020. № 1. С. 46–57.

Anbrekht T. A. Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union // European and Asian Law Review. 2022. № 5 (2). Pp. 5–13. DOI: 10.34076/27821668_2022_5_2_5.

Информация для цитирования

Ex jure

Курченко О. С. Актуальные вопросы пенсионного обеспечения граждан, прибывших на постоянное жительство в Российскую Федерацию из государств – участников Евразийского экономического союза // Ex jure. 2026. № 3. С. 53–65. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-53-65. EDN BHUL0Z

Kurchenko O. S. Current Issues of Pension Provision for Citizens Who Have Arrived for Permanent Residence in the Russian Federation From the Eurasian Economic Union Member States. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 53–65. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-53-65. EDN BHUL0Z

Денатурализация в российском праве: теоретико-правовые основания и имплементация в контексте защиты конституционного строя

Ю. Ю. Гарцева

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры конституционного и международного права

Нижегородская академия МВД России,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: yulya.gartseva@bk.ru

В. Б. Николаев

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и международного права

Нижегородская академия МВД России
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

Доцент кафедры публичного и частного права

Институт экономики, управления и права
Волжского государственного университета водного транспорта
603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5

E-mail: nikolaev52@yandex.ru

© Гарцева Ю. Ю., Николаев В. Б., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: в настоящей статье проводится комплексный анализ института денатурализации в российском законодательстве. Авторы исследуют эволюцию оснований для прекращения гражданства Российской Федерации по инициативе государства, уделяя особое внимание новейшим изменениям в законе «О гражданстве Российской Федерации». В контексте защиты основ конституционного строя рассматривается взаимосвязь административно-правовых и уголовно-правовых мер, направленных против лиц, совершающих преступления экстремистской и террористической направленности, а также деяния, посягающие на государственную безопасность. В статье утверждается, что современная правовая конструкция денатурализации в России являет собой синтез мер конституционно-правовой и публично-правовой ответственности, выполняющей превентивную и защитную функции. На основе системного толкования норм делается вывод о наличии правовых коллизий и дискреционных полномочий, которые требуют дальнейшей доктринальной разработки и судебного разъяснения.

Ключевые слова: гражданство, денатурализация, прекращение гражданства, конституционный строй, государственная безопасность, экстремизм, терроризм, Федеральный закон о гражданстве, Уголовный кодекс РФ

Denationalization in Russian Law: Theoretical and Legal Foundations and Implementation in the Context of Protecting the Constitutional System

Yu. Yu. Gartseva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3, Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

E-mail: yulya.gartseva@bk.ru

V. B. Nikolaev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3, Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

Institute of Economics, Management and Law
of the Volga State University of Water Transport
5, Nesterova st., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: nikolaev52@yandex.ru

Abstract: *this article provides a comprehensive analysis of the institution of denaturalization in Russian legislation. The authors explore the evolution of the grounds for termination of Russian citizenship at the initiative of the state, focusing on the latest amendments to the Federal Law on Citizenship of the Russian Federation. In the context of protecting the foundations of the constitutional order, the article examines the interrelation between administrative and criminal measures aimed at individuals who commit extremist and terrorist crimes, as well as acts that pose a threat to national security. The article argues that the current legal framework for denaturalization in Russia is a synthesis of constitutional and public law measures that serve both preventive and protective functions. Based on the systemic interpretation of the norms, it is concluded that there are legal conflicts and discretionary powers that require further doctrinal development and judicial clarification.*

Keywords: *citizenship, denaturalization, termination of citizenship, constitutional order, state security, extremism, terrorism, Federal Law on Citizenship, Criminal Code of the Russian Federation*

Институт гражданства, будучи фундаментальной правовой категорией, определяющей устойчивую политико-правовую связь лица и государства, имплицитно содержит в себе не только права и обязанности индивида, но и меру ответственности перед государством как суверенным политическим образованием. Одной из наиболее дискуссионных и суровых мер такой ответственности выступает денатурализация – принудительное прекращение гражданства по инициативе государства. В российской правовой доктрине и законодательстве данная мера длительное время рассматривалась как исключительная и противоречащая основным принципам, закрепленным в статье 6 Конституции Российской Федерации¹, гарантирующей гражданину невозможность лишения своего гражданства или права изменить его. Однако динамика современных вызовов и угроз национальной безопасности, в особенности связанных с международным терроризмом и экстремизмом, обусловила детальную проработку международных стандартов и трансформацию данного подхода².

Современное российское законодательство, сохраняя конституционные гарантии для граждан страны, сформировало комплексный правовой механизм денатурализации в отношении лиц, чьи действия рассматриваются как грубейшее нарушение обязанностей, вытекающих из гражданской принадлежности³. Этот механизм интегрирует нормы конституционного, административного, уголовного и международного права, создавая уникальный правовой феномен, требующий скрупулезного научного

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

² Николаева Т. Б. Особенности документирования нарушений режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 109.

³ Авакьян С. А. Гражданство Российской Федерации: учеб. пособие. М.: РГ-Пресс, 2023. С. 80.

осмысления. Реализация механизма не носит дискриминационный характер по признакам расы, религии, политических взглядов и т.д., а является обоснованной реакцией на возникающий дисбаланс прав и обязанностей⁴.

Актуальность исследования обусловлена не только новизной соответствующих положений закона, но и необходимостью выработки доктринальных критериев их применения, исключающих произвол и обеспечивающих баланс между интересами государственной безопасности и неотчуждаемыми правами лиц, получивших статус гражданина в порядке натурализации.

Эволюция института денатурализации в российском законодательстве

Историко-правовой анализ показывает, что институт лишения гражданства (подданства) был неотъемлемым атрибутом советской государственности, выступая инструментом политической борьбы и репрессий. Основание для этого содержалось уже в Законе СССР от 19 августа 1938 г. «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик», а последующее законодательство лишь расширяло дискреционные полномочия государственных органов. Принципиальный разрыв с этой традицией был ознаменован принятием Закона РФ от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации», который в статье 1 провозгласил, что гражданин России не может быть лишен гражданства. Данная норма стала прямым воплощением конституционного принципа, закрепленного позднее в части 3 статьи 6 Конституции Российской Федерации 1993 года, и означала полный отказ от денатурализации как меры ответственности⁵.

Поворотным моментом стало принятие Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Несмотря на сохранение конституционного запрета, в статье 16 был введен ряд оснований для отмены решения по вопросам гражданства. Это касалось случаев, когда гражданство было приобретено на основании заведомо ложных сведений и фальшивых документов, что, по сути, означало эксклюацию – признание его недействительным с момента приобретения. Данная мера, хотя и носила принудительный характер, формально являлась не лишением гражданства, а лишь констатацией его изначального отсутствия вследствие обмана государства. В итоге в правовой сфере на основе международного опыта закрепляется отказ в постоянном гражданстве для натурализованных иностранцев, получивших гражданство в обход закона или совершающих действия, создающие угрозу конституционному строю⁶.

⁴ *Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А.* Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: обоснование актуальности, содержательные и технико-юридические свойства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1. С. 69.

⁵ *Синцов В. А.* Реформирование института прекращения российского гражданства против воли гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 9. С. 26–30.

⁶ *Трусов Н. А.* Отказ от равного гражданства как правовое последствие конституционного реформирования и отечественного конституционного опыта // Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 8 декабря 2022 г.). М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 193.

Кардинальное изменение парадигмы произошло в 2017 году с внесением в Закон о гражданстве масштабных изменений Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ⁷. Законодатель, сохранив общий запрет на лишение гражданства для его законных обладателей, ввел в статью 22 специальное основание для прекращения гражданства в принудительном порядке. Это нововведение было напрямую увязано с борьбой с терроризмом и экстремизмом и создало принципиально новый правовой институт – денатурализацию в отношении лиц, совершивших преступления определенных категорий. Таким образом, современное российское право оперирует двумя принципиально разными моделями принудительного прекращения гражданства: эксклюзией (отмена решения вследствие фальсификации) и собственно денатурализацией (прекращение статуса, приобретенного на законных основаниях, как мера ответственности).

Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ-138) ознаменовал собой новый, экспансионистский этап в развитии института денатурализации. Он не только дополнил существующий перечень преступлений, но и принципиально расширил саму логику применения этой меры, распространив ее на деяния, связанные с участием в вооруженных формированиях на территории иностранных государств и с деятельностью, противоречащей интересам Российской Федерации в сфере международной безопасности. Это свидетельствует о том, что денатурализация превращается в правовой инструмент реагирования государства на широкий спектр вызовов, выходящих далеко за рамки классических представлений о терроризме и экстремизме.

Юридическая природа современной российской денатурализации является предметом оживленной научной дискуссии. Одни исследователи квалифицируют ее как форму конституционно-правовой ответственности, ибо она наступает за нарушение фундаментальных обязанностей, вытекающих из статуса гражданина, и направлена на защиту основ конституционного строя. Другие рассматривают ее как меру публично-правовой безопасности (меру *sui generis*⁸), не носящую карательного характера, а нацеленную на предупреждение новых угроз со стороны лица, продемонстрировавшего свою враждебность по отношению к государству. Третья позиция заключается в том, что денатурализация де-факто является дополнительным наказанием, назначаемым в административном порядке, что вызывает серьезные вопросы о ее соответствии принципам уголовного права, в частности принципу *nullum crimen, nulla poena sine lege*⁹.

Системный анализ статьи 22 ФЗ-138 в новой редакции позволяет выделить четыре блока материальных оснований для прекращения гражданства. Первый блок традиционно связан с совершением лицом преступлений экстремистской и террористической направленности (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 Уголовного кодекса

⁷ О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2017 г.: одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 г.

⁸ Своеобразный, единственный в своем роде (*лат.*).

⁹ Нет преступления и наказания без закона (*лат.*).

Российской Федерации¹⁰ (УК РФ)), а также преступлений экстремистской направленности из перечня в примечании 2 к статье 282.1 УК РФ¹¹.

Второй блок оснований, введенный ранее, распространяется на лиц, совершивших преступления против основ конституционного строя и государственной безопасности: государственную измену (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ) и диверсию (ст. 281 УК РФ).

Третий блок, введенный ФЗ-138, является наиболее масштабным и включает целый ряд преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных главой 34 УК РФ. К ним относятся: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355); применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356); геноцид (ст. 357); наемничество (ст. 359); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Четвертый блок оснований, также введенный ФЗ-138, имеет более широкий и несколько размытый характер. Он предусматривает возможность денатурализации в отношении лица, совершившего вне пределов Российской Федерации деяние, которое признано преступлением в соответствии с УК РФ (то есть обладает свойством экстратерриториальности) и направлено против интересов Российской Федерации, связанных с обеспечением ее безопасности, целостности, суверенитета, укреплении международного мира и поддержанием мирного сосуществования государств и народов, а также с противодействием экстремистской деятельности.

Ключевым процессуальным условием для всех блоков оснований остается вступление в законную силу обвинительного приговора суда по указанным составам преступлений. Таким образом, денатурализация не может быть применена на стадии предварительного расследования или в отношении подозреваемых и обвиняемых – она требует установления вины в окончательном судебном акте. Важным ограничением, введенным в качестве гарантии, является невозможность прекращения гражданства, если в результате этого лицо станет апатридом (лицом без гражданства). Данная норма согласуется с международными обязательствами России, в частности с Конвенцией о сокращении безгражданства, принятой 30 августа 1961 года.

Уголовный кодекс Российской Федерации выполняет в механизме денатурализации роль нормативной базы, формирующей фактическое основание для ее применения. Составы преступлений, перечисленные в статье 22 ФЗ-138, образуют ядро уголовно-правовых запретов, охраняющих наиболее значимые объекты – основы конституционного строя, государственную безопасность, мир и безопасность человечества. Совершение любого из обозначенных деяний свидетельствует о крайней степени публичной опасности деяния и самого субъекта, который своими действиями

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 09.04.2026).

¹¹ Кочои С. М. Ответственность за терроризм и преступления экстремистской направленности: комментарий и судебная практика. М.: Проспект, 2023. С. 250.

разрывает правовую связь с государством, выступая против его суверенитета, территориальной целостности и фундаментальных принципов международного права.

Включение в перечень главы 34 УК РФ («Преступления против мира и безопасности человечества») является логическим развитием концепции денатурализации. Лицо, совершающее геноцид, планирующее агрессивную войну или выступающее в качестве наемника, действует, по сути, как враг не только конкретного государства, но и всего человечества. Сохранение гражданской связи с таким лицом наносит ущерб международному престижу государства и его репутации как субъекта, соблюдающего основные принципы международного права. Денатурализация в этом случае становится актом дистанцирования государства от действий такого индивида, формой очищения гражданского коллектива от элементов, представляющих абсолютное зло. Денатурализация такого лица позволяет экстрадировать его по запросу международного трибунала.

Особого внимания заслуживает новое, четвертое основание, связанное с совершением деяний вне пределов России против ее интересов. Данная норма имеет явно выраженный экстратерриториальный характер и направлена на противодействие деятельности граждан России, участвующих в вооруженных конфликтах на стороне противника, занимающихся подрывной пропагандой за рубежом или иными действиями, которые государство квалифицирует как враждебные¹². Однако понятие «интересы Российской Федерации» является оценочной категорией, что создает значительные риски произвольного и расширительного толкования. Фактически эта норма позволяет применить денатурализацию к любому лицу, чья деятельность за границей, формально подпадающая под экстратерриториальную юрисдикцию УК РФ, будет расценена компетентными органами как противоречащая широко понимаемым государственным интересам. Это придает институту денатурализации черты инструмента политической борьбы.

Процедура прекращения гражданства по основаниям статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» является исключительной прерогативой государства в лице уполномоченных органов. Инициатором выступает федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел (МВД России) или в сфере безопасности (ФСБ России – по составам о государственной измене, шпионаже, диверсии и, предположительно, по новым основаниям). Данные органы, при наличии вступившего в законную силу приговора суда, направляют в Комиссию по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации мотивированное представление о целесообразности прекращения гражданства. Комиссия проводит оценку представленных материалов, уделяя особое внимание вопросу о возможном безгражданстве лица. В случае положительного заключения Комиссии издается указ Президента Российской Федерации о прекращении гражданства. Данный акт является окончательным и обжалованию в административном порядке не подлежит. Однако он может быть оспорен в судебном порядке в соответствии с нормами главы 22

¹² *Хлебунова С. А.* Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 29.

Кодекса административного судопроизводства РФ¹³, регулирующей порядок оспаривания решений, действий (бездействия) органов государственной власти.

Правовые последствия денатурализации носят радикальный и необратимый характер. С момента издания указа Президента РФ прекращается устойчивая правовая связь лица с государством. Это влечет за собой утрату всего комплекса прав, свобод и обязанностей, связанных с гражданством: избирательных прав, права на занятие государственных должностей, права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию, воинской обязанности и т.д. Лицо, в отношении которого применена данная мера, подлежит депортации с территории Российской Федерации с пожизненным запретом на въезд, если иное не предусмотрено международными договорами. В условиях расширения оснований, в особенности связанных с деятельностью за рубежом, возникает сложный вопрос о практической реализации депортации, если лицо уже находится вне пределов России и не намерено возвращаться. В этом случае денатурализация приобретает в большей степени символический характер акта исключения лица из гражданского сообщества.

Принятие Федерального закона № 138 «О гражданстве Российской Федерации» обострило ряд доктринальных и практических проблем, связанных с применением института денатурализации. Первый блок проблем по-прежнему связан с риском безгражданства. Хотя законодатель прямо запрещает прекращение гражданства, если это сделает лицо апатридом, практическая реализация этой гарантии в условиях расширения экстратерриториального применения крайне затруднена. Установление наличия у лица, проживающего за рубежом и участвующего в деятельности, враждебной России, иного гражданства может быть практически невозможным, особенно если такое лицо умышленно скрывает свой статус или если иностранное государство отказывается предоставлять подобную информацию.

Второй вопрос, который приобретает новое звучание, – это вопрос о соразмерности и индивидуализации данной меры. Автоматическое применение денатурализации по формальным основаниям, без учета конкретных обстоятельств дела, степени общественной опасности деяния и личности виновного, особенно в отношении преступлений против мира и безопасности человечества, которые могут быть весьма разнородными, ставит под сомнение справедливость и целесообразность такого подхода. Фактически денатурализация носит характер дополнительного наказания, не предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК РФ, что продолжает противоречить принципу *nulla poena sine lege*¹⁴.

Третий, и наиболее серьезный, проблемный аспект – потенциальное нарушение прав человека и международно-правовых обязательств. Введение расплывчатых формулировок, таких как «деятельность, направленная против интересов Российской Федерации», создает опасность произвольного применения меры. Это напрямую затрагивает статью 15 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающую право

¹³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 09.04.2026).

¹⁴ Нет наказания без закона (*лат.*).

не быть лишенным гражданства произвольно¹⁵. Расширение оснований на преступления, совершенные за рубежом, также поднимает сложные вопросы о юрисдикции, экстрадиции и конфликте законов.

Четвертая проблема – углубляющаяся коллизия с конституционным принципом, закрепленным в части 3 статьи 6 Конституции РФ. Семантическое разграничение между «лишением» (запрещенным) и «прекращением» (разрешенным) становится все более призрачным по мере расширения перечня действий, влекущих «прекращение». Расширительное толкование государственных интересов де-факто превращает денатурализацию в инструмент, который можно использовать для воздействия на политических оппонентов, находящихся за рубежом, что возвращает нас к советской практике использования лишения гражданства в качестве средства политической борьбы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт денатурализации прочно вошел в правовую систему Российской Федерации как ключевой инструмент реагирования на вызовы гибридных войн и транснациональных угроз. Принятие Федерального закона № 138-ФЗ ознаменовало собой новый этап в его развитии, характеризующийся значительной экспансией оснований для применения данной меры и выходом за рамки традиционных представлений о преступлениях против государства. Современная конструкция денатурализации представляет собой сложный межотраслевой институт, интегрирующий нормы конституционного, административного, уголовного и международного права, и эволюционирует в сторону меры публично-правовой безопасности с выраженным символическим и превентивным компонентом. Расширение оснований за счет включения преступлений против мира и безопасности человечества логично с точки зрения защиты международного престижа государства. Однако введение расплывчатой формулировки о деятельности против «интересов Российской Федерации» создает серьезные риски произвола, политической ангажированности и нарушения международно-правовых стандартов в области прав человека. Это превращает денатурализацию из исключительной меры, применяемой к террористам и шпионам, в потенциальный инструмент для борьбы с инакомыслием за рубежом.

Последующее развитие законодательства и правоприменительной практики в данной сфере должно быть направлено на выработку дополнительных процессуальных и материальных гарантий, обеспечивающих всестороннюю оценку обстоятельств каждого конкретного дела, включая установление наличия у лица иного гражданства и оценку степени его личной вины и опасности для общества. Крайне важно разработать четкие, недвусмысленные критерии толкования понятия «интересы Российской Федерации», чтобы исключить его произвольное применение. Целесообразным видится также более активное вовлечение судебной власти не только в установление факта совершения преступления (в рамках уголовного процесса), но и в процесс принятия окончательного решения о прекращении гражданства, что повысило бы его легитимность и соответствовало бы общим принципам правового государства. Несмотря на свою суровость, институт денатурализации должен применяться в строгих рамках права, гарантируя как защиту интересов государства, так и недопущение произвола в отношении прав личности.

¹⁵ Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. М.: Проспект, 2023. С. 238.

Библиографический список

Авакьян С. А. Гражданство Российской Федерации: учеб. пособие. М.: РГ-Пресс, 2023.

Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. М.: Проспект, 2023.

Елисеева В. С., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: обоснование актуальности, содержательные и технико-юридические свойства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 66–73. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-1-66-73.

Кочои С. М. Ответственность за терроризм и преступления экстремистской направленности: комментарий и судебная практика. М.: Проспект, 2023.

Николаева Т. Б. Особенности документирования нарушений режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 108–113.

Трусов Н. А. Отказ от равного гражданства как правовое последствие конституционного реформирования и отечественного конституционного опыта // Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 8 декабря 2022 г.). М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 191–197.

Синцов В. А. Реформирование института прекращения российского гражданства против воли гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 9. С. 26–30. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-9-26-30.

Хлебунова С. А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 28–33. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-28-33.

Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Проспект, 2022.

Информация для цитирования

Ex jure

Гарцева Ю. Ю., Николаев В. Б. Денатурализация в российском праве: теоретико-правовые основания и имплементация в контексте защиты конституционного строя // Ex jure. 2026. № 3. С. 66–75. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-66-75. EDN HNBXVR

Gartseva Yu. Yu., Nikolaev V. B. Denationalization in Russian Law: Theoretical and Legal Foundations and Implementation in the Context of Protecting the Constitutional System. Ex jure. 2026. № 3. Pp. 66–75. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-66-75. EDN HNBXVR

Использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд правообладателями земельных участков¹

Г. Н. Эйриян

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Аннотация: в статье анализируются теоретические и практические аспекты применения статьи 19 Закона Российской Федерации «О недрах», предоставляющей правообладателям земельных участков возможность безлицензионного использования общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд. Исследуется эволюция правового регулирования от советских актов до действующей редакции указанной статьи. На всем протяжении советского и постсоветского периодов общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды рассматривались отечественным законодателем как самостоятельные природные ресурсы по отношению к земельному участку; их использование квалифицировалось как отношения недропользования и регламентировалось в рамках горного законодательства (законодательства о недрах). В современном законодательстве в целом сохраняются советские подходы и к разграни-

© Эйриян Г. Н., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

чению земельного участка и недр, и к правовому регулированию использования анализируемых ресурсов. Однако переход к рыночной экономике обусловил изменение толкования понятия «собственные нужды», которые в настоящее время не могут включать использование, связанное с предпринимательской деятельностью. Наиболее остро проблема определения «собственных нужд» стоит для юридических лиц: решающим критерием для них является отсутствие связи использования ресурсов с производственным (технологическим) процессом.

Ключевые слова: статья 19 Закона РФ «О недрах», общераспространенные полезные ископаемые, подземные воды, собственные нужды, безлицензионное пользование недрами

Use of Common Minerals and Groundwater for Own Needs by Land Plot Rightholders²

G. N. Eryan

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Abstract: *the article analyzes the theoretical and practical aspects of applying Article 19 of the Law of the Russian Federation "On Subsoil", which grants land plot rightholders the right to unlicensed use of common minerals and groundwater for their own needs. The study examines the evolution of legal regulation from Soviet acts to the current version of the said Article. Throughout the Soviet and post-Soviet periods, common minerals and groundwater have been regarded by the national legislator as independent natural resources in relation to the land plot. Their use was qualified as subsoil management relations and regulated within the framework of mining legislation (subsoil legislation). Current legislation generally preserves Soviet approaches both to the delimitation of land plots and subsoil and to the legal regulation of the use of the resources in question. However, the transition to a market economy has led to a change in the interpretation of "own needs", which today cannot include use related to entrepreneurial activity. The problem of defining "own needs" is most acute for legal entities: the decisive criterion for them is the absence of a connection between the use of resources and the production (technological) process.*

Keywords: Article 19 of the Law of the Russian Federation "On Subsoil", common minerals, groundwater, own needs, unlicensed subsoil use

² This article was prepared with the informational support of the ConsultantPlus legal reference system.

Согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 40 Земельного кодекса Российской Федерации³ (далее – ЗК РФ), «собственник земельного участка имеет право использовать в установленном порядке для собственных нужд имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, пресные подземные воды». Аналогичное право принадлежит иным правообладателям земельных участков, за исключением обладателей сервитутов и публичных сервитутов (п. 1 ст. 41 ЗК РФ). При этом ЗК РФ не устанавливает порядка использования указанных природных ресурсов, а отсылает к российскому законодательству. Соответствующий порядок регламентирован статьей 19 Закона РФ «О недрах»⁴.

Однако в юридической литературе нет ясного ответа на вопрос о природе права на общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды в контексте статьи 19 Закона РФ «О недрах». Универсальность указанного законоположения – его применимость практически к любым правообладателям земельных участков (исключая обладателей сервитутов и публичных сервитутов), и притом независимо от целевого назначения земельного участка, – приводит, на наш взгляд, к необоснованной квалификации самих ресурсов в качестве принадлежности земельного участка. К примеру, С. А. Чаркин пишет: «Все собственники земельных участков обладают одним набором субъективных прав по использованию общераспространенных полезных ископаемых. Поэтому более обоснованным будет считать их принадлежностью земельного участка как объекта гражданских правоотношений»⁵. Аналогичную позицию занимает А. Я. Рыженков, который относит к принадлежностям земельного участка водные объекты, почвы и общераспространенные полезные ископаемые, рассматривая их в одном ряду⁶.

Нам представляется неверным квалифицировать общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды в качестве принадлежностей земельного участка по следующим причинам. Во-первых, такой подход прямо противоречит нормам Закона РФ «О недрах», в соответствии со статьей 1.2 которого «недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью». Как следует из определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1314-О, «недра как часть земной коры не являются частью земельного участка (земной поверхности), находятся в государственной собственности и выступают в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Следовательно, собственник земельного участка не имеет каких-либо прав

³ Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой 28 сент. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 10 окт. 2001 г. (ред. от 02.05.2026).

⁴ О недрах: Закон Рос. Федерации от 21 февр. 1992 г. № 2395-1 (ред. от 08.03.2026).

⁵ Чаркин С. А. Права и обязанности собственников земельной недвижимости: вопросы теории // Цивилист. 2023. № 5. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJ&n=152427>.

⁶ Рыженков А. Я. Правовой режим природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJ&n=137708>.

в отношении недр, находящихся под данным участком»⁷. Важно учесть и то, что в соответствии со статьей 6 Закона РФ «О недрах» добыча полезных ископаемых – это недропользование.

Вопрос о соотношении понятий «земельный участок» и «недра» уже был проанализирован нами ранее⁸, поэтому здесь не будем останавливаться на нем подробно. Отметим лишь, что такое разграничение основано не столько на пространственном, сколько на функциональном критерии: недра, как весьма справедливо отмечал Г. С. Башмаков, «имеют свою хозяйственную ценность, отличную от поверхности земли»⁹. С учетом этого нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что «по общему правилу, граница между землей и недрами составляет пять метров»¹⁰, а также с тем, что «граница между землей и недрами как различными объектами правоотношений показана в статье 19 Закона РФ “О недрах”»¹¹. Данная статья не устанавливает границу между земельным участком и недрами, а лишь разрешает названным в ней субъектам при соблюдении определенных требований использовать без лицензии полезные ископаемые, находящиеся в государственной собственности. Из ее буквального содержания следует, что ограничение глубины в пять метров относится исключительно к строительству подземных сооружений и не касается использования общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, для которых закон предусматривает иные критерии.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 июня 2024 г. № 29-П указал, что земельный участок как часть земной поверхности характеризуется лишь своими границами, местоположением, площадью, целевым назначением и разрешенным использованием; глубина, высота и объем в число его характеристик не включаются¹². Это подтверждает, что любые пространственные параметры, в том числе глубина, не являются юридически значимыми свойствами земельного участка, а следовательно, не могут определять «границу» между землей и недрами.

Существующий в настоящее время подход к соотношению недр и земельного участка, а также к порядку использования общераспространенных полезных ископаемых сформировался еще в советский период. К примеру, Н. А. Сыродоев писал, что «землепользователю предоставляется право разрабатывать для собственных нужд

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Кирпичный» и гражданина Халенкова Артура Васильевича на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О недрах»: определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 г. № 1314-О.

⁸ Эйриян Г. Н. Права пользователя земельного участка на подземное пространство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 4. С. 537–539.

⁹ Башмаков Г. С. Право пользования недрами в СССР. М.: Наука, 1974. С. 11.

¹⁰ Анисимов А. П., Чаркин С. А. Объекты земельных правоотношений // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 6.

¹¹ Актуальные проблемы теории земельного права России: моногр. / под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18940/>. (Авторы § 1 гл. 3 – А. П. Анисимов, А. И. Мелихов.)

¹² По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Ермака: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2024 г. № 29-П.

только месторождения общераспространенных полезных ископаемых, перечень которых установлен законодательством. <...> Являясь собственником всех без исключения полезных ископаемых, государство может предоставлять некоторые из них в пользование отдельным гражданам, не разрешая им использовать другие составные части недр»¹³.

Во-вторых, отнесение общераспространенных полезных ископаемых и пресных подземных вод к принадлежностям земельного участка неизбежно приведет к тому, что в каждом субъекте РФ будет формироваться свой подход к определению земельного участка как объекта права собственности и иных прав. Это обусловлено тем, что в Российской Федерации отсутствует единый перечень общераспространенных полезных ископаемых. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2 ноября 2021 г. № 1905¹⁴ существуют лишь единые критерии, на основании которых полезные ископаемые могут быть отнесены к общераспространенным в конкретном субъекте РФ. Следовательно, один и тот же вид полезного ископаемого в одном регионе может квалифицироваться как общераспространенный, в другом – нет. Если же признавать такие ископаемые принадлежностью земельного участка, то объем правомочий собственника земельного участка в разных субъектах федерации будет различаться, что противоречит единству правового режима земельного участка как недвижимой вещи.

Иначе обстоит дело при квалификации использования общераспространенных полезных ископаемых в качестве отношений недропользования. В этом случае единый подход к правовому режиму земельного участка сохраняется, поскольку полезные ископаемые не рассматриваются как принадлежность земельного участка. Региональная дифференциация их перечней не только допустима, но и прямо предусмотрена законодательством: Закон РФ «О недрах» относит к полномочиям субъектов федерации подготовку и утверждение совместно с федеральным органом управления государственным фондом недр региональных перечней полезных ископаемых, относимых к общераспространенным (п. 7.2 ст. 4). То, что является недостатком при квалификации общераспространенных полезных ископаемых как принадлежности земельного участка, становится спецификой правового режима недропользования, который учитывает геологические и экономические условия региона. При этом правовой режим самого земельного участка остается неизменным, поскольку полезные ископаемые – это «естественная составная часть недр»¹⁵. Недра, в свою очередь, являются самостоятельным объектом права государственной собственности и не входят в состав земельного участка.

В-третьих, квалификация общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод в качестве принадлежностей земельного участка не соответствует

¹³ Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М.: Юрид. лит., 1969. С. 17.

¹⁴ Об утверждении Правил подготовки и утверждения региональных перечней полезных ископаемых, относимых к общераспространенным полезным ископаемым: постановление Правительства РФ от 2 нояб. 2021 г. № 1905.

¹⁵ Башмаков Г. С. Правовое регулирование разведки и разработки общераспространенных полезных ископаемых. М.: Наука, 1978. С. 8.

статье 135 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹⁶. Указанная норма определяет принадлежность как вещь, предназначенную для обслуживания другой, главной, вещи и связанную с ней общим назначением. Однако в рассматриваемом случае необходимое общее назначение отсутствует. Целевое назначение и вид разрешенного использования земельного участка могут быть любыми, тогда как общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды в рамках статьи 19 Закона «О недрах» используются, как правило, для одних и тех же целей – для личных, бытовых и прочих не связанных с предпринимательской деятельностью нужд. Иными словами, эти цели необязательно связаны с конкретным назначением или разрешенным использованием земельного участка и не предопределены ими. Общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды могут в определенной мере «обслуживать» земельный участок (например, добытая вода использоваться для бытовых нужд на участке, а песок – для его обустройства). Однако использование земельного участка по целевому назначению далеко не всегда предполагает использование общераспространенных полезных ископаемых или подземных вод и необходимость в реализации статьи 19 Закона «О недрах» возникает не во всех случаях. Таким образом, между земельным участком и указанными природными ресурсами отсутствует необходимая правовая связь, характерная для конструкции «главная вещь – принадлежность» (ст. 135 ГК РФ), поскольку по общему правилу принадлежность следует судьбе главной вещи и предназначена именно для ее обслуживания, тогда как в данном случае использование указанных ресурсов является факультативным. В этой связи обращает на себя внимание характеристика непромышленной добычи общераспространенных полезных ископаемых, которую в своей работе дал Г. С. Башмаков. Он отмечал, что такая добыча носит не регулярный, а кратковременный, зачастую даже разовый характер¹⁷.

Кроме того, представляется неверным ставить в один ряд такие объекты, как находящиеся в границах земельного участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, растения (п. 2 ст. 261 ГК РФ), с одной стороны, и недра (п. 3 той же статьи) – с другой. Правовой режим этих объектов различен. Если право собственности на земельный участок распространяется на поверхностный слой, водные объекты и растения – что, по-видимому, свидетельствует о признании этих объектов частями участка, – то в отношении недр установлено иное правило¹⁸: в соответствии с пунктом 3 статьи 261 ГК РФ «собственник земельного участка вправе использовать по

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

¹⁷ Башмаков Г. С. Правовое регулирование разведки и разработки общераспространенных полезных ископаемых. С. 11.

¹⁸ В настоящей статье вопрос о том, какие объекты, находящиеся в границах земельного участка, следует признавать его составными частями, детально не исследуется. Отметим лишь, что в литературе он признается сложным и требующим отдельного осмысления. См., например: Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений: моногр. М.: ИНФРА-М, 2024. Как справедливо отмечает автор, «вопрос о том, какие из размещенных на земельном участке вещей могут быть признаны составными частями природного объекта (земельного участка) и тем более его принадлежностями, нуждается в серьезном научном осмыслении».

своему усмотрению всё, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц». В этой связи следует отметить, что статья 19 Закона «О недрах» практически не оставляет места для использования общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод «по своему усмотрению», во всяком случае применительно к целям и условиям их использования. В отличие от прежней редакции данной статьи (действовала до 1 января 2015 года), где правообладателям земельных участков предоставлялось право добывать общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды «по своему усмотрению» для «своих нужд», действующая редакция не только отказалась от этих формулировок, но и ввела легальное определение «собственных нужд», прямо исключающее предпринимательскую деятельность, а также установила ограничения на использование рассматриваемых ресурсов и запрет на их отчуждение. Таким образом, актуальная редакция статьи 19 Закона «О недрах» демонстрирует значительное уменьшение диспозитивности в вопросе безлицензионного недропользования, подчиняя усмотрение правообладателя императивным требованиям закона.

Спорным в доктрине является вопрос не только квалификации общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод (как части недр или принадлежности земельного участка), но и самого права, возникающего на них в рамках статьи 19 Закона «О недрах». Не претендуя на полноту обзора, обратим внимание на некоторые из высказанных позиций. К примеру, О. И. Крассов считал, что «собственник земельного участка обладает естественными правами на природные объекты, находящиеся на земельном участке. В одних случаях речь идет о праве пользования природным объектом, в других – о праве собственности на соответствующие природные объекты. Эти права называются естественными, поскольку они обеспечивают удовлетворение насущных потребностей собственника земельного участка (например, использование подземных вод для питьевых нужд или недр для сооружения погреба)»¹⁹. Однако с таким пониманием «естественных прав» трудно согласиться. Статья 19 Закона «О недрах» не признаёт за собственником земельного участка никаких «естественных» прав на недра. Напротив, она представляет собой легальное исключение из общего разрешительного порядка недропользования. Государство как собственник недр в императивной форме определяет, кому и при каких условиях разрешается использовать недра без лицензии.

В связи с вышеизложенным нельзя согласиться и с теми авторами, которые включают право на использование рассматриваемых природных ресурсов в содержание права собственности на земельный участок. К примеру, В. А. Алексеев обосновывает возможность защиты особых прав собственника земельного участка в области использования недр под ним (ст. 261 ГК РФ, ст. 19 Закона о недрах) с помощью негаторных исков тем, что они включены в содержание права собственности на земельный участок²⁰. С точки зрения Н. Ю. Чаплина, законодатель распространяет на

¹⁹ Крассов О. И. Земельное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2026. С. 123.

²⁰ Алексеев В. А. Участок недр: особая недвижимая вещь или исключенный из оборота объект публичной собственности? // Закон. 2024. № 5. С. 54.

подземное пространство субъективное право собственности, но тем не менее стремится всячески ограничить соответствующие правомочия собственника земельного участка, что обусловлено приоритетом публичного интереса над частным в решении вопроса недропользования²¹.

Наша позиция в части квалификации права на использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод в рамках статьи 19 Закона РФ «О недрах» остается прежней: это право нельзя напрямую отнести к какому-либо известному цивилистике виду права. В то же время ему присущи признаки, сближающие его с правом общего природопользования в экологическом праве: оно возникает непосредственно из закона и предназначено для удовлетворения личных, бытовых и прочих нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности²².

Право на использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, согласно статье 19 Закона РФ «О недрах», не является производным от права на земельный участок, хотя и обусловлено им. В его основе императивное предписание закона в отношении недр как иного (отличного от земельного участка) объекта, находящегося в государственной собственности. Неверно выводить это право из права собственности на земельный участок, так как статья 19 распространяется и на иных лиц, использующих земельный участок: землепользователей, землевладельцев, арендаторов. Данное право связано не столько с земельным участком как объектом права собственности, сколько с земельным участком как объектом использования – с потребностями, возникающими в процессе его хозяйственной эксплуатации.

Это подтверждается и исторически: в советский период, когда частная собственность на земельные участки отсутствовала, подобное право существовало. Важно отметить и то обстоятельство, что «земельное право (если иметь в виду его обычный, нормальный вариант, а не гипотетическое “земельное право в широком смысле слова”) никогда вопросы, относящиеся к недрам, не регулировало»²³. Уже Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О недрах земли» свидетельствует об обособленном регулировании отношений по поводу недр. Он не отсылал к земельному законодательству, а устанавливал самостоятельный порядок пользования недрами, включая специальные правила для общераспространенных полезных ископаемых. В частности, согласно его пункту 4, «добыча песка, глины, известкового и строительного камня и тому подобных ископаемых, необходимых для нужд местного строительства и домашнехозяйственного обихода» разрешалась «хозяйственным органам городских, уездных и сельских Исполнительных Комитетов, сельским коммуна, трудовым артелям и прочим трудовым объединениям, а равным образом всем гражданам в пределах потребности их собственного хозяйства».

Для корректности исторического анализа нужно отметить, что само наименование «общераспространенные ископаемые» в Декрете 1920 года не использовалось.

²¹ Чаплин Н. Ю. Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 104.

²² Эйриян Г. Н. Указ. соч.

²³ Башмаков Г. С. Право пользования недрами в СССР. С. 13.

Оно появилось позднее – в Положении о недрах земли и разработке их 1923 года²⁴. Согласно пункту 19 указанного документа, действовало следующее общее правило: разработка месторождений всякого рода полезных ископаемых, за исключением ряда случаев, могла производиться не иначе как в пределах горных отводов, предоставленных горнопромышленникам органами Главного управления горной промышленности. Подпункт «г» пункта 20 Положения предусматривал, что без разрешения горных органов могут добываться общераспространенные ископаемые пользователями поверхности (в пределах предоставленных им участков) для собственной надобности, а также для нужд сельского хозяйства и кустарной промышленности.

Следующий важный этап – Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах 1975 года²⁵. В статье 11 Основ было установлено, что «предприятия, организации, учреждения и граждане имеют право пользоваться недрами в пределах предоставленных им земельных участков с целью добычи для своих хозяйственных и бытовых нужд общераспространенных полезных ископаемых, торфа и пресных подземных вод без предоставления горного отвода, в порядке, устанавливаемом законодательством союзных республик».

В РСФСР на базе этих Основ действовал Кодекс РСФСР о недрах 1976 года²⁶. В соответствии со статьей 23 этого Кодекса предприятия, организации, учреждения и граждане имели «право пользоваться недрами в пределах предоставленных им земельных участков с целью добычи для своих хозяйственных и бытовых нужд общераспространенных полезных ископаемых, торфа и пресных подземных вод без предоставления горного отвода». Добыча в этих случаях общераспространенных полезных ископаемых разрешалась «открытым способом, без применения взрывных работ, глубину разработки до двух метров, без права продажи добытых полезных ископаемых».

Проведенный исторический анализ позволяет заключить, что рассматриваемое право на безлицензионную добычу общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд сформировалось в рамках советского законодательства именно как институт горного права. С момента создания кодифицированного земельного законодательства, начиная с Земельного кодекса Р.С.Ф.С.Р 1922 года²⁷, просматривается последовательный подход: земельное законодательство либо вовсе не регулировало этот вопрос, либо только констатировало наличие самого права, не устанавливая порядка его реализации. Так, Земельный кодекс РСФСР 1970 года²⁸ в статье 21 закреплял за землепользователями право «использовать для нужд хозяйства имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные

²⁴ Положение о недрах земли и разработке их: постановление II сессии Всерос. Центр. Исп. Комитета X созыва от 7 июля 1923 г.

²⁵ Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах: Закон СССР от 9 июля 1975 г. № 1840-IX.

²⁶ О порядке введения в действие Кодекса РСФСР о недрах: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 сент. 1976 г.

²⁷ О введении в действие Земельного кодекса, принятого на IV сессии IX созыва (вместе с Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление Всерос. Центр. Исп. Комитета от 30 окт. 1922 г.

²⁸ Об утверждении Земельного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 1 июля 1970 г.

ископаемые, торф и водные объекты», но никак не регламентировал условия, ограничения и запреты такого использования. Позднее, уже Земельном кодексе РСФСР 1991 года²⁹, появилась прямая отсылка к «установленному порядку» (ст. 52), что лишь подтверждает: содержание и порядок реализации данного права всегда определялись не земельным, а специальным (горным) законодательством. Аналогичный подход сохраняется и в действующем ЗК РФ. Это подчеркивает, что попытки вывести данное право из содержания права на земельный участок противоречат исторической логике развития отечественного законодательства.

Исследование права на использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд будет неполным без обращения к судебной практике по спорам, связанным с применением статьи 19 Закона РФ «О недрах». Напомним, что, согласно данной статье, собственники, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков (как физические, так и юридические лица) вправе без лицензии, при соблюдении установленных законом требований, использовать для собственных нужд общераспространенные полезные ископаемые, подземные воды (не более 100 кубометров в сутки), а также строить подземные сооружения глубиной до 5 метров. При этом «собственными нуждами» признаются личные, бытовые и иные нужды, не связанные с предпринимательской деятельностью. Ресурсы, имеющиеся в границах земельного участка и используемые указанными субъектами, не подлежат отчуждению.

Нами проанализировано порядка сорока судебных актов за период с 2017 по 2025 год. Чаще всего судам приходится рассматривать споры в связи с толкованием понятия «собственные нужды» (выработка критериев), соблюдением установленных законом условий по объему добычи подземных вод, недопустимостью отчуждения общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, а также наличием у лица надлежащего основания для использования указанных ресурсов. По результатам анализа можно сформулировать следующие основные подходы, выработанные судебной практикой:

1. Для квалификации использования общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод как использования для «собственных нужд» по смыслу статьи 19 Закона «О недрах» решающее значение имеет отсутствие связи такого использования с производственным (технологическим) процессом³⁰.

²⁹ Земельный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 25 апр. 1991 г. № 1103-1.

³⁰ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 301-ЭС23-26288 по делу № А29-12921/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 сент. 2019 г. № Ф09-5603/19 по делу № А76-31674/2018; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2024 г. № 15АП-5690/2024, 15АП-6036/2024 по делу № А53-39308/2023; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 янв. 2023 г. № Ф08-14145/22 по делу № А32-26003/2022; Решение Арбитражного суда Владимирской области от 16 дек. 2020 г. по делу № А11-8659/2020; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июля 2024 г. № 13АП-15351/2024 по делу № А21-2781/2024; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июля 2022 г. № Ф09-3512/22 по делу № А50-17682/2021.

2. Соблюдение ограничения по объему использования подземных вод (100 кубометров в сутки) является необходимым, но не достаточным условием для применения статьи 19 Закона «О недрах»; определяющим фактором выступает цель использования ресурса³¹.

3. Судебная практика последовательно исходит из того, что любая передача используемых ресурсов третьим лицам (и возмездная, и безвозмездная), а также вывоз этих ресурсов за границы земельного участка для использования на других объектах (в том числе на иных объектах того же лица) исключают применение статьи 19 Закона «О недрах», поскольку в последнем случае использование ресурса утрачивает связь с нуждами исходного земельного участка и не может быть признано осуществляемым для собственных нужд³².

4. Обязательным условием применения статьи 19 Закона «О недрах» является наличие у лица, использующего общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды, предусмотренного законом права на земельный участок. Суды не применяют эту норму, если лицо не обладает таким правом (в том числе при использовании ресурсов за границами принадлежащего ему земельного участка)³³.

Наиболее спорный вопрос в практике – толкование понятия «собственные нужды». Особенно остро эта проблема стоит, когда правообладателем земельного участка и, соответственно, пользователем общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод выступает юридическое лицо. В проанализированной выборке дел, связанные с толкованием «собственных нужд», составили порядка 74 %. Остановимся на этой проблеме подробнее.

В советском законодательстве на разных этапах использовались различные формулировки: «нужды местного строительства» (Декрет «О недрах земли» 1920 г.), «собственные надобности», «потребности сельского хозяйства и кустарной промышленности» (Положение о недрах земли и разработке их 1923 г.), «хозяйственные нужды» (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах 1975 г.

³¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 сент. 2019 г. № Ф09-5603/19 по делу № А76-31674/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июля 2022 г. № Ф09-3512/22 по делу № А50-17682/2021; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июля 2024 г. № 13АП-15351/2024 по делу № А21-2781/2024; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2024 г. № 15АП-5690/2024 по делу № А53-39308/2023; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 июля 2023 г. № Ф09-2887/23 по делу № А60-50273/2022.

³² См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2022 г. № Ф07-6240/2022 по делу № А66-11929/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 июня 2021 г. № Ф03-1496/2021 по делу № А73-15052/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 июля 2019 г. № Ф03-2873/2019 по делу № А51-20206/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14 сент. 2018 г. № Ф01-3852/2018 по делу № А17-9835/2017.

³³ См., например: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 марта 2018 г. № Ф03-682/2018 по делу № А04-4952/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 дек. 2021 г. № Ф04-7477/2021 по делу № А27-989/2021; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 6 марта 2024 г. № Ф10-189/2024 по делу № А35-6021/2022.

и Кодекс РСФСР о недрах 1976 г.), а также «нужды хозяйства» (Земельные кодексы РСФСР 1970 и 1991 гг.). Как следует из приведенных выше цитат, все эти акты оперировали понятиями, которые не исключали производственного использования ресурсов.

Иной подход закреплен в статье 19 Закона РФ «О недрах» в редакции Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 459-ФЗ. В отличие от двух предыдущих редакций, она впервые в российском законодательстве определила понятие «собственные нужды» и установила условие: использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод не должно быть связано с предпринимательской деятельностью. С учетом того, что для юридических лиц наибольший интерес представляет не бытовое, а производственное использование ресурсов (что важно и для государства ввиду значительных объемов использования), основное внимание в судебной практике уделяется разграничению производственного (технологического) использования и бытового: первое суды отождествляют с предпринимательской деятельностью, исключающей применение статьи 19 Закона РФ «О недрах». В частности, при добыче песка для строительства лесовозных дорог (для вывоза древесины), водоснабжении свиноплекарского, техническом водоснабжении цехов, водоснабжении санатория и гостиничного комплекса и в других аналогичных случаях данная статья не применялась. Напротив, использование подземных вод для хозяйственно-бытовых нужд было признано «собственными нуждами» (подтверждающие судебные акты см. в сноске 29). Такой подход согласуется с легальным определением предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ), направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Именно в этом и состоит принципиальное различие: советское законодательство не исключало производственного использования из понятия «собственные нужды» (поскольку правовая система того времени была ориентирована на иные, не рыночные механизмы хозяйствования), тогда как современное законодательство прямо исключает безлицензионное использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод, направленное на извлечение прибыли. Следовательно, в действующем законодательстве «собственные нужды» в контексте статьи 19 Закона РФ «О недрах» понимаются узко – только как хозяйственно-бытовые, что исключает их отождествление с производственным (технологическим) использованием ресурсов.

Таким образом, современное правовое регулирование в обозначенной сфере в целом сохраняет советские подходы, но обоснованно сужает понятие «собственные нужды», исключая из него предпринимательскую деятельность, что обусловлено переходом к рыночной экономике.

Библиографический список

Актуальные проблемы теории земельного права России: моногр. / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020.

Алексеев В. А. Участок недр: особая недвижимая вещь или исключенный из оборота объект публичной собственности? // Закон. 2024. № 5. С. 46–55.

Анисимов А. П., Чаркин С. А. Объекты земельных правоотношений // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 4–8.

Башмаков Г. С. Право пользования недрами в СССР. М.: Наука, 1974.

Башмаков Г. С. Правовое регулирование разведки и разработки общераспространенных полезных ископаемых. М.: Наука, 1978.

Крассов О. И. Земельное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026.

Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений: моногр. М.: ИНФРА-М, 2024.

Рыженков А. Я. Правовой режим природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=137708>.

Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М.: Юрид. лит., 1969.

Чаплин Н. Ю. Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 98–112. DOI: 10.12737/jlfcl.2019.3.8.

Чаркин С. А. Права и обязанности собственников земельной недвижимости: вопросы теории // Цивилист. 2023. № 5. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=152427>.

Эйриян Г. Н. Права пользователя земельного участка на подземное пространство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 4. С. 535–547. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-535-547.

Информация для цитирования

Ex jure

Эйриян Г. Н. Использование общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд правообладателями земельных участков // Ex jure. 2026. № 3. С. 76–88. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-76-88. EDN VVJVQJ

Eyrian G. N. Use of Common Minerals and Groundwater for Own Needs by Land Plot Rightholders. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 76–88. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-76-88. EDN VVJVQJ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-89-105

<https://elibrary.ru/gbmuoq>

EDN GBMUOQ

Генезис частноправового регулирования страхования имущества в России и Германии: проблемы диверсификации и систематизации страхового законодательства

В. П. Васькевич

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского
и энергетического права

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Россия, г. Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

А. Г. Демиева

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и корпоративного права

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Россия, г. Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32

E-mail: ainuraa@bk.ru

© Васькевич В. П., Демиева А. Г., Экзекова Л. М., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Л. М. Экзекова

Кандидат юридических наук,
ассистент кафедры гражданского и корпоративного права

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Россия, г. Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32

E-mail: l_shayn@mail.ru

Аннотация: в статье исследуется развитие частноправового регулирования страхования имущества в российском и немецком законодательстве сквозь призму восприятия этого института на различных этапах его становления. Сделан вывод о том, что в Германии осуществлено постепенное разделение страхового права на частное и публичное и построение страхового законодательства согласно пандектной модели. Авторы настаивают на том, что в целях реализации характерного для российской правовой системы принципа разделения права на частное и публичное, ликвидации противоречий действующих норм, затрудняющих процесс стабилизации правоприменения, и приведения страхового права к смысловому единообразию необходима диверсификация и систематизация страхового законодательства. Предлагаются концептуальные модели стратегического развития страхового права, а именно: перемещение норм частноправового характера из Закона об организации страхового дела в Гражданский кодекс Российской Федерации; подготовка и принятие комплексного федерального закона с изначальным разграничением общих и специальных положений страхового права; модификация положений внутри Закона об организации страхового дела с приданием его структуре системности.

Ключевые слова: страхование, генезис, диверсификация законодательства, пандектизм, обязательственные правоотношения, договор страхования, система страхового права

The Genesis of Private Law Regulation of Property Insurance in Russia and Germany: Problems of Diversification and Systematization of Insurance Legislation

V. P. Vaskevich

Saint Petersburg State University of Economics
30–32, Griboedova canal emb., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

A. G. Demieva

Saint Petersburg State University of Economics
30–32, Griboedova canal emb., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: ainuraa@bk.ru

L. M. Ekzekova

Saint Petersburg State University of Economics
30–32, Griboedova canal emb., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: l_shayn@mail.ru

Abstract: *the article examines the development of private law regulation of property insurance in Russian and German legislation through the prism of the perception of this institution at various stages of its formation. It is concluded that in Germany there has been a gradual division of insurance law into private and public and construction of insurance legislation according to the pandect model. The authors defend the position that in order to implement the principle of dividing law into private and public, characteristic of the Russian legal system, eliminating contradictions in existing rules that complicate the process of stabilizing law enforcement, and bringing insurance law to semantic uniformity, diversification and systematization of insurance legislation is necessary. Conceptual models for the strategic direction of development of insurance law are proposed, including: the transfer of private law norms from the Law on the Organization of Insurance Business to the Civil Code of the Russian Federation; preparation and adoption of a comprehensive federal law with an initial distinction between general and special provisions of insurance law; modification of the provisions within the Law on the Organization of Insurance Business, making its structure systematic.*

Keywords: *insurance, genesis, legislative diversification, pandectism, contractual relations, insurance contract, insurance law system*

Компаративный подход к изучению особенностей регулирования тех или иных общественных отношений в странах с похожими правовыми системами является всегда оправданным¹ и актуальным методом для юридической науки, ведь, несмотря на различные модифицирующие правовые доктрины, деловую практику, нравственные и социальные установки, сходства могут оказаться более значимыми и полезными для выявления положительного опыта построения законодательства. Указанное особенно важно в ключе исследования областей с наполнением, выражаясь фигурально, из парадоксальных положений и правовых пробелов, что касается в том числе и сферы страхования имущества.

Во-первых, обе – российская и германская – правовые системы принадлежат к одной континентальной правовой семье, и именно к ней, придерживаясь класси-

¹ Васькевич В. П., Демиева А. Г. Некоторые особенности использования сравнительно-правового метода в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2, № 2. С. 329.

ческого пути, мы обратились в первую очередь в поиске существующих вариантов решения проблемы². Названные правовые порядки представляют собой результат влияния римского законодателя и обладают серией друг другу подобных особенностей. Среди них, в частности, строгое разделение права на частное и публичное и пандектная модель построения законодательства, заимствованная из Дигест (Пандект) и предполагающая расположение норм актов по принципу «от общего к частному», хорошо знакомое нам из гражданского законодательства. Сходство подобного рода позволяет эффективнее интегрировать опыт и делает сравнение в целом возможным и целесообразным³.

Во-вторых, немецкое страховое право заключает в себе многовековой опыт от момента своего возникновения, произошедшего раньше, чем в большинстве стран с пандектной моделью построения законодательства, которую между тем первым воплотило именно право Германии, отразив в Германском гражданском уложении. Все это сформировало к настоящему времени целостную систему немецкого страхового права, что тоже существенно повлияло на выбор нами германской юрисдикции для сличения с отечественными подходами к регулированию страхования имущества.

Сегодня сложно претендовать на истину в вопросе о точной дате возникновения страховых правоотношений, особенно касающихся имущества. Посвященные тенденциям развития страхового рынка в Германии и России труды в рамках комплексного исследования становления и развития страхования имущества в законодательстве обеих стран нуждаются в дополнении путем наращивания новых фактов и знаний. Также необходимо отметить, что фундаментальные исследования, посвященные в конкретном смысле страхованию имущества, единичны⁴. В большинстве своем изыскания носят общий характер, включая в свое содержание анализ эволюции этого института в целом⁵ и охватывая конкретный период времени⁶, направлены на иные виды страхования (медицинское, социальное, пенсионное и др.) либо изучают отдельные ответвления внутри страхования имущества⁷.

² См.: Кузнецова О. А. Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2, № 2. С. 206.

³ См.: Экзекова Л. М. Страхование домашнего имущества в Германии и России как страхование совокупности вещей: правовые основы и судебная практика // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3. С. 201.

⁴ См. об этом подробнее: Экзекова Л. М. Добровольное страхование имущества: оформление отношений и обеспечение интересов страхователя (выгодоприобретателя): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2026.

⁵ См., например: Кутыгин М. А. Правовое регулирование института страхования в России: эволюция, преемственность и проблемы совершенствования: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007; Тарабарин Б. С. Тенденции развития европейского страхового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁶ См., например: Андреев Р. А. Законодательство об имущественном страховании в Российской империи: 1781–1861 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Райлян А. И. Страхование законодательство Российской империи: 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁷ См., например: Непомнящая И. С. Правовое регулирование страхования недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 10–12; Ускова М. С. Страхование урожая: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 50–68.

Прежде всего, в немецких землях страхование имущества зародилось гораздо раньше, чем в России. Элементы страхования имущества на уровне их законодательного закрепления в Германии впервые можно заметить в эпоху Каролингов (751–987 гг.), характеризующуюся широким распространением гильдий (цехов), возникших как объединения городских ремесленников для совместного достижения политических, правовых и других социальных целей и охраны своих членов от посягательств феодалов, купцов и городской знати, а также монопольного положения в производстве и сбыте товаров⁸.

В этот период основным источником права является акт, именуемый капитулярием и принимаемый королями, а с IX века – франкскими императорами⁹. За годы правления Карла Великого было издано около двухсот капитуляриев, направленных в адрес населения, должностных лиц, церкви и т.д., среди которых принятый в марте 779 года Капитулярий Герсталя (далее – Капитулярий), первый дошедший до нас юридический источник, где мы можем обнаружить отсылки к отношениям между субъектами, напоминающим, хотя и смутно, страховые. Так, каролингские короли запрещали формирование горизонтальных солидарностей, за исключением определенных конкретных целей¹⁰. Эти исключения определял пункт 16 Капитулярия, ими являлись *elemosinis, incendio, naufragio*¹¹, то есть милостыня, огонь и кораблекрушение. Значит, данный акт предопределял возможность членов гильдии оказывать друг другу поддержку и помощь в случае наступления чрезвычайных ситуаций, способных привести к гибели или повреждению их имущества. Определенно именно в этот период можно наблюдать зарождение морского и огневого взаимного страхования. Каждая гильдия имела в своем распоряжении средства, которые регулярно поступали путем взносов ее участников и хранились вместе с документами в металлическом контейнере, деревянном ящике или гильдийном сундуке, которые взяли на себя функцию фонда при сборе взносов и выплатах нуждающимся членам¹². Весьма досадно обнаружить отсутствие подробностей о том, как гильдии регулировали взаимопомощь и в какой степени члены имели законное право на получение выплат, вследствие чего мы не обладаем всеми достоверными знаниями для точного определения этой формы выражения помощи, однако то, что в ней содержатся признаки зарождения идеи взаимного страхования, вполне прозрачный факт.

Таким образом, первый этап развития страхового законодательства берет свое начало в конце XIII века с принятием Капитулярия и характеризуется наличием объективных опасностей, способных нанести ущерб имуществу членов гильдии (пожары

⁸ См.: Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 245.

⁹ См.: Верещагин С. Г. Роль законодательства в становлении и развитии государственности во Франкском королевстве в VI–IX вв. Капитулярии // Право и политика. 2014. № 10 (178). С. 1539.

¹⁰ McComb M. P. Strategies of Correction: Corporal Punishment in the Carolingian Empire 742-900: a dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. New York, 2018. P. 194.

¹¹ Capitulare Haristallense, Forma Langobardica. URL: <https://capitularia.uni-koeln.de/en/capit/pre814/bk-nr-020b/>.

¹² Koch P. Geschichte der Versicherungswirtschaft in Deutschland. Karlsruhe: Verlag Versicherungswirtschaft, 2012. P. 15.

и кораблекрушения), а также ограниченностью субъектного состава (члены гильдии) и взаимностью. Необходимо отметить и еще один, совершенно очевидный, факт – отсутствие какого-либо корыстного мотива и стремления к обогащению. Речь идет лишь об обеспечении себя и членов гильдии материальной поддержкой в случае наступления события, которое способно нарушить целостность имущества повреждением его части (частей) или полностью погубить.

Следующий важный шаг развития страхования обусловлен появлением первого соглашения, содержащего элементы страховых правоотношений, – договора страхования, заключенного в XVI веке в районе Гамбурга.

Германия, как известно, является страной-производителем пивной продукции, которая может рассматриваться в рамках глuttonии и насчитывает вековую историю. Не имея научного намерения выявить историческую точку возникновения идей о производстве данного напитка, мы, однако, все еще располагаем официальным источником, которому более пятисот лет. Это Закон о чистоте пива (*Reinheitsgebot*) от 23 апреля 1516 года, принятый Вильгельмом IV Виттельсбахом и демонстрирующий высокую важность для немцев не только самого пива, но и процесса его приготовления. На критическом этапе пивоварения (кипячение сусла) возрастал риск возникновения пожаров, которым пивоварни подвергались предположительно часто из-за открытого огня.

Именно потому, что владельцы пивоварен действительно были знакомы, порой и лично, с такого рода последствиями, в 1591 году сто из них объединились в пожарную гильдию для обеспечения выплат пострадавшим от пожаров. И именно в этот момент появляется первый договор между пивоварнями – *Feuer-Kontrakt* (пожарный контракт), согласно которому в случае крупного или тотального ущерба зданию от пожара его владельцу должно быть выплачено по десять рейхсталеров¹³ каждым членом гильдии в течение месяца после произошедшего случая без возможности отказа и требования суда¹⁴. Заключение первого договора страхования от пожара знаменует собой рождение страхования зданий в Гамбурге. И хотя это предшественник существующего на сегодняшний день огневого страхования, от внимания не может ускользнуть тот факт, что оно все еще остается зависимым от участия в гильдии. Берлинский философ-правовед Йозеф Колер весьма точно раскрыл суть товариществ взаимного страхования, определив, что вступление в них, с одной стороны, обуславливает членство, а с другой – содержит признаки договора страхования и что членство и страховые отношения связаны напрямую, начинаются и завершаются одновременно¹⁵.

Второй этап становления законодательства Германии в сфере страхования имущества связан с осознанием необходимости государственной поддержки на рынке страхования имущества. Это осознание явилось результатом Великого лондонского пожара 1666 года, когда столица Британии выгорела почти дотла всего за несколько

¹³ Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, это «талер, чеканенный согласно постановлениям древнего германского имперского сейма (рейхстага)».

¹⁴ *Prange O.* Die Theorie des Versicherungswertes in der Feuerversicherung: Teil I: Die Theorie in historischer Entwicklung. Frankfurt am Main, 1895. Pp. 23–24.

¹⁵ *Dernburg H., Kohler J.* Das bürgerliche Recht des Deutschen Reichs und Preussens: Bd. Urheber-, Patent-, Zeichenrecht, Versicherungsrecht und Rechtsverfolgen. Halle, 1910. P. 377.

дней¹⁶. В Европе возникает уже упомянутое нами ранее огневое страхование, приобретающее в Германии форму публичного: 30 ноября 1676 года в Гамбурге основывается GeneralFeuercasse, которая существует до сих пор и считается старейшей страховой компанией в мире¹⁷.

Второй этап имеет значение и в смысле предоставления права, хотя и ограниченного, объединяться в товарищества и осуществлять страхование в случае крупного пожара (во всех остальных случаях продолжалось государственное страхование). Это право возникает с изданием в 1701 году Пожарного приказа о земле Кур¹⁸ и маркграфстве Бранденбург (Feuer-Ordnung aufm Lande in der Chur- und Mark Brandenburg). Также издаются Положение о пожарном фонде (Feuerkassen-Reglement) от 15 октября 1705 г. и Общее положение о пожарном фонде (Generalf Feuerkassen-Reglement) от 1 июня 1706 г., которое, однако, не внесло никаких существенных изменений¹⁹.

От внимания немецких цивилистов и историков не ускользнуло, что страхование имущества в этот период характеризуется стремлением правителей не к благополучию народа, а к расширению и укреплению абсолютной власти: меры, принимаемые под влиянием экономической ситуации и интеллектуальных тенденций, тесно связаны с зарождающимся денежно-кредитным хозяйством и административным формированием государства²⁰.

В 1794 году в Германии появляется первый обширный свод законов, касающихся в том числе страхования имущества, а именно Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten – Общее земельное право для прусских земель (далее – Прусское земское уложение) в двух частях. Определенная часть документа (гл. 13 разд. 8 ч. 2) посвящена страхованию, и в соответствии с ее положениями страхование оформляется на всё, что может быть предметом юридического договора²¹ (ст. 1952). А согласно статье 5 раздела 4 части 1 Прусского земского уложения это все вещи и действия, право на которые может быть приобретено или передано другим лицам²².

Если товары, движимое имущество, личные вещи застрахованы от риска пожара, обязанность страхователя – достоверно сообщить о качестве этих вещей (ст. 2053); при этом золото, серебро, золотая и серебряная посуда, драгоценности, фарфор, эмаль, зеркала, стекла, картины, гравюры, антиквариат или произведения искусства, чертежи, банкноты, ипотечные облигации, переводные и иные облигации, договоры и письма, бухгалтерские книги и счета-фактуры не считаются застрахованными, если

¹⁶ Медведева А. А., Воробейчикова О. П. Особенности правового регулирования пожарного страхования в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2010. № 2. С. 46.

¹⁷ Bolm H.-P. Verband der ländlichen freiwilligen Feuerwehren im Kreise Peine: Die Geschichte des Verbandes ab 1887. Norderstedt, 2019. P. 19.

¹⁸ Ныне – столица кантона Граубюнден (Швейцария).

¹⁹ Prange O. Op. cit. P 42.

²⁰ Borscheid P. Feuerversicherung und kameralismus // Journal of Business History. 1985. 30. Jahrg., H. 2. P. 97.

²¹ Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten (01.06.1794), Zweyter Theil. URL: https://opiniojuris.de/quelle/1623#Dreyzehnter_Abschnitt._Von_Versicherungen.

²² Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten (01.06.1794), Erster Theil. URL: https://opiniojuris.de/quelle/1622#Vierter_Titel._Von_Willenserklärungen.

они прямо не указаны в договоре страхования (ст. 2055). Страховщик может взять на себя любой риск, не связанный с запрещенными действиями (ст. 1953), с товарами, подлежащими экспорту-импорту (ст. 1955), а также с товарами и вещами, торговля которыми запрещена во время войны в отношении вражеских государств (ст. 1961), и если кто-то, вопреки установленным правилам, такие вещи застраховал, договор признавался недействительным (ст. 1962). Помимо этого, Прусское земское уложение регулировало обязанности страховщика (ст. 2171), страхователя, существенные условия страхового договора, включая страховую сумму (например, ст. 1984), его форму (ст. 2064). В статье 2024 был закреплён принцип *pacta sunt servanda*²³ (основополагающий на сегодняшний день принцип договорного права в Германии и международного договорного права²⁴), а в статье 1983 – запрет на неосновательное обогащение за счет страховщика.

Несмотря на широкий охват аспектов страховых правоотношений и сформировавшуюся реакцию регулятора с пониманием сущности страхования имущества, нельзя не отметить некоторую бессистемность анализируемого нормативного правового акта, отсутствие разграничения отношений на частное и публичное и преобладание общего над частным.

Говоря о стихийном воздействии на имущество, несправедливо не выделить, сместив фокус внимания с пожара, страхование от града, которое получает распространение в этот период. Данный вид страхования имущества особенно интересен тем, что возникает именно на территории Германии и с появлением первой компании по страхованию от града в Брауншвейге в 1791 году²⁵.

В начале XIX века принимается прусский Закон о страховании движимого имущества от пожара (*Gesetz über das Mobiliar-Feuerversicherungswesen*) от 8 мая 1837 г., которым регулировалось страхование от огня, в частности допустимость иностранных компаний к такому страхованию, возможность деятельности агентов, контроль за деятельностью агентов и страховых компаний²⁶. Данный акт послужил основой для формирования аналогичного законодательства в других федеральных землях. Позже принимаются и постановления, регулирующие надзор за страхованием движимого имущества от риска наступления пожара, например постановление Мекленбурга (*Mecklenburger Verordnung betr. die Beaufsichtigung der Mobiliarversicherungen gegen Feuersgefahr*) от 15 мая 1847 года.

На протяжении долгого времени функционирование рынка страхования регулировалось устаревшими нормами действовавших нормативных правовых актов, что

²³ Договор должен исполняться (*лат.*).

²⁴ См.: Венская конвенция о праве международных договоров: подготовлена Комиссией международного права ООН и заключена в Вене 23 мая 1969 г.: вступила в силу 27 янв. 1980 г.: ратифицирована СССР 4 апр. 1986 г. (О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Венской конвенции о праве международных договоров: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 апр. 1986 г. № 4407-XI). Статья 26.

²⁵ Knoll H. Hagelversicherung. Wiesbaden: Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. TH. Gabler, 2013. P. 14.

²⁶ Brüggemann F. A. Die Mobiliar-Versicherung in Preussen nach dem Gesetze vom 8ten Mai 1837: unter Benutzung amtlicher quellen, mit Cinem anhang über die, denselben Gegenstand betreffenden Gesetze anderer deutschen Staaten. Berlin, 1838. P. 8.

затрудняло дальнейшее развитие страхования имущества. Возможно, на тот момент решение данной проблемы не корреспондировало идее вынужденной стагнации, когда институт страхования уже был изучен и оценен и его совершенствование путем введения новых норм и положений, учитывая сложность и уникальность этого института, было потенциально рискованно из-за невозможности прогнозирования эффективности их реализации.

Наиболее приближенной к современному нормативному регулированию в сфере страхования в целом и страхования имущества в частности становится структура страхового законодательства в начале XX века, когда воплощается пандектная модель построения и конструирования норм.

В 1896 году принимается Германское гражданское уложение (*Bürgerliches Gesetzbuch, BGB*), общая часть которого содержит положения, применимые ко всем правоотношениям и обязательствам, и появляются специальные и действующие по сей день первый закон, регулирующий государственный надзор за частными страховщиками, – Закон о страховом надзоре (*Versicherungsaufsichtsgesetz, VAG*) от 12 мая 1901 г., то есть нормативный правовой акт в области публичного страхового права, и Закон о договоре страхования (*Versicherungsvertragsgesetz, VVG*) от 31 мая 1908 г., который регулировал все аспекты отношений сторон, участвующих в договорах страхования, включая, но не ограничиваясь этим, их юридические права и обязанности, то есть нормативный правовой акт в области частного страхового права.

Помимо этих документов нормативная база Германии в сфере страхования имущества сегодня содержит иные нормативные документы, например Закон о регулировании торговли, или Правила торговли (*Gewerbeordnung, GewO*). В качестве источников права, в том числе в области страхования имущества, страны Европейского союза зачастую используют и так называемые директивы, в соответствии с которыми вносятся соответствующие изменения посредством имплементации в национальное право²⁷.

Таким образом, законодательство Германии в сфере страхования имущества претерпело значительные изменения и развивалось последовательно и постепенно. Несмотря на то что в определенные периоды времени цель была сформулирована некорректно по отношению к благополучию народа, а также на периоды стагнации, на сегодняшний день можно утверждать, что страхование в достаточной мере обеспечивает механизм защиты прав и законных интересов субъектов страховых правоотношений.

В России институт добровольного страхования имущества зародился заметно позже. Наиболее раннее упоминание страхования в законе относится к тому периоду, когда в Германии, хотя и в казуистических формах, было урегулировано уже несколько видов страхования имущества, а отдельные аспекты страховых правоотношений нашли отражение в специальных законах о страховании.

²⁷ Примерами могут служить Закон об осуществлении Директивы (ЕС) 2016/97 Европейского парламента и Совета от 20 янв. 2016 г. о дистрибуции страховых услуг и внесении изменений в другие законы, Закон об адаптации положений международного частного права к Регламенту (ЕС) № 593/2008 и многие другие.

Одним из первых видов страхования имущества, получивших законодательное закрепление в России, было страхование водного транспорта и связанного с ним товара, груза и иного имущества, то есть страхование имущества как составляющая морского страхования (впрочем, как и в ряде зарубежных стран, в частности в Германии). Положения об этом виде страхования можно обнаружить в Уставе купеческого водохозяйства по рекам, водам и морям от 23 ноября 1781 г. (часть 2). Согласно ему страхование происходит в отношении корабля или судна, товара или груза и иного имущества, которое можно предохранить от «несчастливого случая или опасности» за определенную плату (ныне страховую премию) «соразмерно долготе и свойству пути или времени года, или иным обстоятельствам», в результате чего страхователь получает письменное подтверждение обещания страховщика (ныне страховой полис) произвести страховую выплату при наступлении «несчастливого случая»²⁸.

Несмотря, однако, на законодательное закрепление, до определенного времени нормы о страховании имущества не имели практического применения. Только в 1812 году появилось первое общество страхования от морских несчастий, в указе об учреждении которого отмечалось, что «до сих пор не было еще учреждено страхования, которое токмо (только. – *Авт.*) и может почтаться (считаться. – *Авт.*) надежным средством к подкреплению предприимчивости в торговле»²⁹.

Следующий шаг становления законодательства России в сфере страхования имущества знаменуется возникновением страхования от огня и учреждением Страховой экспедиции, когда по указу императрицы Екатерины II издается манифест от 23 декабря 1786 г. «Об учреждении при Государственном заемном банке Страховой экспедиции для приема в оной каменных домов, заводов и фабрик» (далее – Манифест) с предварительным учреждением Государственного заемного банка манифестом от 28 июня 1786 г. «Об учреждении Государственного заемного банка в пользу верноподданных наших дворянства и городов».

Согласно пункту 2е Манифеста, Государственный заемный банк «приемлет на страх от пожара» состоящие или находящиеся на стадии строительства, «коль скоро покрыты будут железною или черепичною кровлею», каменные дома, а также каменные заводы и фабрики. Отметим, что в данном случае имеет место государственное страхование, которым, как и в Германии в XVII–XVIII веках, преследуются прежде всего публичные интересы, но не частные. Отсутствует государственная философия просвещенного абсолютизма – когда правитель считает своей задачей способствовать благополучию подданных путем создания государственных страховых учреждений. Государство видит в страховании скорее испытанное средство пополнения казны и создания новых источников дохода. На это указывает и пункт 14е Манифеста, регламентирующий «запрещение отдавать на страх в чужие государства дома или фабрики», а также ответственность в случае нарушения данной нормы: лишение покровительства императрицы и взыскание «по полтора процента» с той

²⁸ Згонников А. П. Определение основополагающих понятий, связанных со страхованием // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 66–67.

²⁹ Степанов И. И. Опыт теории страхового договора. Казань: Унив. тип., 1875. С. 20.

суммы, в пределах которой было осуществлено страхование, «и за столько лет, сколько бы оно застрахование продолжилось»³⁰.

Увеличение количества страхования от огня сопровождалось увеличением стоимости имущества, риск гибели или повреждения которого мог быть застрахован, в связи с чем возникла проблема финансовой неустойчивости³¹. Именно этот период предопределил особенное развитие взаимного страхования, когда «в результате ряда съездов были созданы несколько союзов страховщиков» – частных страховых компаний, которые обеспечивали взаимопомощь при крупных убытках и сумели таким образом, в отличие от государства, «создать финансово устойчивую отечественную систему страхования от огня»³².

В XIX веке принимается Свод законов Российской империи (1832 г.), который содержит всего две статьи, регулирующие страховые правоотношения, однако обладает особой значимостью из-за правовой регламентации частного страхования. Так, статья 2199 устанавливает, что «страхование есть договор, в силу коего составленное для предохранения от несчастных случаев общество или частное лицо приемлет на свой страх корабль, товар, дом или иное движимое или недвижимое имущество за условленную премию или плату, обязуясь удовлетворить урон, ущерб или убыток, от предполагаемой опасности произойти могущей»³³. Данное определение характеризует именно страхование имущества, определяет круг предметов, риск гибели или повреждения которых может быть застрахован, но не закрывает этот перечень и не ограничивает круг опасностей, в результате которых может наступить страховой случай.

Спустя недолгое время появляется Положение о взаимном земском страховании от огня от 7 апреля 1864 г., и именно его появление знаменует возникновение добровольного страхования имущества, так как, в соответствии с указанным документом, губернскими земскими управами оно могло осуществляться наряду с двумя другими – окладным (обязательным) и дополнительным³⁴.

С 1918 года начинается этап государственной монополии в сфере страхования. Согласно Декрету СНК РСФСР³⁵ «страхование во всех его видах и формах, как то: страхование от огня, страхование транспортов, жизни, от несчастных случаев, градобития, падежа скота, неурожая... объявляется государственной монополией» (п. 1), а «все частные страховые общества и организации (акционерные, паевые и взаимные)... подлежат ликвидации» (п. 2).

³⁰ Об учреждении при Государственном заемном банке Страховой экспедиции для приема в оной каменных домов, заводов и фабрик: Манифест Екатерины II от 23 дек. 1786 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_70405/.

³¹ См.: *Фогельсон Ю. Б.* Страхование: теоретические основы и практика применения: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 17.

³² *Фогельсон Ю. Б.* Страхование: теоретические основы и практика применения. С. 17.

³³ Свод законов Российской империи. Т. X. Часть 1-я: Законы гражданские. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 439.

³⁴ См.: *Соловьева Е. А., Кобзева Т. А.* Система земского страхования в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. (на материалах Симбирской губернии) // *Власть*. 2019. № 3. С. 200.

³⁵ Об организации страхового дела в Российской Республике: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 нояб. 1918 г. Документ утратил силу.

Декретом «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» был учрежден Совет по делам страхования, который, в соответствии с пунктом 2, осуществлял «общее наблюдение за деятельностью всякого рода страховых обществ и учреждений, а также частных лиц и контор, производящих операции по страхованию, сострахованию и перестрахованию»³⁶.

Описываемый период ознаменовался принятием первого в истории России гражданского кодекса. Это произошло благодаря внушительному вкладу со стороны юристов дореволюционной России, которыми к 1914 году был подготовлен ставший фундаментальной основой для Гражданского кодекса РСФСР 1922 года проект – Гражданское Уложение Российской империи³⁷.

Именно на данном этапе в гражданском законе России и отразилась пандектная модель построения системы законодательства. Этот документ оказался весьма значим и для института страхования имущества, так как регулировал многие его аспекты: объект имущественного страхования (ст. 367), переход застрахованного имущества к другому лицу (ст. 387, 388), страхование за счет кого следует (ст. 375) и др. Особенно интересна статья 373, определяющая круг лиц, могущих выступать в лице страхователя по договору, согласно которой «договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целости имущества, как то: его собственником, лицом, имеющим на это имущество вещное право или право на-нимателя или по договору ответственным за ухудшение или гибель имущества. При заключении договора страхователь должен точно указать характер своего интереса и интереса выгодоприобретателя»³⁸.

В 1961 году принимается Закон СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик», а в 1964-м – новый Гражданский кодекс РСФСР. Каждый из указанных нормативных правовых актов включал в себя всего пять статей, регулирующих институт страхования, а главы, содержащие эти статьи, именовались «Государственное страхование».

Заметной страницей истории развития страхового законодательства в России стали Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик³⁹, принятые в 1991 году и содержавшие главу 14 «Страхование». В отношении страхования имущества этим документом регулировались положения об объекте страхования (ст. 106), договорах добровольного страхования (ст. 107) и последствиях наступления страхового случая (ст. 108).

Следует также отметить, что именно этим нормативным правовым актом была закреплена возможность осуществления страхования частными организациями в лице

³⁶ Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 марта 1918 г. Документ утратил силу.

³⁷ Кузнецов М. Н. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: особенности рождения и счастливой судьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 837.

³⁸ О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР: постановление Всерос. Центр. Исп. Комитета от 11 нояб. 1922 г. Документ утратил силу.

³⁹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1. Документ утратил силу.

юридических лиц, имеющих государственное разрешение (лицензию) на эту предпринимательскую деятельность и отвечающих другим требованиям законодательных актов о страховании (п. 3 ст. 106 Основ...). Немногим ранее, хотя и точечно, такая возможность устанавливалась⁴⁰ в отношении кооперативов (в соответствии с пунктом 3 статьи 22 Закона СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» «кооперативы и их союзы (объединения) вправе создавать кооперативные страховые учреждения, определять условия, порядок и виды страхования») и акционерных обществ (абз. 2 п. 60 Постановления Совета министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах»).

Наконец, 27 ноября 1992 года принимается Закон РФ «О страховании»⁴¹ (далее – Закон о страховании), который вбирает в себя все положения, регулирующие правоотношения в сфере страхования в целом и страхования имущества в частности, а Постановлением Правительства РФ от 19 апреля 1993 г. № 353 «Об утверждении Положения о Федеральной службе России по надзору за страховой деятельностью» учреждается надзорный орган – Росстрахнадзор. Отметим, что финансовый контроль на рынке страховых услуг Федеральная служба страхового надзора осуществляла с 2004 по 2013 год, однако затем данное государственное ведомство было упразднено, после чего все его функции по регулированию, контролю и надзору в сфере страховой деятельности переданы Банку России, который остается органом страхового надзора и в настоящее время.

Нормы Закона о страховании носили и публичный, и частный характер, и в целях придания системности страховому законодательству и диверсификации частного и публичного права возникла необходимость разрешения данной проблемы.

В 1996 году появляется Гражданский кодекс Российской Федерации⁴² (далее – ГК РФ), охватывающий частные отношения субъектов страхового права, в результате чего Федеральным законом от 31 декабря 1997 г. № 157-ФЗ⁴³ в Закон о страховании вносятся сразу два важных изменения: утрачивает силу глава о договоре страхования, а название Закона о страховании изменяется на действующее по сегодняшний день – «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об организации страхового дела). Очевидно, что наименование, включающее в себя упоминание организации страхового дела, формулируется регулятором не без причины, тем более если рассматривать это изменение вкупе с другими названными трансформациями, включая трансфер норм о страховом обязательстве в ГК РФ.

⁴⁰ См.: Фогельсон Ю. Б. Систематизация страхового законодательства (часть 3) // Юридическая и правовая работа в страховании. 2009. № 1. С. 29–38.

⁴¹ О введении в действие Закона Российской Федерации «О страховании»: постановление Верховного Совета РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4016-1 (ред. от 10.12.2003).

⁴² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г.

⁴³ О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О страховании»: Федер. закон от 31 дек. 1997 г. № 157-ФЗ: принят Гос. Думой 17 дек. 1997 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 1997 г.

Отсюда явствует, что именно на этом этапе должно было произойти отделение публичного от частного, общего от специального и придание системе страхового права вида той самой пандектной модели, которая позволила бы нивелировать риски дублирования норм и противоречия внутри системы, ведь, согласимся с А. В. Габовым, «наличие общей части позволяет логично структурировать нормативный материал, избегая повторов», а также упрощает оценку целесообразности включения в кодекс новых положений⁴⁴. Однако вопреки всему, к чему, как мы полагаем, стремилась мысль регулятора, в итоге пишется совершенно иная правовая картина, и странность дальнейшей судьбы страхового законодательства объяснить затруднительно.

Гражданский кодекс РФ регламентирует частноправовые аспекты взаимодействия субъектов страхования. Между тем вышеозначенное продолжает фрагментарно регулироваться и Законом об организации страхового дела, хотя само его содержание характеризует направленность на публичные отношения: в большей степени акт включает в себя положения о порядке лицензирования страховой деятельности и надзорной составляющей в сфере страхования. Наличие в Законе об организации страхового дела норм частного страхового права приводит к мысли об отсутствии в нем системности и в конце концов все-таки порождает такие проблемы, как дублирование положений (например, о страховой сумме) и противоречие норм (например, в отношении объекта страхования имущества).

В идеальном своем проявлении пандектная модель должна была воплотиться в страховом праве таким образом, чтобы при отсутствии специальной нормы, регулирующей тот или иной аспект взаимодействий и процессов, могли быть применены общие нормы страхового права, а наличие специальных норм, в свою очередь, позволило бы дополнить и уточнить положения фундаментальных основ, закрепленных в общих положениях страхового законодательства. Между тем указанные выше дублирование и противоречие норм создают нечто противоположное описанному идеальному варианту: они разрушают системность права, помещают регулирование общественных отношений в режим правового хаоса и создают благоприятную почву для взращивания юридико-лингвистической неопределенности, в условиях которой стороны по договору страхования могут расходиться в смысловом чтении пунктов соглашения⁴⁵, а правоприменитель – быть неоднозначным в их толковании. Конечно, все это сказывается на эффективном обеспечении прав субъектов страхового правоотношения.

В 2020 году была утверждена Концепция развития положений части второй ГК РФ⁴⁶ о договоре страхования, в которой отмечалось, что отсутствие диверсификации страхового законодательства оказывает существенное влияние на практику его

⁴⁴ Габов А. В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 272.

⁴⁵ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 июня 2025 г. № 305-ЭС25-842 по делу № А40-38928/2024.

⁴⁶ Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 25 сент. 2020 г. № 202/оп-1/2020.

применения. Однако с тех пор никаких изменений относительно разграничения страхового права в соответствии с Концепцией внесено или предложено не было. Никаких проектов закона на рассмотрении в законодательных органах России на сегодняшний день в контексте указанного не находится. Более того, при отсутствии единого кодифицированного акта и смысловом расхождении норм, содержащихся в существующих и названных документах, сложно систематизировать страховое право путем выделения общего и особенного (специального).

В связи с изложенным мы глубоко убеждены, что в России необходимы диверсификация и систематизация страхового законодательства, которых удалось достичь Германии. Сегодня эта необходимость отчетлива на фоне все более развивающихся отношений по поводу страхования, которые сопровождаются платформенной трансформацией, расширением круга объектов, наличествующих угроз и прочих изменений, влияющих на степень сложности процессов взаимодействия между субъектами права.

В заключение позволим себе предложить некоторые оптимальные, на наш взгляд, пути решения поставленной проблемы:

- Первый путь – доведение законодателем реализации принципа разделения права на частное и публичное в сфере страхования до ее логического завершения посредством полноценного перенесения норм частноправового характера из Закона об организации страхового дела в ГК РФ.

- Второй путь – подготовка и принятие комплексного федерального закона, регулирующего страховые (частные) отношения, в котором будут четко разграничены общие и специальные положения, в то время как Закон об организации страхового дела останется источником страхового публичного права. Безусловно, в этом случае трансфер определенных норм также предполагается.

- Третий путь – модификация внутри уже действующего специального нормативного правового акта – Закона об организации страхового дела – с приданием его структуре системности и устранением существующих противоречий и пробелов.

При избрании и успешной реализации одного из предложенных направлений в будущем возможно достижение надлежащего уровня развития страхового права, необходимого для эффективного обеспечения прав частных лиц и целого общества.

Библиографический список

Габов А. В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* 2022. Т. 47, № 2. С. 271–298. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-271-298.

Васькевич В. П., Демиева А. Г. Некоторые особенности использования сравнительно-правового метода в цивилистических исследованиях // *Методологічні проблеми цивілістических досліджень.* 2020. Т. 2, № 2. С. 319–338. DOI: 10.33397/2619-0559-2020-2-2-319-338.

Верещагин С. Г. Роль законодательства в становлении и развитии государственности во Франкском королевстве в VI–IX вв. Капитулярии // *Право и политика.* 2014. № 10 (178). С. 1536–1546. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.10.11516.

Згонников А. П. Определение основополагающих понятий, связанных со страхованием // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 63–69.

Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.

Кузнецов М. Н. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: особенности рождения и счастливой судьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 826–844. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-4-826-844.

Кузнецова О. А. Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2, № 2. С. 183–214. DOI: 10.33397/2619-0559-2020-2-2-183-214.

Медведева А. А., Воробейчикова О. П. Особенности правового регулирования пожарного страхования в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2010. № 2. С. 45–48.

Соловьева Е. А., Кобзева Т. А. Система земского страхования в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2019. № 3. С. 199–205.

Степанов И. И. Опыт теории страхового договора. Казань: Унив. тип., 1875.

Фогельсон Ю. Б. Систематизация страхового законодательства (часть 3) // Юридическая и правовая работа в страховании. 2009. № 1. С. 29–38.

Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

Экзекова Л. М. Добровольное страхование имущества: оформление отношений и обеспечение интересов страхователя (выгодоприобретателя): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2026.

Экзекова Л. М. Страхование домашнего имущества в Германии и России как страхование совокупности вещей: правовые основы и судебная практика // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 201–206.

Bolm H.-P. Verband der ländlichen freiwilligen Feuerwehren im Kreise Peine: Die Geschichte des Verbandes ab 1887. Norderstedt: BoD – Books on Demand, 2019.

Borscheid P. Feuerversicherung und kameralismus // Journal of Business History. 1985. 30. Jahrg., H. 2. Pp. 96–117.

Brüggemann F. A. Die Mobiliar-Versicherung in Preussen nach dem Gesetze vom 8ten Mai 1837: unter Benutzung amtlicher Quellen, mit Cinem anhang über die, denselben Gegenstand betreffenden Gesetze anderer deutschen Staaten. Berlin: F. Rubach, 1938.

Dernburg H., Kohler J. Das bürgerliche Recht des Deutschen Reichs und Preussens: Bd. Urheber-, Patent-, Zeichenrecht, Versicherungsrecht und Rechtsverfolgen. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses, 1910.

Knoll H. Hagelversicherung. Wiesbaden: Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. TH. Gabler, 2013.

Koch P. Geschichte der Versicherungswirtschaft in Deutschland. Karlsruhe: Verlag Versicherungswirtschaft, 2012.

McComb M. P. Strategies of Correction: Corporal Punishment in the Carolingian Empire 742-900: a dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. New York, 2018.

Prange O. Die Theorie des Versicherungswertes in der Feuerversicherung: Teil I: Die Theorie in historischer Entwicklung. Frankfurt am Main: Fischer, 1895.

Информация для цитирования

Васькевич В. П., Демиева А. Г., Экзекова Л. М. Генезис частногоправового регулирования страхования имущества в России и Германии: проблемы диверсификации и систематизации страхового законодательства // *Ex jure*. 2026. № 3. С. 89–105. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-89-105. EDN GBMUOQ

Vaskevich V. P., Demieva A. G., Ekzekova L. M. The Genesis of Private Law Regulation of Property Insurance in Russia and Germany: Problems of Diversification and Systematization of Insurance Legislation. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 89–105. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-89-105. EDN GBMUOQ

Ex jure

Триединство философских проекций, детерминирующих концептуализацию исполнения гражданско-правовых обязательств

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Альфа-Банка
в рамках программы «Альфа-Будущее. Гранты преподавателям»*

А. В. Захаркина

Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Аннотация: *исполнение гражданско-правовых обязательств в условиях новых цифровых реалий требует серьезного научно-практического осмысления. При этом цифровые тенденции, прослеживаемые как в российской правовой политике, так и в законодательстве, заслуживают оценки не автономно, а через призму трех философских проекций – онтологии, гносеологии и аксиологии. В статье отмечается, что эмпирические и теоретические данные об объекте требуют их синхронизации через ту или иную систему координат, одной из которых является философско-мировоззренческая парадигма, ставшая популярной в правовых научных разработках. Автор акцентирует внимание на том, что изучение исполнения гражданско-правовых обязательств через призму онтологических основ предполагает выяснение базовых детерминант, предопределивших появление этого феномена*

© Захаркина А. В., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в правовой действительности. В свою очередь, гносеологические предпосылки познания исполнения гражданско-правовых обязательств есть не что иное, как накопленная система знаний, представлений и теоретических суждений о познаваемом феномене. Под аксиологической этиологией в контексте настоящего исследования понимается ценностный фактор, определяющий модернизацию действующего правового регулирования в сфере гражданско-правовых обязательств. Сделан общий вывод о том, что осмысление триединства философских проекций, детерминирующих концептуализацию исполнения гражданско-правовых обязательств, обеспечит не только понимание происходящих цифровых новелл, но и прогнозирование их вероятных тенденций.

Ключевые слова: онтологические, гносеологические и аксиологические предпосылки, цифровой гражданский оборот, гражданско-правовые обязательства, исполнение обязательств, цифровая экономика, гражданское право

The Trinity of Philosophical Projections That Determine the Conceptualization of the Fulfillment of Civil Obligations

The study was funded by an Alfa-Bank grant as part of the Alfa Future. Grants for Teachers program

A. V. Zakharkina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Abstract: *the fulfillment of civil law obligations in the context of new digital realities requires significant scientific and practical reflection. At the same time, digital trends, which can be observed both in Russian legal policy and in legislation, should be evaluated not in isolation, but through the lens of three philosophical projections that determine conceptualization: ontology, epistemology, and axiology. The article notes that empirical and theoretical data about an object require their synchronization through a certain coordinate system, one of which is the philosophical and worldview paradigm that has become popular in legal research. The author emphasizes that studying the fulfillment of civil law obligations through the lens of ontological foundations involves identifying the basic determinants that have led to the emergence of this phenomenon in legal reality. In turn, the epistemological prerequisites for the knowledge of the performance of civil law obligations are nothing more than the accumulated system of knowledge, ideas, and theoretical judgments about the phenomenon being studied. In the context of this research, axiological etiology refers to the value factor that determines*

the modernization of the current legal regulation in the field of civil law obligations. The general conclusion is that understanding the trinity of philosophical projections that determine the conceptualization of the fulfillment of civil law obligations will not only provide insight into the emerging digital novelties, but also allow for the prediction of their likely trends.

Keywords: *ontological, gnoseological, and axiological prerequisites, digital civil circulation, civil law obligations, fulfillment of obligations, digital economy, civil law*

Онтология, гносеология и аксиология являются относительно самостоятельными разделами философии, изучающими разные аспекты взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Уникальность каждого из этих разделов предопределяет возможность формирования всестороннего представления об изучаемом объекте, независимо от его сущности. Концептуализация как специфическая методологическая процедура предполагает выработку концептуальной схемы на основе эмпирических и теоретических данных, позволяющих в совокупности построить модель гражданско-правового обязательства, отражающую его сущностные признаки. Эмпирические и теоретические данные об объекте требуют их синхронизации через ту или иную систему координат, одной из которых является философско-мировоззренческая парадигма, ставшая очень востребованной в правовых научных разработках¹. Интерпретация правовых явлений через онтологические, гносеологические и аксиологические основы отличается большим видовым разнообразием, поскольку познаваемый объект существенно воздействует на модель формирования концептуального представления о нем. Так, изучение исполнения гражданско-правовых обязательств через призму онтологических основ предполагает выяснение базовых детерминант, предопределивших появление в правовой действительности этого феномена. Н. П. Асланян понимает под ними «факторы, вызвавшие его к жизни, оказавшие существенное воздействие на обретение им бытия, обусловившие ту или иную его форму»². При этом в рамках настоящего исследования поставлена задача рассмотреть онтолого-гносеологические основы правового регулирования исполнения гражданско-правовых обязательств не абстрактно, а в конкретных исторических условиях – условиях технологического прогресса, нередко именуемого цифровизацией, активизировавшей законотворческую деятельность.

¹ См., например: Агамиров К. В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 8. С. 20–35; Бублик В. А., Семякин М. Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гносеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 50. С. 705–737; Гильмуллин А. Р. О гносеологических основаниях и проблемах современной доктрины правопонимания // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 19–31; Доля Е. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1 (903). С. 3–8; Львова С. В. Правовая природа красных линий: онтолого-гносеологический аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 9. С. 27–31 и др.

² Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: моногр. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 203.

В этом смысле следует поддержать М. Н. Семякина в высказанном им суждении о том, что «в качестве онтологических оснований этого процесса должны выступать происходящие сегодня в России экономические, организационно-структурные, социально-культурные и другие важнейшие преобразования, тенденции, наметившиеся в правоприменительной практике, а также ряд иных явлений частноправовой действительности, обуславливающие необходимость их законодательного упорядочения, правового регулирования, стимулирования развития в необходимом направлении»³. Интересно заметить, что цифровые новеллы не хаотичны: последовательность позитивации цифровых новелл обусловлена логикой законодателя. Так, создав правовые условия для исполнения гражданско-правовых обязательств при помощи смарт-контракта, законодатель статуйровал цифровые права, а затем их разновидность – цифровые финансовые активы, дифференцированные на четыре вида. Все эти новеллы обусловлены техническими достижениями в IT-сфере, и прежде всего технологией блокчейн.

Существенный вклад в формирование комплексного представления об онтологических и гносеологических основаниях гражданско-правового регулирования в целом внесли В. А. Бублик и М. Н. Семякин. Ученые проанализировали конституирующее значение Гражданского кодекса РФ для формирования в России новой системы хозяйствования, основанной на рыночных принципах, подчеркнув при этом, что между принятием отдельных частей данного акта прошло немало времени и за это время российское общество претерпело существенные изменения. Поэтому принятие в 2008 году Указа Президента РФ № 1108⁴, во исполнение которого была разработана Концепция развития гражданского законодательства РФ⁵, явилось необходимым и актуальным. Однако на момент проведения этой широкомасштабной реформы вопрос о цифровизации гражданского оборота еще не стоял. Заметим, что цифровизация стала частью нашей жизни сравнительно недавно: проникновение цифры в право – тенденция последних десяти лет.

В свою очередь, гносеологические предпосылки познания исполнения гражданско-правовых обязательств есть не что иное, как накопленная система знаний, представлений и теоретических суждений о познаваемом феномене. По мнению Н. П. Асланян, гносеологическими (именуемыми также «мировоззренческими» или «теоретико-познавательными») предпосылками гражданско-правовых явлений выступают их «идеальные, концептуальные основания», то есть «система представлений, взглядов, воззрений, иными словами – идея частного права»⁶. Несколько иной подход к характеристике гносеологических предпосылок познания частноправовых явлений

³ Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 3, № 2. С. 75.

⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014).

⁵ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.

⁶ Асланян Н. П. Указ. соч. С. 33.

отражен в труде В. А. Бублика и М. Н. Семякина. С точки зрения названных ученых, в качестве таких предпосылок выступают не «философские, общенаучные, конкретно-научные, прежде всего юридической науки, знания, а непосредственно законоведение»⁷. На наш взгляд, гносеологическими предпосылками правового регулирования исполнения гражданско-правовых обязательств в условиях технологического прогресса являются пропедевтико-мировоззренческие установки, в совокупности формирующие современное догматическое представление о цифровых элементах в институте исполнения гражданско-правовых обязательств.

Необходимость обстоятельного теоретического исследования норм об обязательствах, именуемых «кровеносной системой гражданского права», существовала всегда. Будучи неотъемлемой частью общей гражданской системы, нормы об обязательствах выступают юридическими правилами обмена материальными благами и отражают степень экономической и, соответственно, юридической культуры конкретного общества. Сегодня цивилистическая наука устремилась в новую научную область – цифровое гражданское право. Этот тренд настолько прочно вошел в «исследовательскую моду», что, пожалуй, в каждом втором цивилистическом труде упоминается цифровая экономика, в которую «врывается» Россия, следуя общемировым тенденциям. Неудивительно в этой связи и появление специальной цифровой терминологии, которой оперируют ученые-юристы. В цифровой терминологический инструментарий входят следующие понятия: цифровой гражданский оборот, цифровизация законодательства, цифровые права, цифровые финансовые активы (ЦФА), цифровая валюта, смарт-контракты и др. Среди перечисленных понятий есть легальные термины, получившие позитивацию в нормах отечественного законодательства, и доктринальные – вошедшие в цивилистический терминологический аппарат в результате многократного использования в научных изысканиях отечественного и зарубежного авторства.

Термин «гражданский оборот» уже прочно вошел в цивилистический терминологический аппарат, имея и устойчивую доктринальную основу, и нормативные предпосылки своей категоризации. Так, законодатель обращает внимание на гражданский оборот в контексте отношений, регулируемых гражданским законодательством (п. 1 ст. 2 ГК РФ⁸), упущенной выгоды (п. 2 ст. 15 ГК РФ), правоспособности юридического лица (п. 4 ст. 49 ГК РФ) и т.д. Кроме того, на основе такого признака, как возможность участия в гражданском обороте, построена классификация объектов гражданских прав, предусмотренная статьей 129 ГК РФ. Примечательно, что в ряде статей законодатель использует вместо словосочетания «гражданский оборот» только его родовой признак – «оборот», что, однако, не свидетельствует об их намеренной дифференциации. Например, согласно пункту 2 статьи 178 ГК РФ, «заблуждение предполагается достаточно существенным... если сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные».

⁷ Бублик В. А., Семякин М. Н. Указ. соч. С. 709.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 24 окт. 1994 г. (в ред. от 10.06.2026).

Доктринальные суждения относительно содержания понятия «гражданский оборот» весьма разнообразны. Чаще всего под ним понимают товарно-денежный обмен имущественными благами на эквивалентно-возмездных началах⁹.

В частноправовой доктрине, посвященной изучению тех или иных цифровых правовых явлений, все чаще встречается термин «цифровой гражданский оборот»¹⁰, анализ которого и является одной из задач настоящего исследования. В ряде случаев он связывается исключительно с новыми объектами гражданских прав, появившимися в результате цифровой модернизации гражданского законодательства. Так, Л. Ю. Василевская, употребляя в своем исследовании термин «цифровой гражданский оборот», совершенно справедливо отмечает, что цифровизация – это новая тенденция в развитии гражданского оборота, актуализация которой сопряжена с появлением новых видов объектов гражданских прав¹¹. Вслед за ней Ю. Н. Белова добавляет, что эта тенденция дополняется стремлением к обеспечению «цифровой всеобщности», то есть касается всех элементов оборота¹².

В аналогичном смысловом ключе построены рассуждения и А. В. Тумакова, предлагающего исходить из характеристики элементов цифрового гражданского оборота, относя к последним объекты, субъектов, ограничения, условия, а также последствия их нарушения. По мнению ученого, цифровой трансформации подверглись в первую очередь объекты и субъекты гражданского оборота, что отчасти повлияло на традиционные правила функционирования гражданского оборота, в том числе ограничило его рамками конкретной информационной системы¹³. Последнее является характерным признаком цифрового гражданского оборота, участие в котором, как отмечает А. В. Тумаков, стало возможным «не выходя из дома»¹⁴.

Нередко термин «цифровой гражданский оборот» употребляют наряду с таким понятием, как киберпространство, ограничивая последнее «цифровыми сделками»¹⁵. К примеру, Т. Г. Мальцева, связывая цифровой гражданский оборот с цифровыми сервисами, справедливо подчеркивает, что для некоторых видов договоров

⁹ См., например: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгало, А. В. Коновалов, П. В. Крашенинников [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 122; Яковлев В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. Л. Маковского / отв. ред.: В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 381.

¹⁰ См., например: Право и виртуальное пространство: моногр. / [Л. Н. Васильева, О. О. Журавлева, П. П. Кабытов и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Проспект, 2025.

¹¹ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 113.

¹² Белова Ю. Н. Правовые аспекты внедрения цифровых технологий в промышленный сектор экономики: вызовы и перспективы // Хозяйство и право. 2025. № 3. С. 66–77.

¹³ Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9–12.

¹⁴ Тумаков А. В. Специфика юридических фактов как основания возникновения прав в отношении цифровых объектов // Гражданское право. 2025. № 4. С. 21–24.

¹⁵ См., например: Бандурина Н. В. Идентификация в наследственных правоотношениях при наследовании цифровых активов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 38–44.

электронная форма сделки является единственно возможной, в том числе для договора, опосредующего каршеринг¹⁶.

Под аксиологической этиологией в контексте настоящего исследования понимается ценностный фактор, являющийся детерминантой модернизации действующего правового регулирования в сфере гражданско-правовых обязательств. При этом выбранный угол зрения весьма специфичен: в фокусе внимания аксиологическая составляющая не гражданско-правовых обязательств самих по себе, ценность которых не ставится под сомнение, а аксиологический фактор цифровой трансформации, влияющей на институализацию гражданско-правовых обязательств. Иными словами, в рамках настоящего исследования показано, как ценность цифровизации влияет на сферу гражданско-правовых обязательств.

Цифровые технологии заметно облегчают нашу жизнь, поэтому мы беспрепятственно «впускаем» их во все сферы своего бытия. Так будет и дальше. Будущее современного государства, по мнению Е. В. Аристова и И. В. Понкина, обусловлено стремлением к цифровому благосостоянию¹⁷. Известно, что средством производства в условиях цифровой среды становятся данные в цифровой форме, которые определяют качество функционирования всех сфер социально-экономической жизни общества, оказывают непосредственное влияние на качество жизни граждан, обеспечивают экономический рост и национальный суверенитет.

В цифровых обязательствах заинтересован широкий круг участников гражданского оборота, что обусловлено рядом факторов, в числе которых и объективные преимущества цифровизации, позволяющие гражданам, юридическим лицам и публично-правовым образованиям реализовывать их частные и публичные интересы, предопределенные разнообразными потребностями.

Таким образом, онтолого-гносеологическими основами правового регулирования исполнения гражданско-правовых обязательств в условиях технологического прогресса выступили экономико-правовые тенденции цифровизации гражданского оборота, связанные с включением достижений, основанных на информационных системах, в те или иные структурные элементы гражданско-правовых обязательств или процесс их исполнения. В качестве аксиологических основ правового регулирования исполнения гражданско-правовых обязательств в условиях цифровой среды предложено понимать способность гражданско-правовых обязательств, осложненных цифровыми элементами, удовлетворять разнообразные потребности и реализовывать частно-публичные интересы членов общества.

Большинство вопросов, затронутых в рамках настоящего исследования, требуют дальнейшего обсуждения и обстоятельной доктринальной проработки, поэтому предложенная статья не претендует на статус последнего слова в дискуссии.

¹⁶ Мальцева Т. Г. Трансформация формы сделок в условиях цифровизации: на примере каршеринга // Право и экономика. 2024. № 8. С. 58–63.

¹⁷ Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2 (68). С. 175–191.

Библиографический список

Агамиров К. В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 8. С. 20–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.096.

Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2 (68). С. 175–191. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

Асланян Н. П. Основные начала российского частного права: моногр. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001.

Бандурина Н. В. Идентификация в наследственных правоотношениях при на- следовании цифровых активов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 38–44.

Белова Ю. Н. Правовые аспекты внедрения цифровых технологий в промыш- ленный сектор экономики: вызовы и перспективы // Хозяйство и право. 2025. № 3. С. 66–77. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-3-66-77.

Бублик В. А., Семякин М. Н. Основные тенденции современного реформирова- ния гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гно- сеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юри- дические науки. 2020. Вып. 50. С. 705–737. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-705-737.

Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юриди- ческой квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119.

Гильмуллин А. Р. О гносеологических основаниях и проблемах современной доктрины правопонимания // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 19–31. DOI: 10.61205/S1605659000305093.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к гла- вам 1, 2, 3 / [Б. М. Гонгало, А. В. Коновалов, П. В. Крашенинников и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014.

Доля Е. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1 (903). С. 3–8.

Львова С. В. Правовая природа красных линий: онтолого-гносеологический ас- пект // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 9. С. 27–31. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-9-27-31.

Мальцева Т. Г. Трансформация формы сделок в условиях цифровизации: на примере каршеринга // Право и экономика. 2024. № 8. С. 58–63.

Право и виртуальное пространство: моногр. / [Л. Н. Васильева, О. О. Журав- лева, П. П. Кабытов и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Проспект, 2025.

Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) // Вестник Челябинского государственного универ- ситета. Серия: Право. 2018. Т. 3, № 2. С. 70–76.

Тумаков А. В. Специфика юридических фактов как основания возникновения прав в отношении цифровых объектов // Гражданское право. 2025. № 4. С. 21–24. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-21-24.

Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9–12. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-6-9-12.

Яковлев В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. Л. Маковского / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 380–395.

Информация для цитирования

Ex jure

Захаркина А. В. Триединство философских проекций, детерминирующих концептуализацию исполнения гражданско-правовых обязательств // Ex jure. 2026. № 3. С. 106–114. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-106-114. EDN KZWWGW

Zakharkina A. V. The Trinity of Philosophical Projections That Determine the Conceptualization of the Fulfillment of Civil Obligations. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 106–114. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-106-114. EDN KZWWGW

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.37

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-115-128

<https://elibrary.ru/ywqisw>

EDN YWQISW

Проблемы квалификации преступлений в сфере манипулирования рынком цифровых активов

М. А. Ефремова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии

Казанский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
420126, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, 14

E-mail: crimlaw16@gmail.com

А. А. Нагорный

Прокурор

Прокуратура Железнодорожного района
432035, Россия, г. Ульяновск, пр-т Гая, 59/2а

E-mail: alexandernagornyy1991@mail.ru

Аннотация: на основе анализа судебной практики США, Сингапура, Гонконга, Казахстана и правовых позиций Конституционного Суда РФ авторы исследуют правовой статус криптовалюты и NFT для целей уголовной ответственности по статье 185.3 Уголовного кодекса РФ. Обосновывается вывод, что в действующем российском законодательстве цифровая валюта

© Ефремова М. А., Нагорный А. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и невзаимозаменяемые токены не являются ни товарами, ни финансовыми инструментами, в связи с чем не могут выступать предметом манипулирования рынком, и это создает сложности для правоприменения. Авторы выделяют основные схемы преступных деяний в сфере криптоактивов, включая искусственное завышение цены, инсайдерскую торговлю и создание финансовых пирамид. Отмечается, что в отсутствие специального регулирования суды идут по пути квалификации таких действий как мошенничества (ст. 159 УК РФ). В заключение утверждается необходимость дальнейшей регламентации оборота цифровых активов и внесения изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: цифровая валюта, имущество, манипулирование рынком, уголовная ответственность, криптовалюта, блокчейн

Problems of Qualifying Crimes in the Field of Digital Asset Market Manipulation

M. A. Efremova

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
14, Fatykha Amirkhan st., Kazan, 420126, Republic of Tatarstan

E-mail: crimlaw16@gmail.com

A. A. Nagorny

Prosecutor's Office of the Zheleznodorozhny District
59/2a, Gaya prospect, Ulyanovsk, 432035, Russia

E-mail: alexandernagorny1991@mail.ru

Abstract: *based on an analysis of international judicial practice (USA, Singapore, Hong Kong, Kazakhstan) and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors examine the legal status of cryptocurrency and NFTs for the purposes of criminal liability under Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. They conclude that, under current Russian legislation, digital currency and non-fungible tokens are neither financial instruments nor goods, and therefore cannot be subject to market manipulation, which creates difficulties for law enforcement. The authors identify the main criminal schemes in the cryptoasset sector, including artificially inflated prices, insider trading, and the creation of financial pyramids. It is noted that, in the absence of specific regulation, the courts are classifying such actions as fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). The conclusion substantiates the need for further regulation of digital asset circulation and amendments to criminal legislation.*

Keywords: digital currency, property, market manipulation, criminal liability, cryptocurrency, blockchain

По данным аналитиков, капитализация криптовалютного рынка в 2025 году превысила 4 трлн долларов США. За отчетный период зафиксирован значительный рост пользовательской активности на рынке цифровых активов. Число владельцев мобильных криптокошельков увеличилось на 20 %, что свидетельствует о растущей тенденции к использованию мобильных устройств для управления цифровыми активами. Параллельно с этим общая глобальная аудитория владельцев цифровых активов достигла отметки в 716 млн человек, подтверждая переход криптоиндустрии в категорию мейнстрим-технологий¹. Однако вопрос о правовом статусе криптовалюты, решение которого уже пытается предложить правоприменитель, в нашей стране и большинстве зарубежных стран остается открытым.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что качества цифровых валют в сочетании с придаваемыми им в экономическом обороте функциями приводят к тому, что, несмотря на виртуальные формы, в которые они облечены, обладание ими наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием. И хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать ее как объект гражданских прав² – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса³ РФ. Таким образом, возможности легального приобретения и использования криптовалюты свидетельствуют о том, что обладание криптовалютой позволяет рассматривать связанные с ней правоотношения как отношения собственности. Зачастую суды рассматривают цифровую валюту как разновидность имущества⁴.

Интересен, ввиду сказанного, зарубежный опыт. Так, например, в июне 2024 года Федеральным окружным судом США Южного округа Флориды вынесен приговор в отношении бывшего главы финансового инжиниринга компании Hydrogen Technology Шейна Хэмптона и бывшего генерального директора Майкла Кейна, обвиняемых в мошенничестве с применением электронных средств связи для манипулирования рынком криптоактивов. Кейн и Хэмптон наняли стороннюю фирму Moonwalkers Trading Limited для манипулирования ценой токенов HYDRO на криптовалютной бирже путем использования бота – автоматического торгового приложения, позволившего в период с октября 2018 года по апрель 2019-го наводнить рынок фиктивными мошенническими заказами на сумму более 300 млн долларов. В результате

¹ В 2025 году крипторынок стал зрелым и глобальным – отчет a16z. URL: <https://ru.coingecko.com/news/v-2025-godu-kriptorynok-stal-zrelym-i-global-nym-otcet-a16z>.

² По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: постановление Конституционного Суда РФ № 2-П.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 10.06.2026).

⁴ См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 окт. 2024 г. № Ф03-4600/2024 по делу № А51-21353/2021; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 дек. 2023 г. № 77-5316/2023; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2023 г. № 11АП-669/2023 по делу № А65-18296/2021.

совершения сделок обманным путем розничные инвесторы приобретали токены, будучи уверены в наличии на них реального рыночного спроса. Вследствие искусственно завышенной цены криптовалюты Кейн и Хэмптон получили от продажи токенов около 2 млн долларов за десять месяцев⁵.

Примечательно, что в приведенном случае криптовалюта впервые была признана ценной бумагой, а манипулирование с ценами на такие криптоактивы квалифицировано как мошенничество. Как следует из документов обвинения, ценная бумага рассматривается как широкий спектр инвестиционных инструментов, включая «инвестиционные контракты» (транзакции), через которые человек инвестировал деньги в общее предприятие и разумно ожидал прибыли или доходов, полученных от предпринимательских или управленческих усилий других⁶.

Данный вывод основан на судебном прецеденте, созданном Верховным Судом США при рассмотрении в 1946 году дела SEC⁷ против W. J. Howey Co, по результатам которого был сформулирован тест Хауи, устанавливающий критерии, в соответствии с которыми инвестиционный контракт признается ценной бумагой: инвестиция денег (1) в общее предприятие (2), ожидание прибыли (3) от действий третьих лиц (4)⁸.

Путем использования данного теста SEC рассматривает большинство крипто-токенов как инвестиционные контракты⁹.

Как было отмечено в опубликованном 25 июля 2017 года отчете SEC о расследовании на предмет соблюдения The DAO Закона о фондовом рынке 1934 г. (Securities Exchange Act of 1934) в связи с выпуском криптоактивов, при анализе того, является ли что-то ценной бумагой, форма должна быть проигнорирована в пользу сущности и акцент должен быть сделан на экономических реалиях, лежащих в основе сделки, а не на названии, к которому это относится¹⁰. К аналогичному выводу пришел суд при рассмотрении в 1990 году дела *Reves* против *Ernst & Young*, указавший, что цель принятия законов о ценных бумагах заключалась в регулировании инвестиций, в какой бы форме они ни были сделаны и как бы ни назывались¹¹. В последующем, основываясь на выводах своего отчета, SEC сформировала практику признания

⁵ Two Men Sentenced for Orchestrating Multimillion-Dollar Cryptocurrency Securities Fraud and Wire Fraud Schemes. URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/two-men-sentenced-orchestrating-multimillion-dollar-cryptocurrency-securities-fraud-and-wire>.

⁶ Case 1:23-cr-20172-KMW. United States of America v. Michael Kane, Shane Hampton, and George Wolvaardt. URL: <https://gulovsen.io/wp-content/uploads/2023/04/23275326-0-82153.pdf>.

⁷ Securities and Exchange Commission, SEC – Комиссия по ценным бумагам и биржам США.

⁸ SEC v. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/#298>.

⁹ Kennedy and Crypto. Chair Gary Gensler. Sept. 8, 2022. URL: https://www.sec.gov/newsroom/speeches-statements/gensler-sec-speaks-090822#_ftn6.

¹⁰ Securities and exchange commission securities exchange act of 1934 Release No. 81207 / July 25, 2017 Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. URL: <https://www.sec.gov/files/litigation/investreport/34-81207.pdf>.

¹¹ *Reves* против *Ernst & Young*, 494 U.S. 56, 61. 1990. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/494/56/>.

криптовалюты ценными бумагами и наложения штрафов в отношении компаний за нарушение законодательства о порядке распространения и эмиссии таких активов¹².

В то же время SEC неоднократно подтверждала свою позицию об отсутствии у биткоина статуса ценной бумаги ввиду его несоответствия критериям теста Хауи в части наличия общего предприятия, эмитента и учредителя, поскольку данная криптовалюта является децентрализованной и ее работа обеспечивается всеми участниками блокчейна¹³. Сходное определение биткоина приводится в решениях судебных органов США¹⁴. К примеру, в постановлении суда Южного округа Нью-Йорка от 29 августа 2023 г. об отклонении коллективного иска заинтересованных лиц к Uniswap – децентрализованному сервису для обмена и торговли криптоактивами, функционирующему без центрального посредника (биржи) на основе смарт-контрактов, – об аннулировании контрактов на покупку мошеннических токенов, поскольку их продажа осуществлялась на незарегистрированной бирже, судья пришла к выводу, что криптовалюта блокчейн-платформы Ethereum (ETH) является товаром, а не ценной бумагой. При этом суд отметил, что законодательными органами и судебными инстанциями не сформировано окончательного мнения относительно признания криптовалюты ценными бумагами, товарами или другими активами¹⁵.

Таким образом, правовой статус криптовалюты в США остается неоднозначным, как и в других государствах. К примеру, решением суда Гонконга от 31 марта 2023 г. криптовалюта признана собственностью¹⁶; в Сальвадоре на законодательном

¹² См., например: Case 1:19-cv-09439-PKC United States District Court Southern District of New York. Security and Exchange commission, against Telegram Group Inc. and Ton Issuer Inc. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nysd.524448/gov.uscourts.nysd.524448.227.0.pdf>; иски Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) против Block.one в 2017 г. и против Thor Technologies в 2022 г. URL: <https://www.sec.gov/enforcement-litigation/litigation-releases/lr-25599>; <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2019-202>.

¹³ Теткин М. SEC: Bitcoin не является ценной бумагой. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5d9af0679a794715736aec27>; SEC Chair Gary Gensler discusses potential crypto regulation and stablecoins. URL: <https://www.cnbc.com/video/2022/06/27/sec-chair-gary-gensler-discusses-potential-crypto-regulation-and-stablecoins.html>.

¹⁴ См., например: United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit. № 22-1142. Grayscale Investments, LLC, v. Securities and Exchange Commission. URL: <https://www.uschamber.com/assets/documents/Opinion-Grayscale-Investments-LLC-v.-SEC-D.C.-Circuit.pdf>. Согласно решению Апелляционного суда США по округу Колумбия от 7 марта 2023 г., биткоины являются криптовалютой, видом цифрового «токена», который может быть использован для оплаты товаров и услуг напрямую или обмена на традиционные валюты. Биткоин не отслеживается через банковские книги, как традиционные валюты. Вместо этого транзакции с биткоинами записываются в блокчейне, поддерживаемом децентрализованной компьютерной сетью.

¹⁵ Case 1:22-cv-02780-KPF. United States District Court Southern District of New York. Nessa Risley, James Freeland, Robert Scott, Annie Venesky, Andrew Cardis, and Dean Meyers, individually and on behalf of all others similarly situated, v. Universal navigation INC., d/b/a Uniswap Labs, Hayden Z. Adams, Paradigm operations LP, AH Capital management, L.L.C., d/b/a Andreessen Horowitz, union square ventures, LLC, and Uniswap foundation. URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nysd.577791/gov.uscourts.nysd.577791.90.0.pdf>.

¹⁶ HCCW 18/2019 [2023] HKCFI 914. Companies (winding-up) proceedings no 18 of 2019 in the matter of gatecoin limited (in liquidation) and in the matter of the Companies (Winding up and Miscellaneous Provisions) Ordinance (Cap. 32). URL: https://legalref.judiciary.hk/lrs/common/ju/ju_frame.jsp?DIS=151622.

уровне за криптовалютой закреплён статус официального платежного средства¹⁷; в Швейцарии при отсутствии специального нормативного регулирования криптовалют рассматривается как актив и её правовое положение определяется в зависимости от внутреннего содержания¹⁸.

Ожидается, что в текущем году будут легализованы торги криптовалютой. Такая инициатива подготовлена Банком России по поручению президента¹⁹. А в 2027 году планируется внесение в Кодекс административных правонарушений и Уголовный кодекс Российской Федерации соответствующих поправок, которые бы устанавливали ответственность за нелегальный оборот криптоактивов²⁰.

В контексте изложенного одним из дискуссионных вопросов оказывается возможность признания криптовалют в качестве предмета преступления, предусмотренного статьёй 185.3 УК РФ (манипулирование рынком)²¹. Как отметил Конституционный Суд РФ, норма статьи 185.3 является бланкетной и подлежит применению в системной связи с положениями законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в том числе с учетом методических рекомендаций Банка России, определяющих критерии финансовых нарушений²².

Понятие финансового инструмента раскрывается в статье 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», где он определяется как «ценная бумага или производный финансовый инструмент». Определение иностранной валюты приводится в статье 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Под товаром в статье 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному

¹⁷ Case 1:22-cv-02780-KPF. United States District Court Southern District of New York. Nessa Risley, James Freeland, Robert Scott, Annie Venesky, Andrew Cardis, and Dean Meyers, individually and on behalf of all others similarly situated, v. Universal navigation INC., d/b/a Uniswap Labs, Hayden Z. Adams, Paradigm operations LP, AH Capital management, L.L.C., d/b/a Andreessen Horowitz, union square ventures, LLC, and Uniswap foundation. URL: https://www.kandslaw.com/wp-content/uploads/sites/499/2023/02/KandSLaw_0046_09-27-2022_FIRST-AMENDED-COMPLAINT_Full.pdf. In a world first, El Salvador makes bitcoin legal tender. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/el-salvador-approves-first-law-bitcoin-legal-tender-2021-06-09/>.

¹⁸ Crypto regulations in Switzerland 2025. URL: <https://rue.ee/crypto-regulations/switzerland/>.

¹⁹ Новый экспериментальный режим для сделок с криптовалютами. Банк России в соответствии с поручением Президента России направил для обсуждения в Правительство предложения о регулировании инвестиций в криптовалюты (цифровые валюты). URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=23448>.

²⁰ Мордовина М., Кошкина Ю. ЦБ запланировал легализовать торги криптовалютой в 2026 году. URL: <https://www.rbc.ru/finances/09/10/2025/68e7628b9a7947774ac7a523>.

²¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 09.04.2026).

²² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Люлинского Артема Хаимовича на нарушение его конституционных прав статьёй 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части 1 и частью 2 статьи 5 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 817-О.

использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» понимаются «вещи, за исключением ценных бумаг, которые допущены к торговле на организованных торгах на территории Российской Федерации или в отношении которых подана заявка о допуске к торговле на указанных торгах». Исходя из положений приведенных законов цифровая валюта не является ни финансовым инструментом, ни товаром, а следовательно, предметом преступления, предусмотренного статьей 185.3 УК РФ, она выступать не может.

Однако, как было сказано нами выше, в 2026 году планируется принятие законодательства об инвестировании в криптовалюты, а в 2027-м – внесение соответствующих поправок в КоАП РФ и УК РФ²³. В настоящее время финансовые организации могут предлагать квалифицированным инвесторам производные финансовые инструменты, ценные бумаги и ЦФА, доходность которых привязана к стоимости криптовалюты при условии соблюдения запрета на фактическую поставку криптовалют²⁴. Так, с июня 2025 года на Московской бирже производятся торги фьючерсов на акции фонда iShares Bitcoin Trust от BlackRock, отслеживающих динамику цены биткоина²⁵; для торговли квалифицированными инвесторами Сбербанк первым выпустил облигации, привязанные к стоимости биткоина в рублях²⁶.

Между тем, несмотря на планируемые изменения уголовного законодательства, ожидать широкого правоприменения статьи 185.3 УК РФ в сфере манипулирования рынком криптовалюты, на наш взгляд, не стоит, учитывая динамику предыдущих лет. Это связано как со сложностью доказывания таких уголовно наказуемых деяний, предполагающих обманный механизм совершения преступления, так и с «двойной материальностью последствий»²⁷. Одновременно с этим весьма непростая конструкция статьи 185.3, обусловленная ее бланкетным характером, на практике может приводить к конкуренции с нормами об ответственности за хищение²⁸.

Как отмечает И. А. Клепицкий, по российскому уголовному законодательству манипуляция рынком соответствует всем критериям мошенничества и выходит за его пределы лишь при ее совершении без цели получения имущественной выгоды и когда убытки не являются потерей денег или другого имущества (например, прибыль, косвенные убытки), в связи с чем правило о манипуляции рынком применяется, когда

²³ Мордовина М., Кошкина Ю. Указ. соч.

²⁴ Информационное письмо Банка России о совершении операций с отдельными финансовыми инструментами и цифровыми финансовыми активами от 28 мая 2025 г. № ИН-018-52/86. URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10035>.

²⁵ Как россияне могут легально инвестировать в криптовалюту в 2025 году. URL: <https://sber-sova.ru/sections/invest/kak-rossiyane-mogut-legalno-investirovat-v-kriptovalyutu-v-2025-godu>.

²⁶ Кузьмичева А. «Сбер» разместил на Мосбирже привязанные к биткоину облигации. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6895e28b9a7947566b0699e0>.

²⁷ Ляскало А. Н. Уголовная ответственность за манипулирование рынком: новая судебная практика // Уголовное право. 2025. № 3 (175). С. 29–38.

²⁸ Лифшиц И. М., Яни П. С. Уголовная ответственность за манипулирование рынком по праву России и Европейского союза // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 772.

нет никаких признаков мошенничества²⁹. По такому же пути квалификации неправомерных действий по манипулированию с ценообразованием на криптоактивы идут судебные органы зарубежных стран. К примеру, в США суды, хотя и используют формулировки «манипуляция рынком ценных бумаг», действия злоумышленников по созданию искусственных условий для завышения их стоимости квалифицируют как мошеннические.

По результатам проведенного нами анализа судебных решений в рассматриваемой сфере считаем возможным выделить несколько основных схем преступных деяний.

1. Искусственное придание инвестиционной привлекательности криптоактивам.

Например, в июне 2025 года окружным судом Бостона штата Массачусетс США Алексей Андрюнин был признан виновным в мошенничестве с использованием электронных средств связи и манипулировании рынком³⁰. Согласно обвинению Андрюнин являлся создателем и руководителем компании Gotbit Consulting LLC (Gotbit), осуществляющей маркетинг в криптоиндустрии. В период с 2018 по 2024 год Gotbit предоставляла услуги по манипулированию рынком и вош-трейдингу криптовалютным компаниям, состоящие в ложных заявлениях о своих криптовалютах и совершении фиктивных сделок с ними с целью создания видимости торговой деятельности и придания криптоактивам статуса выгодных инвестиций. Такая обманчивая тактика привлекла новых инвесторов и покупателей, что вызвало рост торговых цен на токены. После этого Андрюнин в составе группы лиц продали свои токены по искусственно завышенным ценам³¹.

21 мая 2025 года суд Восточного округа Нью-Йорка признал бывшего генерального директора криптовалютной компании SafeMoon Брейдена Джона Карони виновным в сговоре с целью совершения мошенничества с ценными бумагами, в мошенничестве с использованием электронных средств связи и отмывании денежных средств³². Финансовая модель компании предполагала обеспечение доступа инвесторов к пулу ликвидности криптоактивов, предназначенному для мгновенного, без участия посредников, обмена криптовалютой через использование смарт-контрактов, со взиманием 10 %-ной платы за транзакции, половина которой должна была перераспределяться между держателями токенов, а половина – оставаться в пуле ликвидности для дальнейшей торговли. Вместо этого

²⁹ Klepitskij I. Market Manipulation in Russia and in Europe: The Criminal Law Dimension // Russian Law Journal. 2016. Vol. 4, № 3. Pp. 120–135.

³⁰ Cryptocurrency Financial Services Firm “Gotbit” and Founder Sentenced for Market Manipulation and Fraud Conspiracy. URL: https://www.justice.gov/usao-ma/pr/cryptocurrency-financial-services-firm-gotbit-and-founder-sentenced-market-manipulation?utm_source=Securitylab.ru.

³¹ Eighteen Individuals and Entities Charged in International Operation Targeting Widespread Fraud and Manipulation in the Cryptocurrency Markets. URL: <https://www.justice.gov/usao-ma/pr/eighteen-individuals-and-entities-charged-international-operation-targeting-widespread>.

³² Chief Executive Officer of Digital Asset Company Found Guilty in Multi-Million Dollar Crypto-Fraud Scheme. URL: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/chief-executive-officer-digital-asset-company-found-guilty-multi-million-dollar-crypto>.

Карони при помощи криптокошельков и анонимных транзакций переводил указанную комиссию на свои счета и в дальнейшем легализовал денежные средства, общая сумма которых составила около 9 млн долларов, путем приобретения автомобилей и недвижимости³³.

2. Незаконное использование конфиденциальной информации или опубликование заведомо ложных сведений о криптоактивах.

В 2023 году Ишан Вахи был приговорен судом Южного округа Нью-Йорка к двум годам лишения свободы по обвинению в инсайдерской торговле криптоактивами. Состоя в должности менеджера группы активов и инвестиционных продуктов торговой площадки Coinbase, Вахи имел доступ к конфиденциальной информации о планируемых к размещению на бирже для последующих торгов криптоактивах. После публикации Coinbase объявления о криптоактивах, которые будут выставлены на торги, их рыночная стоимость значительно возросла. Обладая данными сведениями в период с июня 2021 года по апрель 2022-го, Вахи передавал указанную конфиденциальную информацию своим сообщникам, которые, используя анонимные кошельки Ethereum, приобретали определенные криптоактивы накануне публичного объявления о них Coinbase. В результате ими было приобретено 25 криптоактивов, которые после увеличения их стоимости на торгах были проданы, что привело к извлечению мошенниками дохода в размере 1,5 млн долларов³⁴.

16 мая 2025 года федеральный суд округа Колумбия приговорил Эрика Каунсила-младшего к четырнадцати месяцам тюремного заключения по обвинению в заговоре с целью совершения кражи личных данных и мошенничества с доступом к устройствам. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, в конце 2023 года – начале января 2024-го Комиссия по ценным бумагам и биржам США обсуждала вопрос об одобрении или отказе в одобрении биржевых фондов, торгуемых на основе биткойна, и это решение могло повлиять на цену криптовалюты. 9 января 2024 года Каунсил взломал аккаунт SEC в Твиттере* и от имени ее председателя опубликовал сообщение следующего содержания: «Сегодня SEC предоставляет одобрение для #Bitcoin ETF для листинга на всех зарегистрированных национальных фондовых биржах». После этого на всей территории Соединенных Штатов был зафиксирован рост

³³ Case 2:22-cv-00642-DBB-JCB. The United States District Court. Mark Combs, Vlad Iacob, and Benjamin Northey, Individually and on Behalf of All Others Similarly Situated, Plaintiffs, v. Safemoon LLC, Safemoon US, LLC, Safemoon Connect, LLC, Tano LLC, Safemoon LTD, Safemoon Protocol LTD, Safemoon media group LTD, Braden John Karony, Jack Haines-Davies, Henry “Hank” Wyatt, Jake Paul, Kyle Nagy, DeAndre Cortez Way, Ben Phillips, Miles ParkS McCollum, Thomas Smith and Daniel M. Keem. URL: <https://scott-scott.com/wp-content/uploads/2021/04/2022-10-31-Safemoon-Corrected-Complaint.pdf>.

³⁴ United States district court southern district of New York. United States of America v. Ishan Wahi, Nikhill Wahi, and Sameer Ramani. Sealed Indictment, 22 cr. (18 U.S.C. 1334, 1349, 2). URL: [us_v_ishan_wahi_et_al_indictment_redacted.pdf](https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/former-coinbase-insider-pleads-guilty-first-ever-cryptocurrency-insider-trading-case); Former Coinbase Insider Pleads Guilty in First-Ever Cryptocurrency Insider Trading Case. URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/former-coinbase-insider-pleads-guilty-first-ever-cryptocurrency-insider-trading-case>.

* Социальная сеть, заблокированная Роскомнадзором на территории Российской Федерации с 4 марта 2022 года.

стоимости биткоина на 1 тыс. долларов. Вскоре несанкционированный пост был удален SEC, после чего цена криптовалюты снизилась на 2 тыс. долларов за биткоин³⁵.

3. Создание финансовых пирамид с использованием криптовалюты.

Федеральный суд Южного округа Нью-Йорка 8 мая 2025 года признал Александра Машинского виновным в мошенничестве с криптоактивами и манипуляции их ценой и приговорил его к двенадцати годам лишения свободы³⁶. Согласно материалам дела, в период с 2018 года по июнь 2022-го Машинский вместе с сообщниками организовали схему обмана клиентов созданной ими криптовалютной компании Celsius Network LLC и связанных с ней организаций путем завышения цены собственных токенов Celsius – CEL. Машинский вводил клиентов в заблуждение относительно прибыльности Celsius, представлял компанию как современный банк, где клиенты могут безопасно вкладывать криптоактивы и зарабатывать проценты. При этом фактически компания представляла собой финансовую пирамиду, в которой сумма привлекаемых денежных средств не позволяла удовлетворять требования кредиторов о выплате им денежных вознаграждений. Машинский публично делал заведомо ложные заявления, что Celsius возвращала 80 % своих доходов клиентам в виде еженедельных выплат, удерживая оставшиеся 20 % для финансирования собственной деятельности и в качестве прибыли. Однако на деле выплаты вознаграждений Celsius за 2021 год составили примерно 120 % ее дохода, в силу чего платформа выплатила своим клиентам больше, чем заработала. Кроме того, Машинский с сообщниками манипулировали ценой криптоактивов, заставляя инвесторов покупать у них CEL по завышенным ценам и в дальнейшем продавая их. В результате описанных манипуляций Машинский получил около 42 млн долларов от продажи криптовалюты. 12 июня 2022 года Celsius объявила, что приостанавливает все выводы средств клиентов с платформы, из-за чего те оказались лишены доступа к принадлежащим им 4,7 млрд долларов в криптоактивах и не смогли их вывести. В итоге 13 июля 2022 года Celsius подала заявление о банкротстве³⁷.

За совершение преступного деяния по сходной схеме приговором районного суда № 2 Бостандыкского района г. Алматы Республики Казахстан трое обвиняемых признаны виновными в создании и руководстве финансовой пирамидой с привлечением денежных средств граждан в особо крупном размере (п. 2 ч. 3 ст. 217 Уголовного

³⁵ Alabama Man Sentenced in Hack of SEC X Account that Spiked the Value of Bitcoin. URL: <https://www.justice.gov/usao-dc/pr/alabama-man-sentenced-hack-sec-x-account-spiked-value-bitcoin/>; United States District Court for the District of Columbia. United States of America v. Eric Council Jr., Also known as “Ronin”, Also known as “AGiantSchnauzer”, Also known as “@Easymunny”. Case: 1:24-cr-00457. URL: <https://www.justice.gov/usao-dc/media/1373721/dl?inline>.

³⁶ Alex Mashinsky of cryptocurrency firm Celsius Network sentenced to 12 years. Founder and former CEO of bankruptcy lender pleaded guilty in December to securities and commodities fraud. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/may/08/cryptocurrency-alex-mashinsky-sentenced>.

³⁷ Case 1:23-cr-00347-UA. United States District Court Southern District of New York. United States of America v. Alexander Mashinsky and Roni Cohen-Pavon. URL: <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2023/07/alexander-mashinsky-indictment.pdf>.

кодекса Республики Казахстан)³⁸; приговором Лондонского суда гражданка Китая признана виновной в приобретении и хранении преступного имущества, полученного в виде криптовалюты от 128 тыс. обманутых инвесторов на общую сумму более 5 млрд фунтов³⁹; приговором Пресненского районного суда г. Москвы от 24 июня 2025 г. гражданка Федякина В. С. осуждена по части 4 статьи 159 УК РФ за организацию привлечения денежных средств граждан на приобретение криптовалюты с последующим выводом активов в зарубежные страны и их хищением.

Заметим, однако, что если практика квалификации преступных деяний в отношении криптовалюты получила более или менее репрезентативный вид, то вопрос о признании предметом преступлений невзаимозаменяемых токенов (Non-Fungible Token, NFT) до настоящего времени разрешения не нашел. Вследствие этого при растущих объемах осуществляемых с ними денежных операций судебные прецеденты в сфере манипулирования рынком NFT остаются единичными.

При этом в правоприменительной практике США можно наблюдать случаи как признания, так и непризнания NFT ценными бумагами в соответствии с тестом Хауи. К примеру, 22 февраля 2023 года, в рамках подготовки к рассмотрению коллективного иска к канадской компании Dapper Labs в связи с реализацией ею на блокчейн-платформе Flow NFT-коллекции NBA Top Shot – цифровых видеоклипов знаковых моментов национальной баскетбольной лиги – без подачи регистрационного заявления в SEC, федеральный суд Южного округа Нью-Йорка высказал суждение о том, что данные токены являются ценными бумагами. Во-первых, обеими сторонами не оспаривается факт наличия инвестиций путем приобретения токенов; во-вторых, плата за приобретение NFT-коллекций используется платформой в том числе для поддержания функционирования блокчейна, то есть имеются признаки совместного предприятия; в-третьих, токены, являясь невзаимозаменяемыми, имеют различную ценность в зависимости от серийного номера или момента, представленного в NFT (как произведение искусства), а кроме того, от успеха платформы Dapper Labs, поскольку токены не могут быть проданы или обменены вне данной торговой площадки, а все, чем владеет покупатель коллекции, «это строка кода, записанная на блокчейне, так как никакие другие права на использование или отображение изображения не передаются... <...> Если гипотетически Dapper Labs прекратит свое существование и закроет платформу, ценность всех токенов упадет до нуля»⁴⁰. В другом случае Центральный районный суд Калифорнии не признал NFT-коллекцию членских

³⁸ Суд Алматы вынес приговор фигурантам дела о финансовой пирамиде OneCoin в Казахстане. URL: <https://vlast.kz/kz/novosti/65917-sud-almaty-vynes-prigovor-figurantam-dela-o-finansovoj-piramide-onecoin-v-kazahstane.html>.

³⁹ Rohit D. £5bn Bitcoin Heist Busted: Chinese Fraudster Zhimin Qian Confesses in UK – World's Largest Crypto Seizure Shocks. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/5bn-bitcoin-heist-busted-chinese-fraudster-zhimin-qian-confesses-uk-worlds-largest-crypto-1745966>.

⁴⁰ Case 1:21-cv-05837-VM. United States District Court of Southern District of New York. Jeeun Friel, Individually and on behalf of all others similarly situated, Plaintiff, – Dapper Labs, Inc. and Rohan Gharegozlou. URL: <https://assets.bwbx.io/documents/users/iqjWHBFdfxIU/rNvujR8TxH8/v0>.

билетов в эксклюзивный клуб Bored Ape Yacht Club ценными бумагами, поскольку по критериям теста Хауи они не связаны с инвестициями и получением прибыли, при том что могут торговаться на публичных платформах⁴¹.

21 октября 2022 года Высокий суд Сингапура, используя выработанные по иному судебному прецеденту критерии Эйнсворт, в рамках судебного разбирательства по иску Janesh s/o Rajkumar к CHEFPIERRE признал NFT объектами собственности⁴².

Примечательно, что 31 июля 2025 года апелляционным судом Манхэттена был отменен приговор суда первой инстанции по обвинению Натаниэля Честейна в мошенничестве с использованием электронных средств и отмывании денег. Согласно позиции обвинения, Честейн, работая менеджером в OpenSea, являющейся онлайн-площадкой по торговле NFT, с июня по сентябрь 2021 года, используя конфиденциальную информацию о том, какие NFT будут размещены на главной странице данной платформы, при помощи анонимных кошельков и аккаунтов тайно приобрел около 15 токенов накануне их публикации, а после их размещения на площадке продал по цене, превысившей их первоначальную стоимость в несколько раз. В результате указанных манипуляций Честейн получил около 57 тыс. долларов⁴³. Отменяя судебное решение, апелляционная инстанция указала, что используемая Честейном конфиденциальная информация не представляла коммерческой ценности для OpenSea, а потому не могла быть квалифицирована как собственность в соответствии с законом о мошенничестве с использованием средств связи. В рассматриваемом деле NFT не являлись ни ценными бумагами, ни товарами, вследствие чего не имели связи с финансовыми рынками, а значит, использование каких-либо сведений об их обороте не может быть признано инсайдерской торговлей⁴⁴.

По нашему мнению, выработка единообразного и унифицированного правового регулирования NFT является сложно выполнимой задачей, поскольку их правовой статус в каждом отдельно взятом случае будет зависеть от способа управления платформой (децентрализованные или централизованные) и их внутреннего содержания (объем и вид предоставляемых прав), определяемого смарт-контрактом.

В российском законодательстве оборот NFT прямо не урегулирован, хотя и не запрещен. Отдельные элементы невзаимозаменяемых токенов содержатся в цифровых

⁴¹ Case 2:22-cv-08909-FMO-PLA. Adonis Real and Adam Titcher, Individually and on behalf of all others similarly situated. URL: <https://www.cacd.uscourts.gov/clerk-services>.

⁴² Janesh s/o Rajkumar v Unknown Person ("CHEFPIERRE"). General Division of the High Court – Originating Claim No 41 of 2022 (Summons No 1800 of 2022) Lee Seiu Kin J13 May 2022. URL: <https://www.judiciary.gov.sg/judgments/case-briefs-by-smu/janesh-s-o-rajkumar-v-unknown-person>.

⁴³ In the United States Court of Appeals for the second circuit. August Term 2024 № 23-7038, United States of America v. Nathaniel Chastain, Defendant-Appellant. URL: <https://www.ca2.uscourts.gov/>.

⁴⁴ Примечательна позиция судебного органа, согласно которой закон о мошенничестве с использованием проводных средств охватывает только традиционные имущественные интересы. При этом не вся информация, хранящаяся в режиме конфиденциальности, квалифицируется как имущество. Конфиденциальная информация, не имеющая связи с экономическим принятием решений, не квалифицируется как традиционный имущественный интерес.

правах, цифровой валюте, бездокументарных ценных бумагах. Исходя из анализа положений статей 128, 141.1 ГК РФ, NFT сегодня можно рассматривать как иное имущество, поскольку их собственник вполне определяем и они имеют экономическую ценность, так как реализуются на открытых торговых площадках по публично объявляемому курсу. При этом, как и цифровая валюта, предметом преступления по статье 185.3 УК РФ NFT не являются, однако могут выступать предметом отдельных преступлений против собственности. По такому пути и идет правоприменительная практика иностранных государств⁴⁵.

В заключение следует подчеркнуть, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих осуществлять мгновенный обмен информацией, создало новую коммуникативную среду вне географических и временных рамок, в которой привычные нам объекты материального мира представлены в цифровой форме. При этом правовое регулирование таких цифровых активов детализации в правовых актах не получило, в связи с чем нуждается в дальнейшей регламентации. Введенные в гражданское законодательство объекты гражданских прав, представленные цифровыми правами и цифровой валютой, только частично узаконили сложившиеся общественные отношения по поводу виртуальных объектов, оборот которых к тому же чаще всего совершается в информационных системах, не подпадающих под государственную юрисдикцию.

Несмотря на это, правоприменительной практикой постепенно формируется позиция о правовом режиме цифровых объектов и блокчейне как месте их фиксации. Можно прогнозировать создание в ближайшей перспективе судебных прецедентов по рассмотрению виртуальных активов в качестве объекта имущественных прав, особенно ввиду наличия у них экономического и юридического признаков. При этом приведенные в настоящей статье отдельные примеры решения вопроса о статусе цифровых активов должны быть учтены в процессе поиска оптимальных способов, соответствующих целям и задачам государственной экономической политики правового регулирования цифровых объектов гражданского оборота.

Библиографический список

Лифшиц И. М., Яни П. С. Уголовная ответственность за манипулирование рынком по праву России и Европейского союза // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 5. С. 764–776. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).764-776.

Ляскало А. Н. Уголовная ответственность за манипулирование рынком: новая судебная практика // *Уголовное право*. 2025. № 3 (175). С. 29–38. DOI: 10.52390/20715870_2025_3_29.

⁴⁵ См., например, дело *United States v. Redman* (1:25-cr-00129), District Court, E.D. Virginia, в рамках которого Кэмерон Редман признан виновным в мошенничестве с использованием электронных средств и краже личных данных при хищении криптовалюты и NFT. URL: <https://www.courtlistener.com/docket/70955184/united-states-v-redman/>.

Klepitskij I. Market Manipulation in Russia and in Europe: The Criminal Law Dimension // Russian Law Journal. 2016. Vol. 4, № 3. Pp. 120–135. DOI: 10.17589/2309-8678-2016-4-3-120-135.

Ex jure

Информация для цитирования

Ефремова М. А., Нагорный А. А. Проблемы квалификации преступлений в сфере манипулирования рынком цифровых активов // *Ex jure*. 2026. № 3. С. 115–128. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-115-128. EDN YWQISW

Efremova M. A., Nagorny A. A. Problems of Qualifying Crimes in the Field of Digital Asset Market Manipulation. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 115–128. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-115-128. EDN YWQISW

Профессиональный ответ на вызовы киберпреступности: формирование кадрового потенциала для современного уголовного судопроизводства

Н. А. Моругина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса

Воронежский институт МВД России
394065, Россия, г. Воронеж, пр-т Патриотов, 53

E-mail: moruginy@mail.ru

Аннотация: в статье исследованы вопросы цифровой трансформации уголовного судопроизводства в условиях динамичного развития высоких технологий и необходимости повышения эффективности правоприменительной практики. Особое внимание уделяется анализу структуры и содержания профессиональных компетенций участников уголовного судопроизводства в контексте современных требований и инновационных подходов. Обосновывается необходимость системных изменений образовательной и кадровой политики, которые направлены на реализацию положений национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в части решения проблемы обеспечения квалифицированными кадрами для борьбы с киберпреступностью. Основным звеном такой модернизации в структуре юридических вузов автор видит специализированные подразделения – своеобразные «цифровые кафедры», задачей которых станет подготовка специалистов, способных эффективно применять цифровые технологии в сфере уголовного судопроизводства и правоприменительной деятельности.

© Моругина Н. А., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые компетенции, цифровая кафедра, специалист в сфере расследования компьютерных преступлений, IT-следователь

Professional Response to Cybercrime Challenges: Building Human Resources for Modern Criminal Proceedings

N. A. Morugina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53, Patriotov prospect, Voronezh, 394065, Russia

E-mail: moruginy@mail.ru

Abstract: *the article explores the issues of digital transformation of criminal proceedings in the context of the dynamic development of high technologies and the need to improve the efficiency of law enforcement practice. Special attention is paid to analyzing the structure and content of the professional competencies of participants in criminal proceedings in the context of modern requirements and innovative approaches. The article substantiates the need for systemic changes in educational and personnel policies aimed at implementing the provisions of the national project "Digital Economy of the Russian Federation" in terms of addressing the issue of providing qualified personnel to combat cybercrime. As the main link in this modernization, the author sees specialized units in the structure of law schools, such as "digital departments", whose task will be to train specialists who can effectively use digital technologies in criminal proceedings and law enforcement.*

Keywords: *digital transformation, digital competencies, digital department, computer crime investigator, IT investigator*

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства, обусловленная объективным развитием технологий и необходимостью повышения эффективности правоприменительной деятельности, выходит далеко за рамки внедрения в уголовное судопроизводство цифровых платформ и электронных сервисов. В условиях, когда традиционные методы сбора и оценки доказательств уступают место современным цифровым подходам, необходима адаптация образовательных программ и методов обучения для формирования у будущих правоприменителей соответствующего набора цифровых компетенций.

С учетом обозначенной потребности особую актуальность приобретает вопрос о структуре и содержании профессиональных компетенций. В этой ситуации интересна позиция Т. Ю. Марковой и Т. Ю. Максимовой, согласно которой подготовка кадров для органов предварительного расследования в цифровой среде должна

быть ориентирована на то, чтобы сформировать три группы профессиональных компетенций:

1) *коммуникативные компетенции в цифровой среде*, включающие владение технологиями дистанционного взаимодействия, к примеру видео-конференц-связью, специализированными платформами, в перспективе – технологиями голографических звонков, а также применение веб-форм для интервьюирования и чат-ботов для первичного консультирования участников уголовного судопроизводства;

2) *аналитические компетенции на основе цифровых технологий*, то есть умение использовать автоматизированные информационно-поисковые и аналитические системы (включая инструменты на базе искусственного интеллекта) для анализа обстоятельств дела, поиска правовых решений и судебной практики, а также возможности IT-криминалистики и программ 3D-визуализации событий преступления;

3) *технологические компетенции* – владение технологией голосового ввода, использование шаблонов из справочных правовых систем и облачных сервисов для хранения документов¹.

В научной публикации отечественных ученых Д. И. Чуковой, Д. А. Медведева и М. В. Литвиненко представлена модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений, в рамках которой авторами предложены три ключевые профессиональные компетенции, а именно:

1) *компетенция в области организации и планирования расследования киберпреступлений, совершенных с использованием средств вычислительной техники*, то есть способность специалиста осуществлять комплекс организационно-плановых мероприятий, которые направлены на выявление, документирование и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);

2) *компетенция в области применения программно-аппаратных и инструментальных средств для проверки работоспособности и оценки эффективности систем защиты информации*, то есть способность специалиста использовать современные вычислительные и программные средства, языки и системы программирования для решения профессиональных задач в области киберрасследований;

3) *компетенция по обработке и использованию юридически значимой информации*, то есть способность специалиста осуществлять сбор, накопление, обработку и анализ информации, имеющей значение для раскрытия и расследования киберпреступлений².

Практическая востребованность такой детализации цифровых компетенций находит прямое подтверждение в эволюции развития правоприменительных структур

¹ Маркова Т. Ю., Максимова Т. Ю. Трансформация профессиональных навыков в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Право и политика. 2023. № 6. С. 27–34.

² Чукова Д. И., Медведев Д. А., Литвиненко М. В. Модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 59–60.

в области борьбы с киберпреступностью³. Ключевым шагом в данном направлении стала реорганизация 2022 года, когда в соответствии с Указом Президента России В. В. Путина⁴ в структуре МВД России было создано новое подразделение – Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – УБК МВД России)⁵, пришедшее на смену Управлению «К» МВД России (просуществовало с 13 августа 1998 года по 1 февраля 2023-го), с довольно объемным набором ключевых задач, таких как:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений в сфере ИКТ;
- обеспечение координации подразделений МВД России, участвующих в расследовании преступлений, совершаемых с использованием ИКТ;
- анализ данных из информационно-телекоммуникационных сетей для выявления противоправной активности;
- взаимодействие с государственными органами, организациями ИКТ-сектора, финансовыми институтами и субъектами РФ в области обеспечения информационной безопасности;
- разработка предложений по совершенствованию законодательства в сфере кибербезопасности и противодействия киберпреступности;
- организация профилактической работы, направленной на снижение числа преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет.

В состав подразделения УБК МВД России, согласно официальным данным, входят профильные специалисты министерства, имеющие необходимые знания и опыт для эффективной работы по данному направлению⁶. Одновременно статистические данные МВД России за январь – июль 2025 года демонстрируют разноплановую динамику ключевых показателей ИТ-преступности. Несмотря на заметное (на 2,3 %) снижение общего количества преступлений данной категории (424,9 тыс.), фиксируется существенный (на 16 %) рост материального ущерба – со 100,5 до 119,6 млрд рублей⁷. Приведенное расхождение в статистике свидетельствует о том, что организационно-

³ «Киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» (Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1. С. 45).

⁴ О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 30 сент. 2022 г. № 688.

⁵ Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России: приказ МВД России от 29 дек. 2022 г. № 1110.

⁶ История УБК МВД России. URL.: <https://34.mvd.rf/gu-mvd/структура/подразделения-gu/отдел-по-борьбе-с-противоправным-использ/история>.

⁷ В России за январь – июль 2025 г. ущерб от ИТ-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд руб. URL.: <https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/>.

кадровых мер, выразившихся в создании УБК МВД России, недостаточно для кардинального изменения ситуации. В этой связи полагаем, что существенное внимание необходимо уделять профессиональной переподготовке кадров.

Сделанный вывод находит свое эмпирическое подтверждение в исследованиях, проведенных П. М. Олейником, И. В. Ильиным и С. Н. Суховым, которые, в рамках педагогической деятельности исследовав профессиональные компетенции слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Нижегородской академии МВД России и слушателей Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, выявили системную проблему в их профессиональной подготовке. В частности, был зафиксирован дефицит знаний в области обращения с компьютерной техникой и специализированным программным обеспечением. Отдельно отмечен недостаточный уровень компетенции следователей ОВД в вопросах, связанных с назначением судебной компьютерно-технической экспертизы⁸. Не менее убедительное обоснование данная проблема находит в результатах анкетирования 134 дознавателей и следователей, проведенного Ф. К. Зиннуровым и Э. Т. Хайрулловой. В частности, полученные учеными результаты продемонстрировали, что для абсолютного большинства респондентов (78 %) цифровая информация остается вне поля их профессионального внимания, при этом оставшиеся 22 % опрошенных ориентируются на знания специалистов⁹. Считаем, что в этой связи у сотрудников органов предварительного расследования формируется дефицит цифровой грамотности, который обладает признаком системности, поскольку обусловлен не только индивидуальными пробелами в подготовке отдельных специалистов, но и комплексом объективных факторов: стремительной эволюцией ИКТ, латентностью и трансграничным характером киберпреступлений, а также относительно медленными темпами адаптации образовательных и ведомственных стандартов к новым цифровым реалиям.

На сегодняшний день специалист по расследованию компьютерных преступлений, по мнению уже упомянутых авторов, должен обладать знаниями на стыке трех областей профессиональной деятельности: юриспруденции, информатики и вычислительной техники и информационной безопасности¹⁰. Данная трехкомпонентная модель, представляющая собой сумму знаний из трех дисциплин, безусловно, задает важные системные координаты для подготовки кадров, однако не отражает динамического внедрения этих знаний в модели «навык + компетенция».

С учетом этого принципиальное значение приобретает подход, предложенный учеными С. В. Зуевым и А. И. Зазулиным, который фокусируется именно на формировании практико-ориентированного образа IT-следователя для борьбы с киберпре-

⁸ Олейник П. М., Ильин И. В., Сухов С. Н. Актуальные проблемы образовательного процесса и использования аппаратно-программных комплексов и программного обеспечения в деятельности правоохранительных органов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 157–160.

⁹ Зиннуров Ф. К., Хайруллова Э. Т. Особенности работы с электронными носителями как источниками доказательств при проведении следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2 (32). С. 276.

¹⁰ См.: Чукова Д. И., Медведев Д. А., Литвиненко М. В. Указ. соч. С. 58.

ступностью. Согласно изложенной учеными концепции, ядро профессиональной компетентности IT-следователя образует следующий комплекс взаимосвязанных навыков: работа с большими данными (умение анализировать, структурировать и интерпретировать большие объемы цифровой информации); понимание компьютерно-технических экспертиз (способность читать и анализировать заключения экспертов любой сложности); владение цифровыми технологиями расследования (знание методов обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов); широкое применение электронных документов и в перспективе использование электронного помощника. Авторы подчеркивают, что предложенный набор компетенций не может быть обеспечен в рамках традиционных образовательных траекторий; по их мнению, подготовка IT-следователей должна осуществляться по специальным образовательным программам, сочетающим в себе как теоретические курсы, подготовленные ведущими учеными в сфере цифровизации уголовного процесса, так и практические занятия с экспертами-программистами, объясняющими, как работают и как могут применяться те или иные цифровые технологии. Коллеги справедливо отмечают, что «создание таких программ обучения и подготовки кадров, основанных на триединстве теории, практики и экспертизы, является важной предпосылкой не только введения института IT-следователей, но и его последующего эффективного функционирования»¹¹.

В этой связи обоснованной и актуальной выглядит позиция профессора О. А. Малышевой, которая справедливо указывает на то, что для качественного и своевременного раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде, сотрудникам правоохранительных органов необходимы специальные знания и умения, выходящие за рамки классического юридического образования. Предложенный автором перечень компетенций¹² для сотрудников правоохранительных органов при расследовании киберпреступлений, состоящий из одиннадцати компонентов, может быть структурирован в несколько ключевых профессиональных блоков:

1) *криминалистико-технический блок (оперативное обеспечение)*, формирующий основу для самостоятельного проведения первоначальных следственных и процессуальных действий, к которому относятся: уверенная работа с цифровой информацией независимо от форматов ее существования (п. 1); правильное изъятие и упаковка носителей электронной информации, исключающие возможность ее искажения или утраты, а также обеспечение сохранности данных на протяжении всего периода досудебного производства (п. 4, 7); владение методикой выявления и фиксации электронных доказательств (п. 8), технологией автоматизированного рабочего места (п. 9) и эксплуатацией сетевого оборудования (п. 10);

2) *аналитико-оценочный блок (процессуальное мышление)*, обеспечивающий анализ цифрового следа и его интеграцию в общую доказательственную базу, который включает в себя: способность верно оценивать относимость к делу сведений, закрепленных на электронном носителе (п. 2); определять факты и средства фальси-

¹¹ Зуев С. В., Засулин А. И. IT-следователь в цифровой среде уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2. С. 51.

¹² Малышева О. А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 267.

фикации (искажения) электронной информации (п. 11); преобразовывать (при необходимости) цифровую информацию в аналоговый формат без искажения с помощью специальных устройств и программных средств (п. 3);

3) *экспертно-организационный блок (управление расследованием)*, являющийся ключевым в постановке задач специалисту, охватывающий: определение вида судебной компьютерно-технической экспертизы (п. 5); создание и уверенную работу с виртуальным хранилищем следов IT-преступлений (п. 6).

Необходимость формирования соответствующего набора компетенций распространяется не только на сотрудников органов предварительного расследования, занимающихся киберпреступлениями, но и на специалиста, с участием которого в соответствии с частью 2 статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹³ изымаются электронные носители информации, «когда необходимы его специальные познания для обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов, применения техсредств, разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию»¹⁴. В этой связи аргументированной выглядит позиция профессора П. С. Пастухова, предлагающего включить в перечень профессиональных компетенций специалиста умения восстанавливать данные, осуществлять поиск документов, преобразовывать мультимедиа, а также реализовывать иные функции, отражающие комплексный характер его профессиональной деятельности, где ключевым условием является обеспечение сохранности изъятых данных в неизменном виде¹⁵. При этом ученый небезосновательно говорит об отсутствии в настоящее время в России стандартов для аккредитации, сертификации и образования специалистов цифровой судебной профессии, отмечая при этом, что наиболее системная и детализированная нормативная база, регулирующая процедуры обращения с цифровыми следами, сложилась в Великобритании.

Прежде всего, британский опыт характеризуется поэтапным формированием целого комплекса специализированных актов – правил, рекомендаций и руководств, закрепляющих процессуально выверенный порядок сбора и анализа цифровых доказательств. Исторически данный процесс можно проследить с 2007 года, когда было принято техническое руководство, регламентирующее хранение, воспроизведение и удаление цифровых изображений. В 2010 году разрабатывается и вводится в действие практическое руководство по собиранию компьютерных доказательств, а в 2014-м – практическое руководство, адаптированное к работе с цифровыми следами преступлений в целом. В 2016 году в руководстве по анализу сайтов, местоположения абонентов даются рекомендации по получению необходимой доказательственной информации из технических устройств и от соответствующих провайдеров связи, а также обработке этих данных. В 2017 году руководство по обеспечению достовер-

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.04.2026).

¹⁴ *Малыгин К. В.* Проблемы вовлечения электронных данных в уголовное судопроизводство // *Ex iure*. 2023. № 2. С. 155.

¹⁵ *Пастухов П. С.* О необходимости развития компьютерной криминалистики // *Пермский юридический альманах*. 2018. № 1. С. 454.

ности, пригодности и надежности цифровых доказательств закрепляет требования к ресурсам, техническим средствам, конкретным шагам, ограничениям и желаемым результатам¹⁶. Примечательно, что эти документы, представляющие собой свод конкретных методик и стандартизированных процедур, детально описывают допустимые способы работы с цифровой информацией сотрудников правоохранительных органов при расследовании киберпреступлений.

В этой связи стоит отметить, что в 2015 году в России был введен в действие ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014¹⁷ – национальный стандарт (далее – Стандарт), идентичный международному стандарту ISO/IEC 27037:2012¹⁸ и регламентирующий процедурные аспекты работы с доказательствами в цифровой форме. В Стандарте раскрываются процессы идентификации, сбора, изъятия и сохранения доказательств, а кроме того, детализируются категории привлекаемых специалистов и вводятся, наряду с традиционными экспертами, две принципиально новые фигуры:

1) специалист оперативного реагирования по свидетельствам, представленным в цифровой форме (Digital Evidence First Responder, DEFR), – физическое лицо, уполномоченное, обученное и подготовленное к первоначальным действиям на месте, ответственное за первичный сбор и изъятие цифровых свидетельств с обеспечением их сохранности;

2) специалист по свидетельствам, представленным в цифровой форме (Digital Evidence Specialist, DES), – физическое лицо, обладающее специальными знаниями, навыками, способностями, чтобы разбираться в широком спектре технических вопросов.

Таким образом, Стандарт регулирует не только общее руководство по работе с цифровыми следами, но и разделяет участников, выделяя оперативного специалиста (DEFR) для работы на месте происшествия (функционально эта фигура аналогична эксперту, входящему в состав следственно-оперативной группы) и технического специалиста (DES) для комплексного анализа цифровых следов (его полномочия сопоставимы с полномочиями эксперта-криминалиста, которому поручается проведение экспертиз).

Отметим, что в приложении к Стандарту содержится структурированная модель цифровых компетенций, необходимых специалисту, которая классифицирует требования по трем уровням профессиональной подготовки:

1) *осведомленность* – базовый уровень, подразумевающий способность специалиста к распознаванию, идентификации и пониманию информации, доступной в цифровых устройствах, базах данных, генерируемых системой записях; определению состояния устройства; оценке значения доказательной информации; следственному анализу Сети и связанных с ней устройств и т.д.;

¹⁶ Пастухов П. С. Указ. соч. С. 459.

¹⁷ ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме. Введ. 2015–11–01. М.: Стандартиформ, 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200112857>.

¹⁸ ISO/IEC 27037:2012. Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. URL.: <https://www.iso.org/standard/44381.html>.

2) *знания* – уровень компетентности, формируемый в результате профессионального обучения (к примеру, по программе повышения квалификации, профессиональной подготовки или переподготовки) либо накопленного опыта в практической деятельности в соответствующей сфере. Данный уровень характеризуется наличием систематизированных теоретических и прикладных знаний, достаточных для самостоятельного выполнения специалистом комплексных задач, таких как создание образа цифрового носителя информации в целом или его части, определение параметров документирования информации, описание процесса сбора цифровой информации, проведение опроса подозреваемых и т.д.;

3) *умения* – высший уровень компетентности, так как специалист данного уровня может самостоятельно, без внешнего контроля/надзора, реализовывать поставленные перед ним задачи и принимать соответствующие решения в рамках своей профессиональной деятельности (определение паролей, связывание IP-адресов и MAC-адресов для идентификации устройства в Сети и т.д.).

Считаем, что эффективность данной модели на практике напрямую зависит от ее внедрения в образовательные стандарты и программы высшего образования. В этой связи целесообразен критический анализ действующих правовых документов, регламентирующих подготовку специалистов в области юриспруденции. Так, детальное изучение приказа Минобрнауки от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС) – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» позволило выделить ключевую проблему, которая может возникнуть при подготовке специалиста для противодействия киберпреступности, а именно *формальное наличие цифровых компетенций*.

В частности, пункт 3.3 ФГОС включает общепрофессиональную компетенцию ОПК-8 («способен целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности») и ОПК-9 («способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности»). Однако отметим, что *практическое воплощение данных компетенций в учебном плане сводится к изучению единственной дисциплины* – «Информационные технологии в юридической деятельности» (п. 2.2), что представляется явно недостаточным для формирования полноценных навыков у будущих специалистов по борьбе с киберпреступлениями и реализации паспорта национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁹, предполагающей целенаправленную государственную политику в области развития кадрового потенциала IT-отрасли (D8).

Напомним, что данный нацпроект ориентирован на преодоление структурного дефицита специалистов высшей квалификации в информационно-технологической сфере. Основные механизмы достижения этой цели – разработка и внедрение новых

¹⁹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. URL: <https://base.garant.ru/72296050/>.

образовательных программ, отвечающих запросам цифровой индустрии, привлечение к преподавательской деятельности практиков из IT-индустрии, непрерывное развитие кадрового потенциала самих образовательных организаций посредством реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в области информационных технологий.

Представляется также, что для реализации ключевых механизмов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в части кадрового обеспечения сферы противодействия киберпреступности необходима системная модернизация образовательной экосистемы. Одним из ключевых институциональных элементов такой модернизации должно стать целенаправленное формирование и развитие в вузах страны профильных структурных подразделений – специализированных «цифровых кафедр»²⁰.

Концепция создания «цифровой кафедры» должна быть ориентирована на учреждение научно-образовательных подразделений, аккумулирующих в единой форме компетенции на стыке юриспруденции, цифровой криминалистики, программирования, судебной экспертизы, информационных технологий и информационной безопасности. Целью деятельности таких подразделений станет преодоление междисциплинарного разрыва и обеспечение сквозной интеграции IT-знаний в традиционную правовую подготовку.

Прецеденты успешного функционирования «цифровых кафедр» в образовательной практике уже существуют и подтверждают жизнеспособность данного подхода. В качестве примера можно привести:

- кафедру информационных технологий и организации расследования киберпреступлений в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, ориентированную на подготовку специалистов для органов предварительного следствия в цифровой среде;

- кафедру компьютерной безопасности и технической экспертизы в Воронежском институте МВД России, подготавливающую специалистов по информационно-аналитической экспертизе компьютерной информации, а также по организации противодействия преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий;

- кафедру противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в Московском университете МВД России им. В. Я. Кикотя, осуществляющую подготовку специалистов по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению различных видов преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сфере.

Полагаем, что создание подобных кафедр в ведущих вузах страны позволит решить ряд стратегических задач, а именно: сконцентрировать интеллектуальные и материально-технические ресурсы для разработки и реализации инновационных образовательных программ по соответствующим направлениям; сформировать постоянный штат квалифицированного профессорско-преподавательского состава, сочетающего фундаментальную юридическую подготовку с глубокими знаниями и прак-

²⁰ Именно с таким названием создана и функционирует кафедра в Южно-Уральском государственном университете (национальном исследовательском университете).

тическими навыками в области IT-технологий; создать базовые площадки для проведения прикладных научных исследований; обеспечить преемственность и развитие компетенций через построение вертикали знаний будущих специалистов в рамках единой научно-педагогической школы.

Кроме того, для подготовки конкурентоспособных специалистов в области борьбы с киберпреступностью важно разработать и внедрить в учебный процесс образовательные программы междисциплинарного характера, построенные на стыке ключевых областей знаний: права, цифровой криминалистики, судебной экспертизы, информационных технологий, программирования и информационной безопасности.

Структурно-содержательным элементом в планах рабочих программ должен выступать практико-ориентированный подход к подготовке специалистов в области борьбы с киберпреступностью, включающий в себя следующие инновационные методики преподавания: имитационный метод – проведение деловых игр (имитация осмотра места происшествия с применением цифровых технологий фиксации и работы с цифровыми следами, проведение следственных действий с помощью видеоконференц-связи и т.д.); технологическое моделирование – применение 3D-сканеров и средств виртуальной реальности (VR) для реконструкции следственных действий (осмотр места происшествия, следственный эксперимент) в среде, максимально приближенной к реальности, с интеграцией технологий искусственного интеллекта в образовательную деятельность; систематическое привлечение к преподавательской деятельности практикующих IT-специалистов и экспертов-криминалистов.

Библиографический список

Зиннуров Ф. К., Хайруллова Э. Т. Особенности работы с электронными носителями как источниками доказательств при проведении следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2 (32). С. 274–278. DOI: 10.24420/KUI.2018.32.13978.

Зув С. В., Зазулин А. И. IT-следователь в цифровой среде уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2. С. 48–54. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-48-54.

Малыгин К. В. Проблемы вовлечения электронных данных в уголовное судопроизводство // Ex jure. 2023. № 2. С. 147–159. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-2-147-159.

Малышева О. А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 262–269. DOI: 10.17223/15617793/480/29.

Маркова Т. Ю., Максимова Т. Ю. Трансформация профессиональных навыков в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Право и политика. 2023. № 6. С. 25–37. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.6.40913.

Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.

Олейник П. М., Ильин И. В., Сухов С. Н. Актуальные проблемы образовательного процесса и использования аппаратно-программных комплексов и программного обеспечения в деятельности правоохранительных органов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 157–160.

Пастухов П. С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 450–460.

Чукова Д. И., Медведев Д. А., Литвиненко М. В. Модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 57–62.

Информация для цитирования

Ex jure

Моругина Н. А. Профессиональный ответ на вызовы киберпреступности: формирование кадрового потенциала для современного уголовного судопроизводства // *Ex jure*. 2026. № 3. С. 129–140. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-129-140. EDN TRLTYD

Morugina N. A. Professional Response to Cybercrime Challenges: Building Human Resources for Modern Criminal Proceedings. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 129–140. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-129-140. EDN TRLTYD

О некоторых сложностях формирования в уголовном судопроизводстве доказательств при использовании IT-технологий для совершения преступлений

О. С. Поликарпова

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной
деятельности органов внутренних дел

Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

E-mail: zhuravlenok_os@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются положения Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ, которыми дополнен Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; анализируется их значение для развития института доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве. Вместе с тем детализируются сложности, с которыми сталкиваются правоприменители в ходе расследования преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий. Предлагается перечень методических рекомендаций, направленных на повышение эффективности реализации в правоприменительной практике внесенных Федеральным законом № 38-ФЗ дополнений в УПК РФ и нивелирование сложностей при формировании доказательств при расследовании данного вида преступлений в условиях недостаточного нормативно-правового регулирования вопросов перевода имеющих доказательственное значение при производстве по уголовным делам цифровых финансовых активов под контроль правоохранительных органов.

© Поликарпова О. С., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: IT-технологии, децентрализованные цифровые финансовые активы, доказывание, криптовалюта, электронная информация, цифровые носители информации

On Some Difficulties in Forming Evidence in Criminal Proceedings When IT Technologies Are Used to Commit Crimes

O. S. Polikarpova

Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1, Letchika Pilyutova st., Saint Petersburg, 198206, Russia

E-mail: zhuravlenok_os@mail.ru

Abstract: *the article examines the provisions of Federal Law No. 38-FZ of February 20, 2026, which supplemented a number of provisions of the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and analyzes their significance for the development of the institution of evidence in Russian criminal proceedings. At the same time, the difficulties faced by law enforcement officers during the investigation of crimes committed and committed using IT technologies are detailed. A list of methodological recommendations is proposed aimed at improving the effectiveness of the implementation in law enforcement practice of the amendments introduced by Federal Law No. 38-FZ to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and leveling the difficulties in forming evidence in the investigation of this type of crime in the context of insufficient regulatory regulation of the transfer of evidentiary value in criminal proceedings of digital financial assets under control of law enforcement agencies.*

Keywords: *IT technologies, decentralized digital financial assets, proof, cryptocurrency, electronic information, digital media*

В 2023 году нами, с приведением официальных статистических данных, акцентировалось внимание на масштабах стоящей перед государством проблемы использования IT-технологий в преступной деятельности¹. В качестве одного из способов пресечения преступлений или установления подлежащих доказыванию обстоятельств общественно опасных деяний, инструментом совершения которых являлись IT-технологии, позволяющие финансировать преступную деятельность посредством применения децентрализованных цифровых финансовых активов (далее также ЦФА,

¹ Поликарпова О. С. Использование IT-технологий при совершении преступлений – глобальная проблема государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47, № 3. С. 156–163.

криптовалюта)², научным сообществом³, в том числе и нами⁴, указывалась проработка на законодательном уровне возможности наложения ареста на такие активы в ходе уголовного судопроизводства, что требовало отнесения их к имуществу. В свою очередь, причина выбора для финансирования преступлений виртуальных активов в виде криптовалют детально исследована А. В. Рощупкиной⁵.

По прошествии нескольких лет предложения научного сообщества были приняты во внимание на законодательном уровне и сформировали основу для Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ⁶.

С принятием данного федерального закона децентрализованные цифровые финансовые активы были признаны имуществом для целей уголовного судопроизводства. Это исключило правовую неопределенность, обусловленную признанием цифровых валют имуществом для целей Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и одновременно отсутствием возможности пресечь преступную деятельность путем наложения ареста на ЦФА в уголовном судопроизводстве и использования их в качестве средства, которое после принятия итогового решения в виде обвинительного приговора в отношении подвергнутого уголовному преследованию лица (лиц) могло подлежать конфискации либо быть применено для обеспечения заявленных стороной обвинения исковых требований. Принятием Федерального закона № 38-ФЗ законодатель расширил способы пресечения связанных с применением IT-технологий преступлений и диапазон доказывания при их расследовании.

Позволим себе высказать убежденность в том, что предусмотренные Федеральным законом № 38-ФЗ дополнения положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – УПК РФ) позволят с высокой степенью эффективности обеспечивать изъятие цифровых валют при их обнаружении в ходе производства следственных действий, предусмотренных статьями 182 и 183 УПК РФ, с последующим обращением в суд в целях наложения ареста на имущество в виде цифровых

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025).

³ Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 43–52.

⁴ Поликарпова О. С. Указ. соч. С. 161–162.

⁵ Рощупкина А. В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 79–83.

⁶ О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Далее по тексту – Федеральный закон № 38-ФЗ, Федеральный закон № 38-ФЗ от 20 февраля 2026 г.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.04.2026).

финансовых активов. Однако для более оперативного внедрения в правоприменительную практику внесенных дополнений представляется необходимым разработать методические рекомендации, предусматривающие как разъяснение основных понятий, так и последовательный алгоритм действий правоприменителей из числа дознавателей (следователей) либо сотрудников органа дознания, действующих по поручению органов предварительного расследования в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 38 и пунктом 1.1 части 3 статьи 41 УПК РФ, в отношении цифровых активов, функционирующих на базе IT-технологий.

Следует отметить, что сложности формирования доказательств в уголовном судопроизводстве при расследовании такого вида преступлений обусловлены прежде всего спецификой децентрализованных цифровых финансовых активов, транзакция которых реализуется без участия финансово-кредитных организаций и неподконтрольна им. В этой связи при выявлении выступающих средством совершения преступления или его обнаружения криптовалют в местах их хранения, что преимущественно происходит посредством оперативно-розыскных мероприятий⁸, но может быть выявлено и при производстве ряда следственных действий, от следователя или дознавателя либо по поручению последних должностного лица органа дознания требуется оперативная реакция, вплоть до производства следственных действий в условиях неотложности, поскольку необходимо своевременно обеспечить фиксацию и надлежащую сохранность цифровых активов.

В частности, сложности вызывают технические особенности средств и способов хранения цифровых активов, что требует детального разъяснения этих особенностей правоприменителям и дифференцированного подхода в процессе документирования при расследовании преступления.

К применяемым на сегодняшний день способам хранения децентрализованных цифровых финансовых активов следует отнести:

1) онлайн-хранение – использование подключенных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» специальных мобильных приложений, веб-кошельков, компьютерных программ или приложений, именуемых «браузерный кошелек», «десктопный кошелек», а равно предоставляемый при открытии счета криптовалютными биржами «биржевой кошелек». Такие способы хранения именуют еще «горячие кошельки»⁹;

2) офлайн-хранение, то есть хранение с применением холодных кошельков – аппаратных кошельков или (реже) бумажных носителей информации.

Приведенные понятия требуют разъяснения в части ключевых различий, влияющих на способ хранения и, соответственно, изъятия децентрализованных ЦФА в ходе производства по уголовным делам.

Так, во взаимосвязи с децентрализованными финансовыми активами, кошельком именуют «приложение для хранения криптовалюты», позволяющее «пользователям получать доступ к цифровым активам, переводить их на другие адреса,

⁸ Михайленко Н. В., Рудин А. В. Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 112.

⁹ Там же. С. 111.

использовать для оплаты и иных целей»¹⁰. Коллективом авторов учебного пособия «Работа с цифровыми виртуальными активами» выделяются аппаратные кошельки, представляющие отдельные устройства, конструктивно сходные с флеш-накопителем и наиболее безопасные, в силу того что доступ к ним возможен исключительно при осведомленности о пароле доступа и физическом наличии самого материального носителя информации. К браузерным кошелькам ученые относят встроенные в браузер программы в виде расширения. Desktopные кошельки формируются в виде устанавливаемого на компьютер (ноутбук) специального приложения, а отнесенный к наименее надежным способам хранения криптовалют биржевой кошелек выдается пользователям при открытии счета на биржах торговли децентрализованными ЦФА¹¹.

Кроме того, важно знать, что криптовалюта может быть зафиксирована в виде совокупности электронных данных, содержащихся не в информационной системе, а на материальном носителе, таком как персональный компьютер, ноутбук, сервер. Аппаратные кошельки могут быть сохранены и как сами финансовые активы в виде совокупности электронных данных, и как коды доступа к базам IT-технологий с функционирующими децентрализованными цифровыми активами, обмен которых либо их перевод производятся с материального носителя.

Очевидно, что такая вариативность способов хранения криптовалют требует для их обнаружения специальных знаний.

Вместе с тем необходимо учитывать, что в целях эффективного производства обыска (выемки) для достижения результата в виде сформированного допустимого доказательства в ходе расследования уголовного дела, а также в целях недопущения сокрытия цифровых активов подвергнутым уголовному преследованию лицом или третьими лицами следователь (дознатель), а равно должностное лицо органа дознания, уполномоченное соответствующим поручением на производство указанных следственных действий, могут не только изъять материальный носитель, содержащий ЦФА в виде совокупности электронных данных либо коды доступа к таким активам, но и перевести эти активы на адрес-идентификатор либо аппаратный кошелек правоохранительных органов, позволяющие обеспечить их сохранность¹². Иными словами, следователь (дознатель) или уполномоченное должностное лицо органа дознания вправе по результатам произведенного следственного действия, предусмотренного статьями 182 или 183 УПК РФ, прибегнуть к одной из указанных мер либо реализовать обе для обеспечения сохранности криптовалют в целях их последующего признания вещественными доказательствами по уголовному делу с возможностью наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения для обеспечения на перспективу исполнения приговора в части исковых требований.

¹⁰ Работа с цифровыми виртуальными активами: учеб. пособие / [С. Е. Волков, И. В. Гайдашко, В. А. Голобоков и др.]. М.: Спутник+, 2022. С. 40.

¹¹ Там же.

¹² О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 902782-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8>.

Ввиду изложенного, при производстве в ходе обыска (выемки) изъятия материальных носителей, содержащих ЦФА или коды доступа к ним, а равно переводе таких активов на адрес-идентификатор требование части 2 статьи 164.1 УПК РФ об участии специалиста является обязательным и нашло свое отражение в положениях новой статьи УПК РФ – 164.2. Именно специалист, чью компетентность, согласно части 2 статьи 168 УПК РФ и с учетом части 1 статьи 223 УПК РФ, устанавливает следователь (дознатель) или уполномоченное соответствующим поручением должностное лицо органа дознания, не только производит непосредственные действия, направленные на соблюдение правильного и последовательного копирования, отключения и прочих технических мероприятий в целях изъятия электронных носителей информации, но и определяет выбор необходимых мер для обеспечения сохранности электронных средств платежа с учетом особенностей примененных при совершении конкретного преступления IT-технологий и децентрализованных цифровых финансовых активов. Детальнее роль специалиста для повышения эффективности деятельности по изъятию и наложению ареста на криптовалюту раскрыта Г. П. Осиповым¹³. Соответственно, при производстве следственного действия с участием специалиста компетенции последнего надо подтверждать, например, приложением к протоколу копии диплома об образовании или свидетельства о повышении квалификации.

Кроме того, не следует забывать и о правильном выборе фактического доказательства по уголовному делу при признании его вещественным путем вынесения постановления (ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ), поскольку материальный носитель не всегда может являться средством обнаружения преступления или установления подлежащих доказыванию обстоятельств. В ряде случаев именно цифровая информация несет в себе доказательственное значение, что нами аргументировалось ранее¹⁴.

Необходимость ареста цифровой валюты может возникнуть также в ситуации, когда до этого в рамках следственных действий она не изымалась, а в ходе допроса участника уголовного судопроизводства выяснилось, что хранение цифровой валюты организовано на горячем кошельке криптобиржи. Соответственно, при получении значимых для расследуемого уголовного дела данных о способе и месте хранения цифровых финансовых активов следователю (дознателю) необходимо не только ходатайствовать перед судом о наложении в порядке, предусмотренном положениями статьи 115 УПК РФ, ареста на имущество в виде ЦФА, включая материальные носители с наличием таких активов или кодов доступа к базам IT-технологий, на которых имеющие доказательственное значение активы функционируют, но и учитывать при разработке плана следственных и процессуальных действий по уголовному делу возможное наличие кодов доступа к цифровым финансовым активам у третьих лиц

¹³ Осипов Г. П. Изъятие и арест криптовалюты: роль и участие специалиста // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3 (107). С. 93–100.

¹⁴ Андреева Е. Ю., Поликарпова О. С. К вопросу о процессуальной форме закрепления информации на электронных носителях в качестве доказательства по уголовному делу // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 г.). СПб.: СПбУ МВД России, 2022. С. 23–28.

или резервного способа восстановления прав на эти активы при условии владения информацией об открытых или частных ключах доступа к месту их хранения. Поэтому наиболее эффективным способом обеспечить сохранность децентрализованных цифровых финансовых активов до завершения производства по уголовному делу, в том числе и на судебных стадиях, является их перевод на адрес-идентификатор либо аппаратный кошелек правоохранительных органов, что с момента фактического расширения полномочий должностных лиц органов предварительного расследования, обусловленного введением в УПК РФ статьи 164.2, представляется возможным.

Однако конструкция нормы – статьи 164.2 УПК РФ – не конкретная, поскольку ее содержанием не детализирован фактический порядок перевода цифровых финансовых активов на адрес-идентификатор, что неизбежно создаст сложности для правоприменителей. Неопределенность обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что на сегодняшний день проработка на законодательном уровне порядка перевода криптовалют под контроль правоохранительных органов не завершена, в связи с чем доступ к информации о поступившей на адрес-идентификатор криптовалюты имеет ограниченный круг субъектов правоохранительных органов. В частности, такой доступ организован для налоговых органов¹⁵. Поэтому усилия по проработке на законодательном уровне непосредственного порядка перевода цифровой валюты на адрес-идентификатор, обеспечивающий учет и хранение изъятых цифровых финансовых активов, на которые решением суда, вынесенным с учетом требований статей 115 и 165 УПК РФ, наложен арест, должны быть продолжены и в основу разрабатываемых нормативных правовых актов Правительства РФ должны быть заложены рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)¹⁶, направленные на расширение контроля над операторами информационных систем, в которых происходит обращение децентрализованных цифровых финансовых активов.

До завершения указанной работы на законодательном уровне, которая, нужно надеяться, нивелирует для правоприменителей сохранившиеся сложности в фактической реализации следственных и процессуальных действий с учетом внесенных Федеральным законом № 38-ФЗ в положения УПК РФ дополнений, правоприменителям из числа следователей (дознателей), в целях обеспечения сохранности кодов доступа к базам IT-технологий, на которых децентрализованные цифровые активы функционируют, или данных о месте и способах их хранения, до обращения в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество следует принять дополнительные меры для надежной защиты цифровой информации. Помещением изъятого в ходе обыска (выемки) цифрового оборудования – системных блоков (моноблоков) персональных компьютеров, ноутбуков, смартфонов и/или прочего оборудования с функци-

¹⁵ Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула: постановление Правительства Рос. Федерации от 1 нояб. 2024 г. № 1466.

¹⁶ Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: www.fatf-gafi.org/recommendations.html.

ональной возможностью приема сигналов передачи данных – в камеру хранения вещественных доказательств обеспечить сохранность значимой для расследования преступления информации не всегда возможно. Современные IT-технологии, при наличии у третьих лиц доступа к аккаунту подвергнутого уголовному преследованию лица, позволяют заблокировать либо стереть все данные с телефона, компьютера, ноутбука, прочих технических устройств уже после их фактического изъятия в ходе производства обыска (выемки) у подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу. Для предупреждения таких ситуаций и реального наложения ареста на ЦФА, хранение кодов доступа к которым обеспечено в памяти персональных компьютеров, ноутбуков, смартфонов и прочего оборудования с возможностью приема сигналов передачи данных, необходимо применять средства, исключающие возможность эти цифровые данные удаленно заблокировать или стереть.

Еще в 1836 году ученым-физиком Майклом Фарадеем было изобретено простое устройство с широким спектром применения, позволяющее блокировать проникновение электромагнитных волн и препятствующее в том числе прохождению цифровых сигналов, которое сам ученый назвал «клетка Фарадея». Детально сущность и функциональное предназначение этого устройства разъяснены О. Ю. Быковой и Э. В. Мухметзяновым¹⁷. Данное изобретение широко применяется современной наукой и адаптировано под решение разных задач по защите от электромагнитных волн. Изменились и формы «клетки»: сегодня изготавливаются кейсы, коробки разных форматов, чехлы, помещение цифровых устройств в которые влечет блокировку направляемых на них электромагнитных сигналов, что, в свою очередь, исключает возможность блокировки или удаления цифровых данных, содержащихся в памяти этих устройств.

Наиболее простым и доступным «инструментом» создания клетки Фарадея является пищевая фольга, которой достаточно в несколько слоев надежно обернуть подлежащий защите от электромагнитных волн и высокочастотных цифровых сигналов предмет. Следует лишь исключить наличие щелей в созданной из фольги упаковке и непосредственное соприкосновение изолируемой цифровой техники с фольгой, что может быть обеспечено бумажной или тканевой прослойкой. Важно отметить, что при извлечении цифрового устройства из защитного поля, обеспечиваемого применением клетки Фарадея либо приспособления, близкого по функциональному предназначению, даже на непродолжительный период времени содержащаяся на цифровом носителе информация может быть дистанционно заблокирована или удалена. Именно для сохранения данных на изъятых цифровых устройствах их осмотр необходимо осуществлять в помещении, где обеспечена защита от электромагнитных волн и высокочастотных цифровых сигналов, предварительно закрыв входную дверь в это помещение и исключив ее открытие до завершения осмотра. По окончании следственного действия, произведенного в описанном частью 3 статьи 177 УПК РФ порядке, нужно вновь обеспечить надежную изоляцию осмотренного цифрового устройства от электромагнитных волн.

Такой способ защиты данных от блокировки или удаления из памяти цифрового оборудования – системных блоков (моноблоков) персональных компьютеров,

¹⁷ Быкова О. Ю., Мухаметзянов Э. В. Майкл Фарадей. Клетка Фарадея. Принцип действия и применение // NovaUm.Ru. 2018. № 12. С. 3–5.

ноутбуков, смартфонов и прочего оборудования с возможностью приема сигналов передачи данных – позволит следователю (дознавателю) обеспечить исполнение решения суда о наложении ареста на цифровые финансовые активы и эффективно использовать их в процессе доказывания по уголовному делу, а на перспективу – для обеспечения решения суда в части исковых требований.

Библиографический список

Андреева Е. Ю., Поликарпова О. С. К вопросу о процессуальной форме закрепления информации на электронных носителях в качестве доказательства по уголовному делу // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 г.). СПб.: СПбУ МВД России, 2022. С. 23–28.

Быкова О. Ю., Мухаметзянов Э. В. Майкл Фарадей. Клетка Фарадея. Принцип действия и применение // NovaUm.Ru. 2018. № 12. С. 3–5.

Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 43–52. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.1.43-52.

Михайленко Н. В., Рудин А. В. Арест криптовалют и цифровых финансовых активов: вызовы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 109–114. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-109-114.

Осипов Г. П. Изъятие и арест криптовалюты: роль и участие специалиста // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3 (107). С. 93–100.

Поликарпова О. С. Использование IT-технологий при совершении преступлений – глобальная проблема государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47, № 3. С. 156–163. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-156-163.

Работа с цифровыми виртуальными активами: учеб. пособие / [В. А. Голобоков, И. В. Гайдамашко, С. Е. Волков и др.]. М.: Спутник+, 2022.

Рощупкина А. В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 79–83. DOI: 10.14258/ralj(2024)4.12.

Информация для цитирования

Ex jure

Поликарпова О. С. О некоторых сложностях формирования в уголовном судопроизводстве доказательств при использовании IT-технологий для совершения преступлений // Ex jure. 2026. № 3. С. 141–149. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-141-149. EDN SSPLZG

Polikarpova O. S. On Some Difficulties in Forming Evidence in Criminal Proceedings When IT Technologies Are Used to Commit Crimes. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 141–149. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-141-149. EDN SSPLZG

Имплицитные признаки состава преступления

Е. А. Соловьева

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и прокурорского надзора

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Аннотация: *актуальность исследования, представленного в настоящей публикации, обусловлена способностью русского языка доводить до адресата смыслы с помощью различных языковых средств выражения, включая косвенный способ закрепления текста, что требует осмысления допустимости использования в уголовном праве имплицитных признаков состава преступления. Автор приходит к выводу о возможности использования при конструировании составов преступлений имплицитных признаков, под которыми он понимает признаки, не получившие прямого закрепления или полного выражения в диспозициях статей Особенной части уголовного закона, но подразумеваемые и выводимые из текста Уголовного кодекса Российской Федерации при его толковании.*

Ключевые слова: *состав преступления, имплицитные признаки, косвенный способ описания, правовая определенность, черты признаков состава преступления*

Implicit Elements of a Crime

E. A. Soloveva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Abstract: *the relevance of the research presented in this publication is determined by the capacity of the Russian language to convey meanings to the addressee through various linguistic means of expression, including indirect methods of embedding text. This necessitates an examination of the admissibility of using implicit elements of a criminal offense in criminal law. The author concludes that it is possible to use implicit elements in criminal law when constructing criminal offenses. These are understood as elements that have not received direct enshrinement or full expression in the disposition of an article of the Special Part of the criminal law, but are implied and derivable from the text of the Criminal Code of the Russian Federation through its interpretation.*

Keywords: *corpus delicti (elements of a crime), implicit elements, indirect method of description, legal certainty, features of the elements of a crime*

Основная функция любого текста – это коммуникация¹. В самом общем смысле под коммуникацией можно понимать «процесс передачи и обретения некоего эмоционального и интеллектуального содержания, смысла, заключенного в передаваемой информации»². Следовательно, рассматривая уголовный закон как разновидность текста³, можно утверждать, что он, во-первых, выполняет коммуникативную (информационную) функцию между обществом в лице законодателя, обязанного принимать законы в интересах всего населения государства, и адресатом – конкретным человеком, на которого направлен уголовно-правовой запрет⁴, и/или правоприменителем, а во-вторых, должен подчиняться тем же прави-

¹ См.: Таюпова О. И., Юсупова Л. Г. Лингвистические аспекты теории коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 562.

² Нестерова Т. В. Скрытые смыслы в коммуникации: лекции и практические задания: учеб. пособие. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020. С. 6.

³ См., например: Власенко Н. А. А. А. Ушаков – основатель отечественной правовой лингвистики // Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 18; Пронина М. П. Языковые правила формулирования текста уголовного закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 151.

⁴ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 121–135.

лам и закономерностям, что и любой другой текст⁵, несмотря на некоторые особенности языка закона (логичность, последовательность, связность, системность и др.)⁶.

Используя научные достижения в области коммуникации⁷ и филологии, можно заключить, что русский язык позволяет передать информацию не только эксплицитным (прямым, непосредственным способом), но и имплицитным⁸. Как справедливо отмечает И. А. Шалудько, имплицитность в тексте – это «имманентное свойство текста, отражающее лингвистические закономерности формирования смысловой и синтаксической структуры текстового целого»⁹. При этом имплицитный способ передачи информации адресату обеспечивается общеизвестными языковыми приемами и средствами, такими как компрессия¹⁰, умолчание¹¹, пресуппозиции¹², имплицатура¹³ и др. В частности, Т. В. Нестерова на примере фразы «Я познакомился с Сашинной женой» демонстрирует, что реципиент способен извлечь из высказывания объем информации, значительно превышающий буквальное значение слов¹⁴. Иначе говоря, информация может усваиваться адресатом не только через текстуально закреплённое словесное выражение, но и при помощи вынесения за скобки предложения некоторых его членов без потери информации и смысла.

⁵ См., например: *Ушаков А. А.* Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 147; *Кострова М. Б.* Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 63–73; *Ситникова А. И.* Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3 (124). С. 113; *Она же.* Законодательная текстология как составная часть законодательной техники // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 52–53; *Белянская О. В.* Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2, № 7. С. 23–34.

⁶ См.: *Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р.* Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 3 (57). С. 411.

⁷ См.: *Потемкина О. С.* Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023.

⁸ См., например: *Шалудько И. А.* Имплицитность как принцип текстообразования и анализа литературного текста (на материале испанских литературных памятников XII–XVII вв.): дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 2016. С. 22–55; *Маслова А. Ю.* Особенности конвенциональных побудительных косвенных речевых актов (на материале славянских языков) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2, № 2–1. С. 167–176; *Котлова А. С.* Соотношение эксплицитности и имплицитности в содержании новостного текста // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6. С. 557–560; *Просвиркина И. И.* «Скрытые смыслы» речевой коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (147). С. 116–119.

⁹ *Шалудько И. А.* Указ. соч. С. 109–110.

¹⁰ См.: *Вольская Н. Н.* Виды информации и способы ее передачи в журналистском тексте // Культура в фокусе научных парадигм. 2020. № 10–11. С. 386; *Шалудько И. А.* Указ. соч. С. 9.

¹¹ *Кострова М. Б.* Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 70–73.

¹² *Нестерова Т. В.* Указ. соч. С. 26–29.

¹³ *Бондарь О. А.* Категория «недосказанность» (understatement) как способ выражения имплицитного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2 (69). С. 70.

¹⁴ *Нестерова Т. В.* Указ. соч. С. 16.

На сегодняшний день косвенный способ передачи смыслов активно изучается и применяется в различных сферах коммуникации: политике¹⁵, маркетинге, рекламе и т.д.¹⁶ Однако в юриспруденции этому способу изложения законодательного текста уделяется недостаточно внимания, и причина прежде всего в том, что он воспринимается как угроза правовой определенности. Особенно остро эта проблема стоит в уголовном праве, где требования ясности, точности и недвусмысленности закона являются основополагающими. Таким образом, ключевым вопросом исследования становится поиск баланса между естественной языковой имплицитностью и абсолютной точностью уголовно-правовых предписаний.

Как отмечает А. Ф. Черданцев, состав преступления представляет собой средство юридической техники, инструмент построения нормативного материала¹⁷. Данный тезис напрямую применим к структуре Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁸ (УК РФ): именно состав преступления выступает той первичной конструкцией, посредством которой формируется уголовно-правовой запрет. Моделируя конкретное общественно опасное деяние, законодатель закрепляет его существенные признаки в нормах закона. Таким образом, формулируя запрет, он, по сути, создает информационную модель преступления, описывая его юридически значимые характеристики. Поэтому, говоря о возможности использования косвенного способа передачи смыслов уголовно-правовых предписаний, необходимо решить вопрос о возможности использования признаков состава преступления, которые прямо не упомянуты в тексте уголовного закона.

В литературе они обозначаются как скрытые¹⁹, неочевидные признаки²⁰. Об этом, в частности, пишут С. В. Анощенкова и О. Н. Крапивина, выделяя, например, в составе преступления, предусмотренного статьей 316 УК РФ, признак специального субъекта – «лицо, не совершавшее укрываемое (первоначальное) преступление»²¹. Они же выделяют признаки субъекта преступления, не обозначенного в уголовном законе, для составов преступлений, которые предусмотрены статьями 131, 139, 145, 145.1, 146, 147, 151, 154, 166, 171, 171.1, 172, 173, 177, 178, 180, 183, 190, 192, 193, 194, 198–199.1, 299, 300, 301, 320, 321, 328 УК РФ.

¹⁵ Нестерова Т. В. Указ. соч. С. 113–123, 137–142.

¹⁶ Вольская Н. Н. Указ. соч. С. 386.

¹⁷ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 251.

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 09.04.2026).

¹⁹ См.: Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2015. С. 146; Землюков С. В. Преступный вред: Теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 76.

²⁰ См.: Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 87–88; Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963. С. 140.

²¹ Анощенкова С. В., Крапивина О. Н. Субъект преступления, признаки которого устанавливаются путем толкования закона // Уголовное право. 2009. № 3. С. 4.

Понятие и основные черты имплицитных признаков состава преступления

Говоря о степени правовой определенности (ясности, точности и недвусмысленности) уголовно-правового запрета, можно выделить в зависимости от закрепления признаков состава преступления в диспозициях статей Особенной части УК РФ эксплицитные и имплицитные²² признаки состава преступления.

В толковых словарях имплицитный (от лат. *implicātus* – запутанный, невнятный) понимается как «не проявляющийся открыто; не обнаруживающийся при поверхностном наблюдении»²³. В свою очередь, эксплицитный (от лат. *explicite* – явный, открытый) определяется как ярко, недвусмысленно выраженный, имеющий внешнее, материальное выражение²⁴. Следовательно, под *эксплицитными признаками состава преступления* надо понимать прямо (непосредственно, текстуально) закрепленные в диспозициях статей Особенной части УК РФ признаки состава преступления. Например, указанный законодателем в статье 145 признак потерпевшего – «женщина» – не требует дополнительного толкования; общеупотребительного значения достаточно, чтобы заключить, что при необоснованном отказе в приеме на работу либо необоснованном увольнении потерпевшим, имеющим ребенка в возрасте до трех лет, мужчина быть не может.

Представляется, что *имплицитные признаки состава преступления* – это признаки, не получившие прямого закрепления или полного выражения в диспозициях статей Особенной части уголовного закона, но подразумеваемые и выводимые из текста Уголовного кодекса РФ при его толковании. Демонстрацией использования законодателем имплицитного признака состава преступления при описании уголовно-правового запрета может служить прямой умысел для части 1 статьи 128.1 УК РФ (клевета), содержание которого определяется путем применения наречия «заведомо». В составе преступления, предусмотренного частью 2 статьи 301 (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), прямо не назван субъект незаконного заключения под стражу, но ученые высказывают мнение, что к нему следует относить всех лиц, участвующих в процессуальном порядке избрания этой меры пресечения: следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, прокурора, судью²⁵. Хотя отнесение последнего к субъекту представляется довольно спорным, поскольку его действия в этом случае полностью образуют состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, предусмотренного статьей 305 УК РФ.

Думается, что имплицитные признаки состава преступления характеризуются описанными ниже чертами.

²² Примерно так же выделяют их А. В. Иванчин и С. В. Землюков. См.: Иванчин А. В. Указ. соч. С. 146; Землюков С. В. Указ. соч. С. 76.

²³ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. С. 390; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2005. С. 297.

²⁴ См.: Большой толковый словарь русского языка. С. 1516; Крысин Л. П. Указ. соч. С. 908.

²⁵ См.: Морозов В. И., Иванова Л. В. Субъект заведомо незаконного заключения под стражу // Российский следователь. 2022. № 7. С. 54.

Во-первых, имплицитный признак состава преступления описывает один из элементов состава преступления и относится к нему как часть к целому. Так, для состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 339 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами), признак «цели» (временное уклонение от исполнения обязанностей), который прямо не поименован в диспозиции статьи, но указан в пункте 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», описывает лишь субъективную сторону состава преступления, а не все преступление, а потому соотносится со всем составом преступления как часть и целое. В диспозиции состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 176 УК РФ (незаконное получение государственного целевого кредита), не говорится о способе совершения преступления, хотя ученые выделяют незаконный способ как признак данного состава преступления²⁶, который относится к объективной стороне и характеризует деяние.

Во-вторых, имплицитный признак состава преступления является необходимым для наступления уголовной ответственности. Он проявляется во всех преступлениях данного вида и имеет самостоятельное значение для квалификации преступления: подлежит установлению в уголовном процессе всякий раз при привлечении лица к уголовной ответственности. Как верно замечает Е. А. Куликов, «в соответствии со ст. 73 УПК РФ все признаки состава преступления, и не только они, относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу, все они являются обязательными»²⁷. Отсутствие хотя бы одного имплицитного признака состава преступления, например непосредственного объекта, причинно-следственной связи между преступным деянием и наступившими последствиями (в материальных составах преступлений), – основание для прекращения уголовного преследования. Имплицитные признаки состава уникальны, они не дублируют друг друга, не перекрывают и не заменяют собой остальные. Так, например, форма вины при краже (ч. 1 ст. 158 УК РФ) не очевидна при прочтении диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, ее содержание устанавливается с учетом наличия в хищении обязательной корыстной цели, указанной в примечании к данной статье. На основании этого лицо, применяющее уголовно-правовую норму, делает вывод, что кража возможна только с прямым умыслом. Отсутствие прямого умысла на совершение кражи является основанием для прекращения уголовного дела по подпункту 2 части 1 статьи 24 УПК РФ²⁸. Другой пример: значительный ущерб, как имплицитный признак состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 167 УК РФ (умышленные уничтожение или повреждение имущества), является обязательным для него. На это

²⁶ См.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): моногр.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 165.

²⁷ Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: моногр. / [И. А. Анисимова, Д. А. Казанцев, А. А. Коренная и др.]; под ред. Е. А. Куликова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 158.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.04.2026).

обращает внимание и Верховный Суд РФ в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем». Без установления значительного ущерба при уничтожении чужого имущества (например, из хулиганских побуждений) в действиях лица отсутствует состав преступления.

В-третьих, имплицитный признак состава преступления выступает средством разграничения преступлений и других правонарушений. Так, ущерб в составе кражи выступает преступным последствием и относится к признакам объективной стороны состава преступления. Наличие и размер этого ущерба позволяют не только разграничивать смежные составы преступлений (например, основной и квалифицированный), но и отделять уголовную ответственность от административной. Например, если лицо совершает хищение на сумму менее 2500 рублей, то при отсутствии в его действиях квалифицированных и особо квалифицированных признаков, а также специального субъекта, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ, деяние квалифицируется как административное правонарушение – мелкое хищение. Не указывается и предмет состава преступления в диспозиции части 1 статьи 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), однако он является обязательным признаком и, как отмечает Н. А. Лопашенко, имеет определенную специфику: предметом выступает имущество, которое «на момент совершения деяния не находится у собственника или законного владельца, не поступило им, и (или) является частью имущества виновного, или передано ему самим собственником или законным владельцем, или доверено третьим лицам для передачи собственнику или законному владельцу» и «подлежит передаче собственнику или законному владельцу в качестве обязательных платежей или оплаты оказанных собственником или законным владельцем, или за счет имущества последнего, виновному услуг»²⁹. Следовательно, предмет в данном составе позволяет отграничить составы мошенничества и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

В-четвертых, признак состава преступления прямо не закреплен в диспозиции статьи Особенной части, но его содержание вытекает из всего нормативного материала в контексте применения уголовного закона. Уголовный закон высокого качества – доступный для понимания нормативно-правовой акт, эффективно применяемый и действующий. Одним из критериев его эффективности является лаконичность уголовного запрета. А. И. Марцев совершенно справедливо указывает: «Полностью описывать в диспозиции статьи Особенной части состав преступления необходимости нет, так как законодатель пользуется принципом экономии текста закона, да и логически это не оправдано»³⁰. По этой причине использование имплицитных признаков

²⁹ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: авторский курс: в 4 кн. Кн. IV: Корыстные (без признаков хищений) и некорыстные посягательства на собственность. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 83, 84.

³⁰ Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении: моногр. Омск: Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000. С. 112.

позволяет не дублировать в диспозиции уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ признаки состава преступления либо, с учетом охранительных задач, стоящих перед уголовным правом, делает возможным не закреплять каждый раз в составе преступления возникающие в жизни новые явления. Так, в составе умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества не содержится указания на само деяние, запрещенное законом³¹. Законодатель описывает объективную сторону состава путем включения в диспозицию уголовно-правовой нормы последствий совершения преступления (значительный имущественный ущерб, причиненный в процессе уничтожения или повреждения имущества).

Субъект состава преступления, предусмотренного частями 1, 2 статьи 353 УК РФ (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны), также не указан в статье, однако, как отмечает В. П. Степалин, им может быть только лицо, занимающее высшую государственную должность РФ, в компетенцию которого в соответствии с Конституцией входит решение вопросов о совершении указанных в законе военных действий³². Такой признак специального субъекта преступления вытекает из взаимосвязи положений уголовного закона и иных нормативно-правовых актов, определяющих полномочия лица, в чью компетенцию входит возможность ведения войны.

Особо отметим, что несмотря на то, что именно уголовный закон устанавливает признаки состава преступления, все же их содержание существенным образом зависит от норм иных отраслей права. Здесь примером может служить закрепление законодателем в части 1 статьи 228 УК РФ имплицитного признака состава преступления, характеризующего предмет преступления, – наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере. Данная норма является, во-первых, ссылочной, поскольку отсылает к примечанию 2 статьи 228, в котором указывается, что «значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также значительный, крупный и особо крупный размеры для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей настоящей статьи» утверждаются постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002³³. А во-вторых – бланкетной нормой, потому что

³¹ Аналогичного мнения придерживается А. В. Корнеева. См.: *Корнеева А. В.* Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2010. С. 59; а также Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.

³² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4: Особенная часть. Разделы X–XII / под ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. (Автор параграфа – В. П. Степалин.)

³³ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1,

сами понятия наркотического средства, психотропного вещества, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, определены Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а их перечень утверждается постановлениями Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681³⁴ и от 27 ноября 2010 г. № 934³⁵. Таким образом, для уяснения правоприменителем смысла, заложенного законодателем в части 1 статьи 228 УК РФ, требуется рассматривать предмет преступления как имплицитный признак его состава во взаимосвязи с целым комплексом других норм, которые предусмотрены как самим УК РФ, так и другими нормативно-правовыми актами.

В-пятых, в качестве имплицитного признака законодатель закрепляет, как правило, наиболее типичные, повторяющиеся и часто встречающиеся «индикаторы» преступления, влияющие на его общественную опасность.

Любой признак состава преступления – и имплицитный, и эксплицитный – это наиболее типичный, повторяющийся признак преступления. Однако имплицитным признаком может быть закреплён лишь тот типичный признак преступления, который повторяется для описания нескольких составов преступлений. Так, только в части 1 статьи 105 УК РФ законодатель использует указание на возможность совершения убийства исключительно умышленно, в других, квалифицированных и привилегированных, составах убийства формы вины не содержится. Следовательно, для составов преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 105 и статьями 106–108 УК РФ, умышленная форма вины является имплицитным признаком, закрепляющим типичную черту убийства – осознание виновным при причинении смерти другому лицу неизбежности (возможности) смерти потерпевшего и желание ее наступления или безразличное отношение к ее наступлению.

К типичным признакам состава преступления для множества составов можно отнести признаки, характеризующие объект и субъект преступления, соучастие в преступлении, причинно-следственную связь, неоконченную преступную деятельность и многое другое³⁶.

229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2012 г. № 1002 (ред. от 11.06.2025).

³⁴ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 11.06.2025).

³⁵ Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: постановление Правительства РФ от 27 нояб. 2010 г. № 934 (ред. от 07.02.2024).

³⁶ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев: Наукова думка, 1969. С. 81.

О допустимости использования имплицитных признаков

Важным является вопрос о возможности и пределах использования в отечественном уголовном праве имплицитных признаков состава преступления. Представляется, что ответ на него напрямую зависит от решения другого вопроса: обеспечивается ли использованием имплицитных признаков при конструировании составов преступления общий принцип юридической ответственности³⁷ – принцип правовой определенности, под которым в научной литературе понимается основополагающая идея, выражающая «требование определенности правового регулирования в целом, которое достигается прежде всего за счет ясности, точности, недвусмысленности и непротиворечивости норм права и индивидуально-властных предписаний, четкости порядка действия нормативного правового акта, стабильности правоотношений, устойчивости правоприменительных актов и актов реализации права»³⁸. Согласимся с В. А. Крыжаном в том, что принцип правовой определенности – это общий принцип права³⁹, который свойствен и уголовному праву. Так, А. В. Наумов предлагает прямо закрепить определенность уголовно-правового запрета в статье 3 УК РФ, конкретизировав принцип законности⁴⁰.

На первый взгляд кажется, что этот принцип следует понимать как обязательное и ясное закрепление признаков состава преступления в диспозициях статей Особенной части уголовного закона. Однако, по нашему мнению, этот принцип имеет более широкое толкование, поскольку Конституционный Суд РФ, рассуждая о принципе правовой определенности, отмечает, что он «не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов»⁴¹.

Размышляя о принципе правовой определенности в уголовном праве, необходимо помнить и о том, что нормы уголовного права, как справедливо отмечает А. Э. Жалинский, «не совпадают с понятием статей или иных структурных элементов уголовного закона, нормы уголовного права воплощают содержание предписания законодателя», они более абстрактны по своему содержанию и вычлняются путем толкования уголовного закона⁴². Таким образом, использование косвенного способа

³⁷ По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П.

³⁸ *Дербышева Е. А.* Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 9.

³⁹ *Крыжан В. А.* О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 84.

⁴⁰ *Наумов А. В.* Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3 (89). С. 5–14.

⁴¹ По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского...

⁴² *Жалинский А. Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Уголовное право / сост. К. А. Барышева [и др.]; отв. ред. О. Л. Дубовик. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 24.

описания признаков состава преступления не нарушает прямо не поименованного принципа правовой определенности в уголовном праве.

Более того, использование имплицитных признаков является оправданным и в плане экономии законодательной материи. К такому же выводу приходит М. А. Тулиглович: «Само по себе умолчание в целом не является дефектом формы уголовного закона и объясняется как раз обратным – высокой степенью совершенства отечественной законодательной техники»⁴³. Так, при формулировании состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 185.3 УК РФ (манипулирование рынком), законодатель дублирует действия, прямо запрещенные Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», тем самым искусственно расширяя текст уголовного закона. Или же обратимся к части 2 статьи 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), которая сконструирована таким образом, что повторяет объективную сторону состава преступления, предусмотренного частью 1 этой же статьи. Более удачным было бы указание на «то же деяние, совершенное лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия».

Имплицитные признаки состава преступления выполняют важную системообразующую функцию – обеспечивают взаимосвязь уголовно-правовых предписаний и норм иных отраслей права. Будучи прямо не закрепленными в тексте уголовного закона, они конкретизируются в праворазъяснительной и правоприменительной практике, что создает предпосылки для исчерпывающего установления их содержания.

Имплицитные признаки состава преступления – это признаки, не получившие прямого закрепления или полного выражения в диспозициях статей Особенной части уголовного закона признаки, но подразумеваемые и выводимые из текста Уголовного кодекса Российской Федерации при его толковании.

Имплицитный признак состава преступления обладает следующими основными чертами:

- 1) описывает один из элементов состава преступления и относится к нему как часть к целому;
- 2) является необходимым для наступления уголовной ответственности;
- 3) выступает средством разграничения преступлений и других правонарушений;
- 4) прямо не закреплен в диспозиции статьи Особенной части, но его содержание вытекает из всего нормативного материала в контексте применения уголовного закона;
- 5) в качестве имплицитного признака законодатель закрепляет, как правило, наиболее типичный, повторяющийся и часто встречающийся «индикатор» преступления, влияющий на его общественную опасность.

⁴³ Тулиглович М. А. Структура уголовно-правовой нормы: учеб. пособие. Омск: Ом. акад. МВД России, 2009. С. 97.

ИмPLICITные признаки состава преступления могут быть использованы при конструировании составов преступлений, поскольку они позволяют выстраивать оптимальное соотношение между казуистическим и абстрактным способами изложения уголовно-правовой нормы, обеспечивая при этом принцип правовой определенности в уголовном праве.

Библиографический список

Анощенко С. В., Крапивина О. Н. Субъект преступления, признаки которого устанавливаются путем толкования закона // Уголовное право. 2009. № 3. С. 4–6.

Белянская О. В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2, № 7. С. 23–34. DOI: 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34.

Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2003.

Бондарь О. А. Категория «недосказанность» (understatement) как способ выражения имплицитного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (69). С. 69–71.

Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1963.

Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев: Наукова думка, 1969.

Власенко Н. А. А. А. Ушаков – основатель отечественной правовой лингвистики // Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 5–24.

Вольская Н. Н. Виды информации и способы ее передачи в журналистском тексте // Культура в фокусе научных парадигм. 2020. № 10–11. С. 384–388.

Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020.

Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: моногр. / [И. А. Анисимова, Д. А. Казанцев, А. А. Коренная и др.]; под ред. Е. А. Куликова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.

Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Уголовное право / сост. К. А. Барышева [и др.]; отв. ред. О. Л. Дубовик. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

Землюков С. В. Преступный вред: Теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007.

Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 3 (57). С. 399–426. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4: Особенная часть. Разделы X–XII / под ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017.

Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2010.

Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8 (68). С. 63–73.

Котлова А. С. Соотношение эксплицитности и имплицитности в содержании новостного текста // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 557–560. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-557-560.

Крыжан В. А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 81–88.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2005.

Лопащенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): моногр.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2022.

Лопащенко Н. А. Преступления против собственности: авторский курс: в 4 кн. Кн. IV: Корыстные (без признаков хищений) и некорыстные посяательства на собственность. М.: Юрлитинформ, 2019.

Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении: моногр. Омск: Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000.

Маслова А. Ю. Особенности конвенциональных побудительных косвенных речевых актов (на материале славянских языков) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), № 2-1. С. 167–176.

Морозов В. И., Иванова Л. В. Субъект заведомо незаконного заключения под стражу // Российский следователь. 2022. № 7. С. 51–55. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-7-51-55.

Наумов А. В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3 (89). С. 5–14.

Нестерова Т. В. Скрытые смыслы в коммуникации: лекции и практические задания: учеб. пособие. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020.

Потемкина О. С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023.

Пронина М. П. Языковые правила формулирования текста уголовного закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 151–155.

Просвиркина И. И. «Скрытые смыслы» речевой коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (147). С. 116–119.

Ситникова А. И. Законодательная текстология как составная часть законодательной техники // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 50–57. DOI: 10.36511/2078-5356-2021-1-50-57.

Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3 (124). С. 106–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.106-122.

Таюпова О. И., Юсупова Л. Г. Лингвистические аспекты теории коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 561–565.

Тулиглов М. А. Структура уголовно-правовой нормы: учеб. пособие. Омск: Ом. акад. МВД России, 2009.

Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

Шалудько И. А. Имплицитность как принцип текстообразования и анализа литературного текста (на материале испанских литературных памятников XII–XVII вв.): дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 2016.

Ex jure

Информация для цитирования

Соловьева Е. А. Имплицитные признаки состава преступления // Ex jure. 2026. № 3. С. 150–163. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-150-163. EDN RAAGRO

Soloveva E. A. Implicit Elements of a Crime. *Ex jure*. 2026. № 3. Pp. 150–163. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-3-150-163. EDN RAAGRO

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике по группе научных специальностей 5.1. – Право.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Междустрочный интервал – полустрочный. Размер шрифта (кегель) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единым файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN *EX JURE*

The presented article must be original, not previously published, corresponding to the thematic scope addressed by scientific disciplines classified as 5.1 - Law.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization–the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal "Perm University Herald. Juridical Sciences" (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charge